

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

В О П Р О С Ы Я З Ы К О З Н А Н И Я

}

1

Я Н В А Р Ь — Ф Е В Р А Л Ь

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1953

В. В. ВИНОВАТОВ

**ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ТРУДА
И. В. СТАЛИНА «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛИЗМА В СССР» И РЕШЕНИЙ XIX СЪЕЗДА КПСС**

1

Тридцатипятилетие Великого Октября совпало с событиями всемирно-исторического значения. Появление нового труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», решения и директивы XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, речь И. В. Сталина на заключительном заседании этого съезда — все эти исторические события выражают тот новый этап развития, на котором находится советский народ. В опубликованных исторических документах обобщен гигантский опыт построения социалистического общества в нашей стране, охарактеризовано его влияние на развитие мирового революционного и рабочего движения, дана программа строительства коммунизма в Советском Союзе и укрепления мира во всем мире.

Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» имеет вселяющее значение для марксистско-ленинской теории, для всей нашей практической деятельности, для развития социалистического общества, для дальнейшего роста и процветания всей советской науки. В этом труде всесторонне исследованы законы общественного производства и распределения материальных благ в социалистическом обществе, открыты основной экономический закон современного капитализма и основной экономический закон социализма, указаны пути постепенного перехода от социализма к коммунизму. Своими обобщениями в области экономической теории И. В. Сталин не только продвинул далеко вперед марксистско-ленинскую политическую экономию, но и осветил целый ряд коренных вопросов марксистской науки, важных для самых разнообразных областей знания. Вся передовая наука непрерывно обогащается, вооружается гениальным творчеством И. В. Сталина. Советское языкознание, возрожденное к живой научной жизни классическим произведением И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», получает в новом труде нашего гениального вождя и учителя глубочайшие указания по многим основным вопросам марксистской теории развития разных общественных явлений, в том числе и языка.

В труде И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» прежде всего подчеркивается марксистское положение об объективном характере законов науки. И. В. Сталин указывает, что «наука не может жить и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения этих закономерностей»¹. «Марксизм, — учит И. В. Сталин, — понимает законы науки, — все равно идет ли речь о законах естествозна-

¹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 85.

ния или о законах политической экономии, — как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки»². Это положение имеет прямое отношение и к законам развития языка. Законы науки о языке отражают объективно-исторические процессы в развитии языка, происходящие независимо от воли людей.

Знание законов развития языка должно помочь обществу лучше ориентироваться в вопросах нормализации языка, в оценке характера, способов и возможностей регулирования и направления тех или иных процессов в развитии национальных языков. Не подлежит сомнению, что знание законов развития языка, способность сделать из них практические выводы может служить важным фактором творческой, новаторской деятельности писателя, художника слова. Только поняв смысл процессов, происходящих в языке, можно «... потом умело ими управлять в соответствии с общей тенденцией развития»³.

К законам развития языка может быть также применено указание И. В. Сталина на историческую ограниченность законов политической экономии: «Одна из особенностей политической экономии, — говорит И. В. Сталин, — состоит в том, что ее законы, в отличие от законов естествознания, недолговечны, что они, по крайней мере большинство из них, действуют в течение определенного исторического периода, после чего они уступают место новым законам. Но они, эти законы, не уничтожаются, а теряют силу в силу новых экономических условий и сходят со сцены, чтобы уступить место новым законам, которые не создаются волею людей, а возникают на базе новых экономических условий»⁴.

Конечно, нельзя механически переносить эту точную и яркую характеристику экономических законов целиком на законы развития языка. Качественные изменения в языке происходят без катаклизмов, без «взрывов». Закон постепенного перехода языка от одного качества к другому качеству действителен для всех эпох развития языка, постепенность изменений в структуре языка характеризует всю историю языка. После появления труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» нам всем стало очевидно, что законы развития языка имеют свои специфические качества, они являются внутренними для языка, т. е. присущими языку как специфическому общественному явлению. Одни из них являются общими для всех языков, вытекающими из общественной природы и структуры языка, другие специфичны для отдельных конкретных языков или групп родственных языков. Но и те и другие (или, как выражаются лингвисты, «внутренние общие и частные законы развития языка») определяются общественными условиями развития языка и общественными функциями языка в их историческом движении. Само собою разумеется, что «долговечность» разных законов развития языка неодинакова.

Важно в высшей степени для языкознания и указание И. В. Сталина на то, что в области экономического развития следует различать общие и специфические, ограниченные определенной эпохой, законы. «Различные общественные формации в своем экономическом развитии, — учит И. В. Сталин, говоря об ошибках тов. Ярошенко, — подчиняются не только своим специфическим экономическим законам, но и тем экономическим законам, которые общие для всех формаций, например, таким законам, как закон об единстве производительных сил и производственных отноше-

² И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 4.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 37.

⁴ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 5—6.

ний в едином общественном производстве, закон об отношениях между производительными силами и производственными отношениями в процессе развития всех общественных формаций. Стало быть, общественные формации не только отделены друг от друга своими специфическими законами, но и связаны друг с другом общими для всех формаций экономическими законами»⁵.

Таким образом, «марксизм-ленинизм учит, что наряду с общими законами общественного развития имеются еще особые, специфические законы развития, присущие каждой общественной формации; при этом и общие законы в каждой общественной формации проявляются в особой форме»⁶. В применении к языку понятие «специфических законов» наполняется своеобразным содержанием: эти законы специфичны для истории отдельного конкретного языка (или группы родственных языков) и для отдельного исторического периода его развития. В развитии языка как своеобразного общественного явления необходимо различать внутренние законы — общие, свойственные любому языку на всех этапах его истории, и специфические, действующие в отдельные периоды развития того или иного конкретного языка или группы родственных языков.

Сталинское указание приобретает для нас тем большее значение, что некоторые советские языковеды пытались противопоставить общие законы языка внутренним законам развития отдельных конкретных языков и групп родственных языков.

Значение общих законов развития языка состоит не только в том, что они свойственны всем языкам и всем эпохам развития языка, что они характеризуют общие закономерности развития любого языка, хотя, естественно, проявляются в многообразных конкретных формах, но и в том, что они выражают специфику языкового развития и характер связи этого развития с развитием других общественных явлений.

И. В. Сталин учит, что развитие разных общественных явлений и даже развитие одного и того же общественного явления, но в разные исторические эпохи подчинено разным законам и что качественные изменения в разных общественных явлениях происходят в разной форме. В труде «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин открывает и определяет своеобразие экономического развития в социалистических условиях. И. В. Сталин разъясняет диалектическое противоречие, возникающее в категории товаров на данной ступени развития нашего социалистического общества: «...в области внешнеторгового оборота средства производства, производимые нашими предприятиями, сохраняют свойства товаров как по существу, так и формально, тогда как в области экономического оборота внутри страны средства производства теряют свойства товаров, перестают быть товарами и выходят за пределы сферы действия закона стоимости, сохраняя лишь внешнюю оболочку товаров (калькуляция и пр.)»⁷. Таким образом происходит переход от одного качества к другому в целом ряде экономических категорий — таких, как товары, деньги, банки, — в наших социалистических условиях. Эти категории, теряя свои старые функции и приобретая новые, сохраняют старую форму, используемую социалистическим строем. «Разумеется, эти старые формы не будут существовать вечно: постепенно они сделаются ненужными и отомрут в процессе дальнейшего перехода от социализма к коммунизму»⁸.

⁵ Там же, стр. 71.

⁶ Великий вклад в марксистско-ленинскую науку [передовая], «Коммунист», М., 1952, № 20, стр. 13.

⁷ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 53.

⁸ Д. Чесноков, Вопросы марксистской философии в труде И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», «Коммунист», М., 1952, № 21, стр. 33.

И. В. Сталин конкретизирует сущность закона экономического развития в социалистических условиях. «Дело в том, — пишет И. В. Сталин, — что в наших социалистических условиях экономическое развитие происходит не в порядке переворотов, а в порядке постепенных изменений, когда старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя ее для развития нового»⁹.

Совершенно очевидно, что указание на этот вид постепенных изменений чрезвычайно важно и ценно для более глубокого понимания процессов качественных изменений в языке. В своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин установил, что развитие языка происходит «...не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»¹⁰. Специфика языкового отражения объективно-исторической действительности, присущих ей связей и отношений состоит в том, что язык, неразрывно связанный с историей народа — его творца и носителя, отражает развитие общественной жизни и познание закономерностей внешнего мира с помощью своей структуры, путем постепенного совершенствования и развертывания основных элементов этой структуры. Тот факт, что изменения в языке происходят постепенно и притом неравномерно в отдельных частях структуры языка, а не во всем языке сразу, предопределяет преемственность в развитии языковых фактов и устойчивость структуры языка. Переход от одного качества языка к другому происходит «...путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»¹¹.

В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин подчеркивает, что накопление элементов нового качества может состоять не только в отмирании старой формы или старых форм и в вытеснении их новыми, не только в разных способах возникновения новых форм, но и в изменении функций старых форм и категорий, в утрате ими прежних функций и в приобретении новых: «...новое ... проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя ее для развития нового»¹². От старых категорий сохраняется форма, внешний облик, но существу же они изменяются коренным образом. В развитии грамматического строя славянских языков, например русского языка, нередки такого рода функциональные изменения старых категорий без ломки старых форм их выражения.

Таковы, например, в истории русского языка изменения категории множественного числа имен существительных в связи с утратой форм двойственного числа, с изменением функций категорий собирательности и с процессом образования имен числительных как особой части речи; таковы изменения функций падежей имен существительных, особенно ярко непосредственно обнаруживающиеся в развитии сочетаний падежных форм с предлогами, а также в расширении функций форм родительного, творительного и местного-предложного падежей; таковы изменения функций кратких форм имен прилагательных, приведшие к утрате их склонения; таковы функциональные изменения слов, обозначавших количество и объединившихся в особой категории имен числительных; таково обогащение класса наречий на основе функционального преобразования именных и глагольных форм; таков процесс формирования категории состояния

⁹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 53.

¹⁰ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 27.

¹¹ Там же.

¹² И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 53.

и многое другое. Сюда же можно отнести изменения функции разных типов предложения при относительном сохранении их форм, например, безличных предложений, бессоюзных сложных предложений и т. п.

В связи с этим приобретает новую силу и новый смысл старое замечание А. А. Потебни: «Прежде созданное в языке двояко служит основанием повому: частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью же изменяет свой вид и значение в целом единственно от присутствия нового»¹³. Вследствие взаимосвязи всех элементов языковой структуры новое в языке согласуется со всеми его частями и нередко изменяет соотношение связей и функций между разными его элементами. Понятно, что и процесс отмирания элементов старого качества, диалектически связанный с процессом накопления элементов нового качества, также может иметь очень разнообразное проявление и течение. Сюда относятся и утрата форм и категорий (например, в русском языке — двойственного числа, аориста, имперфекта в системе временных форм глагола, звательной формы и т. п.), сопро-вождающаяся, естественно, изменениями грамматической структуры языка; и сужение, обеднение функций и связей тех или иных форм и конструкций, сокращение сферы их употребления (например, в истории русского литературного языка нового периода — с XVIII в. — сокращение употребления предлога *по* в сочетании с формами предложного и винительного падежей, родительного беспредложного после глаголов со значением удаления, лишения и т. п.); и сужение функций, приводившее к утрате форм (как, например, у кратких прилагательных); и возникновение новой категории, как результат утраты одних и функционального переосмысления других форм (например, в русском языке — процесс утраты форм склонения кратких нестрадательных причастий и возникновение категории деепричастия); и постепенное превращение некогда живых грамматических категорий в грамматические «фикции», по выражению А. А. Потебни (например, в русском языке — категории рода имен существительных, числа в системе числительных и т. п.); и выпадение форм из круга продуктивных типов словоизменения, словообразования и словосочетания (например, форм склонения существительных мужского рода типа *путь*, форм прошедшего времени глагола на согласный корня типа *лег*, *пек*, *стриг* и т. п.).

Таким образом, вопрос о внутренних законах развития различных общественных явлений, о характере качественных изменений получает в свете нового труда И. В. Сталина дальнейшую конкретизацию, дальнейшее углубление. Чрезвычайно существенны указания И. В. Сталина на опасности чисто формального, поверхностного анализа общественных явлений, оторванного от их социального содержания, от глубинных процессов историко-общественного развития. И. В. Сталин пишет: «Если подойти к делу с точки зрения формальной, с точки зрения процессов, происходящих по поверхности явлений, можно прийти к неправильному выводу о том, что категории капитализма сохраняют будто бы силу в нашей экономике»¹⁴. Эти предостережения имеют огромное значение для языковедов. И у нас часто при поверхностном, формальном изучении происходит антиисторическая оценка роли разных категорий и явлений даже в составе современного языка. Достаточно сослаться на традиционные характеристики этапов исторического состава разных литературных языков путем сводки отдельных, иногда совсем не типичных лексических изменений и новообразований, на традиционный анализ так называемых «славянизмов» и их

¹³ А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, I—II, Харьков, 1888, стр. 126.

¹⁴ И. С т а л и н, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 53.

функций в словарном составе русского литературного языка XIX и XX вв. или на отсутствие ясных и четких исторических линий в характеристике форм и типов словосочетаний в современном русском языке, в изучении развития разных видов простого предложения, в исследовании процессов формирования и совершенствования конструкций сложного предложения и т. д.

И. В. Сталин подчеркивает, что подлинно исторический, марксистский анализ делает строгое различие «...между глубинными процессами развития и поверхностными явлениями...»¹⁵, между старым, отмирающим, и новым, развивающимся. И. В. Сталин разоблачает ошибочность выводов тех товарищей, которые «...видят внешние явления, мелькающие на поверхности, но не видят тех глубинных сил, которые, хотя и действуют пока незаметно, но все же будут определять ход событий»¹⁶. Именно эти «глубинные силы» и составляют содержание внутренних законов развития языка. Этот принцип выделения «глубинных сил и глубинных явлений», основополагающий для подлинно исторического изучения развития языка на всех этапах его существования, центральный для исследования национальных языков в их современном состоянии, требует от языковеда глубокого марксистского анализа языка, его формы и содержания, его категорий и их функций, его живых закономерностей, требует ясного и точного разграничения в языке продуктивных, развивающихся тенденций и тенденций отмирающих, непродуктивных.

Правда, без всесторонних наблюдений над внешними изменениями во всем их разнообразии часто не могут быть обнаружены и действующие за ними скрытые глубинные силы и процессы. «Еще Маркс говорил, что между внешним и внутренним, между явлением и сущностью событий имеется различие, и если бы не было этого различия, то не было бы надобности в науке. Задача науки в том и состоит, чтобы, отправляясь от фактов и событий, углубиться в познание их сущности, познать законы, определяющие развитие событий и явлений»¹⁷. Следует всегда помнить, что марксистское языкознание ставит своей главной задачей изучение внутренних законов развития языка. А «закон не есть нечто случайное, внешнее, единичное. Закон неразрывно связан с внутренней природой явлений, выражает их внутреннюю связь, повторяемость, их причинность, необходимость»¹⁸.

Необходимо указать также на то, что труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» побуждает языковедов при изучении истории языка глубоко задуматься над вопросом о соотношении и удельном весе разных законов развития языка, а также над проблемой наличия основного закона развития языка в тот или иной период его истории. Указывая на ошибки тов. Ярошенко, И. В. Сталин пишет:

«Когда говорят об основном экономическом законе той или иной общественной формации, обычно исходят из того, что последняя не может иметь несколько основных экономических законов, что она может иметь лишь один какой-либо основной экономический закон, именно как **основной** закон. В противном случае мы имели бы несколько основных экономических законов для каждой общественной формации, что противоречит самому понятию об основном законе»¹⁹.

Периоды общественного развития языка не совпадают с эпохами развития и смены разных социально-экономических формаций. Внутренние

¹⁵ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 53.

¹⁶ Там же, стр. 33.

¹⁷ Д. Чесноков, указ. соч., стр. 29.

¹⁸ Д. Шепилов, И. В. Сталин о характере экономических законов социализма, «Коммунист», М., 1952, № 20, стр. 36.

¹⁹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 73—74.

законы развития языка, как уже было сказано, характеризуются своими специфическими качествами. Опираясь на изучение конкретных процессов истории того или иного языка в отдельные периоды, языковеды должны решить положительно или отрицательно вопрос о наличии основного закона развития языка в тот или иной период. Само собою разумеется, что основной закон не исключает наличия частных специфических законов развития разных сторон языка в тот же период. Понятие основного закона развития языка в отдельный период его истории чрезвычайно существенно для построения истории языка, для установления принципов его периодизации. Однако при самой постановке вопроса о наличии основного закона для того или иного периода истории языка должна учитываться специфика развития языка, необходимо считаться с общим законом постепенного развёртывания и совершенствования элементов существующего языка. Но несомненно, что каждый период исторического развития языка не только имеет свои специфические законы, познание которых необходимо для плодотворного изучения истории языка, но и свою динамику смены или изменений этих законов.

Все эти идеи должны быть глубоко продуманы языковедами, осмыслены и творчески развиты применительно к конкретному материалу истории отдельных языков, применительно к изучению внутренних законов развития отдельных языков. Таким образом, труд И. В. Сталина направляет языковедов к решению центральной проблемы исторического и сравнительно-исторического исследования языков, к открытию объективных законов их развития в разных общественно-исторических условиях. Путь решения всей совокупности относящихся сюда задач — это углублённое освоение и творческое применение основных принципов исторического материализма и марксистской диалектики к изучению конкретной истории языков. Изучение на этой основе исторического развития того или иного общенародного языка во всей его конкретности и многообразии, в неразрывной связи с историей народа — вот неотложная обязанность советских специалистов по разным языкам и прежде всего по языкам народов нашей страны.

Параллельно с построением тщательно, марксистски разработанных историй отдельных конкретных языков будет определяться, уточняться, углубляться до сих пор еще не продвинувшаяся вперед методика сравнительно-исторического изучения семей и групп родственных языков.

Исследование объективных исторических законов развития языка, являясь центральной проблемой марксистского языкознания, кладет резкую грань между марксистским языкознанием и языкознанием буржуазно-идеалистическим. Там эта проблема или в корне отрицается, или получается (как, например, в структуральной лингвистике) крайне искривлённую, антиисторическую постановку в виде так называемых «языковых законов», не имеющих ничего общего с законами развития языка в марксистском их понимании.

Например, так называемые «неолингвисты» (Бартоли, Бонфанте) вообще отрицают закономерность изменений языка. Исключение для них — общий «закон жизни» и единственный закон развития языка: в языке все исключение. Даже фонетические закономерности — это «смирительные рубашки для актов языка». Согласно представлениям неолингвистов, воля и воображение индивидуальности управляют языком. Создание и распространение языковых новообразований, с точки зрения неолингвистов, совершенно сходны «с созданием и распространением женских мод»²⁰. Они основаны на индивидуальном эстетическом выборе.

²⁰ Giuliano Bonfante, The neolinguistic position, «Language», v. 23. 1947, № 4, p. 347.

Представители буржуазно-идеалистической философии языка намеренно игнорируют тот факт, что в языке закрепляются успехи познавательной работы человека. Они изображают язык как собрание условных знаков и правил, которые могут быть произвольно заменены другими, так как в развитии языка нет якобы никаких закономерностей, а все основано на случайности. На таких произвольных допущениях построены различные проекты реформы языка в буржуазных странах.

В труде И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» советские языковеды получают новую мощную идеологическую опору и помощь в борьбе со всеми буржуазно-идеалистическими извращениями научных основ языкознания.

2

Из изучения труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» языковеды должны сделать вывод об особенной теоретической и практической важности исследования закономерностей развития языков социалистических наций. Устанавливая законы перехода советского общества от социализма к коммунизму, И. В. Сталин тем самым намечает и перспективы развития языков народов Советского Союза. Советские языковеды должны руководствоваться открытыми И. В. Сталиным законами развития социалистического общества при исследовании общих языковых процессов, происходящих в советскую эпоху в разных наших национальных языках.

Для исследователя современных языков народов Советского Союза основополагающее значение имеют указания И. В. Сталина по вопросу об уничтожении противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, по вопросу о ликвидации существенных различий между ними. Изучение путей и способов растворения и перемалывания местных диалектов и говоров в общенациональном языке, изучение речевого быта, речевой культуры социалистического города, различий в лексике и терминологии представителей разных профессий, вопрос о разграничении и взаимодействии разных типов и стилей книжной и разговорной речи в литературном языке, вопрос об обогащении стилистической системы национального языка, общий вопрос о путях и закономерностях развития языков социалистических наций — все это находит надежную методологическую базу в обобщениях И. В. Сталина. И. В. Сталин отмечает, что в настоящее время рабочие и колхозное крестьянство составляют два класса, отличающиеся друг от друга по своему положению. Но их интересы лежат на одной общей линии, на линии укрепления социалистического строя и победы коммунизма. Почва для противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством уже ликвидирована нынешним социалистическим строем. Однако это обстоятельство не может повести к «гибели больших городов». «Большие города, — говорит И. В. Сталин, — не только не погибнут, но появятся еще новые большие города, как центры наибольшего роста культуры, как центры не только большой индустрии, но и переработки сельскохозяйственных продуктов и мощного развития всех отраслей пищевой промышленности. Это обстоятельство облегчит культурный расцвет страны и приведет к выравниванию условий быта в городе и деревне»²¹. Все это не может не отразиться на судьбе диалектов и говоров, сохраняющихся еще в деревне, не может не привести к усилению культурно-образовательной роли национальных литературных языков, не может не сказаться на характере развития общенародного языка, на обогащении

²¹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 26.

его словарного состава, на совершенствовании его грамматического строя, на изменениях в системе речевых стилей, на функционально-стилистическом обогащении языка.

Особенную роль в развитии и обогащении языка и его стилистики должно сыграть уничтожение существенных различий между умственным и физическим трудом в социалистическом обществе. И. В. Сталин говорит, что «уничтожение существенного различия между умственным и физическим трудом путем поднятия культурно-технического уровня рабочих до уровня технического персонала не может не иметь для нас первостепенного значения»²².

Среди основных условий подготовки перехода нашего общества к коммунизму И. В. Сталин указывает на необходимость «...добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии»²³. Все это не может не найти отражения в развитии национальных языков нашей страны.

Возникает как предмет дискуссии вопрос о разных формах и видах, о разном качестве изменений в фонетической структуре языков социалистических наций, с одной стороны, в функционально-грамматических их свойствах, с другой, в процессах словообразования, обогащения словарного состава, с третьей, в приемах и принципах развития и обогащения системы речевых стилей, с четвертой.

Таким образом, труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» приковывает внимание советских языковедов к тем изменениям в развитии языков народов Советского Союза, которые связаны с социально-экономическим прогрессом и культурным ростом социалистического общества, с движением его к коммунизму. И. В. Сталин осветил ярким светом марксистско-ленинской науки перспективы дальнейшего развития национальных культур и языков. По пути Октября, по пути строительства новой жизни, вместе с советским народом идут народы Китайской Народной Республики, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Албании, Германской Демократической Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Монгольской Народной Республики. Наблюдения над специфическими законами развития современных языков этих стран должны занять важное место в работе советских языковедов.

Закономерное развитие культур социалистических наций связано с последовательной борьбой за чистоту национального языка, за его постоянное обогащение из животворного источника народно-разговорной речи. Борьба за чистоту национального литературного языка — это борьба за совершенство формы национальной культуры, а следовательно, и за ее идейный и художественный рост, за ее социалистическое содержание.

Вопросы культуры речи, вопросы нормализации и путей обогащения языков социалистических наций должны стать в центре внимания и исследования многих советских языковедов. При сохранении национальной специфики языков нашей многонациональной страны, внутреннего своеобразия их структур, внутренних законов развития каждого из них возникают и укрепляются порожденные общностью культурно-общественных условий некоторые общие тенденции в развитии языков социалистических

²² Там же, стр. 28—29.

²³ Там же, стр. 68—69.

наций, особенно среди родственных, например тюркских или финно-угорских, языков народов Советского Союза. Всестороннее изучение всех этих процессов является важной задачей для установления закономерностей развития языков социалистических наций.

Советская культура и общественность, естественно, находят отражение в общем для языков народов Советского Союза лексическом фонде социализма. Этот лексический фонд социализма, слагающийся сначала из общественно-политической лексики и терминологии, в дальнейшем постепенно захватывает и другие области общенародного словаря; происходит переосмысление многих старых слов или выдвижение в них на первое место того значения, которое раньше не было основным. Понятно, как важно и как необходимо всестороннее и глубокое изучение изменений в словарном составе, между прочим, и в общественно-политической и научно-технической терминологии русского языка в советскую эпоху. Язык великой русской нации — могучее средство межнационального общения всех народов нашей Родины, неиссякаемый источник обогащения всех языков народов Советского Союза.

В этой связи уместно вспомнить и такую очень важную проблему, которая вызывает широкий интерес советской общественности, как проблема влияния стилистики русской советской художественной литературы на словесное мастерство писателей других народов Советского Союза. Не так давно казахский писатель и филолог Мухтар Ауэзов писал о современных казахских писателях: «Духовная родина современных казахских писателей — Советская Россия. Хотя произведения свои казахские литераторы создают на своем родном языке, они знакомятся с мировой литературой, с литературой русского и других братских народов через посредство русского языка. Нельзя не учитывать, ввиду этого, что в мыслях, чувствованиях, в речи, в метафорах, в выборе слов каждого казахского советского писателя сильно сказывается влияние русского языка и русской литературы. Второй наш родной язык — русский язык — если не в отношении словаря, то в отношении построения образа, сложного предложения играет огромную роль». И далее указывается, что «правильное использование русской литературно-языковой культуры заключается «в усвоении и умелом применении мастерства и художественных особенностей русской литературы на родном языке. Это — своеобразная форма изучения и освоения русского литературного языка». Отсюда — и сравнения, и метафоры, «звучащие по-русски», и использование художественных «ресурсов великого русского языка» и т. д.²⁴ Все эти вопросы встают и по отношению к развитию стилей других национальных литератур нашей страны, естественно, с учетом специфики национальных языков и культур других народов Советского Союза.

Таким образом, перед советским языкознанием в новом свете выступает ответственная задача — изучать и сопоставлять закономерности развития современных национальных языков народов Советского Союза, открывать в этих закономерностях общее, наблюдать, в каких процессах развития национальных языков обнаруживаются взаимные влияния, как обогащается словарный состав этих языков, совершенствуется их грамматический строй, в каком направлении происходят изменения в стилистике этих языков в связи с расцветом национальных культур народов нашей страны и в связи с постепенным движением советского общества к коммунизму.

Сталинские идеи о национальной специфике языков, о развитии их безломки коренных правил и норм, о взаимном обогащении языков социали-

²⁴ См. М. Ауэзов, Некоторые вопросы развития казахского литературного языка, «Литературная газета», от 4 октября 1951 г.; см. также альманах «Дружба народов», М., ГИХЛ, 1951, № 1.

этических наций в порядке сотрудничества содействуют глубокому и правильному решению вопроса о способах и принципах освоения разными национальными языками Советского Союза русской общественно-политической терминологии и социалистической лексики.

Перед советскими языковедами стоит задача теоретического обобщения той поистине грандиозной работы по созданию национальных терминологий, которая развернулась во всех республиках и автономных областях Советского Союза. Сталинское положение об основном словарном фонде языка и о закономерностях развития словарного состава освещает пути и задачи формирования терминов как посредством использования внутренних словообразовательных ресурсов того или иного национального языка, так и путем освоения разными языками нашей страны русской научной терминологии и интернациональных терминов в русском обличье.

Необходимо в этой связи указать еще на одну новую важную задачу, которая возникает перед советским языкознанием в свете указаний труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Это — задача упорядочения и нормализации научной терминологии, особенно в области общественных наук. Отметив отсутствие у нас развитой системы продуктообмена и наличие зачатков продуктообмена в виде «отоваривания» сельскохозяйственных продуктов, И. В. Сталин говорит: «Заметим мимоходом, что слово „отоваривание“ неудачное слово, его следовало бы заменить продуктообменом»²⁵. И. В. Сталин далее разъясняет несоответствие термина «отоваривание» существу процесса постепенного сокращения сферы действия товарного обращения и расширения сферы действия продуктообмена в нашем обществе. Развитие марксистско-ленинской науки требует установления ясной и точной терминологии, требует отказа от терминов неудачных, неправильных, устаревших.

Таким образом, труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» обогащает марксистскую науку о языке новыми теоретическими положениями, новыми обобщениями и ставит перед советскими языковедами много новых задач, одновременно указывая пути их решения.

3

Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» служит теоретической базой для осуществления великих, грандиозных задач в области внешней и внутренней политики Советского Союза, в области экономического развития социалистического общества и его культурного строительства — задач, точно и ясно сформулированных на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза. На съезде были выдвинуты и конкретизированы новые огромные задачи научного исследования природы и общества, поставлены величественные цели перед советской наукой вообще, перед ее обществоведческими отраслями в частности, указаны недостатки, болезненные явления в развитии разных наук и в организации научно-исследовательской работы, подчеркнута великая и все возрастающая роль марксистско-ленинской теории в развитии подлинной науки, в прогрессе общества, в историческом процессе культурно-политического роста народов. «Огромное значение теоретических трудов товарища Сталина, — говорит Г. М. Маленков, — состоит в том, что они предупреждают против скольжения по поверхности, проникают в глубь явлений, в самую суть процессов развития общества, учат видеть в зародыше те явления, которые будут определять ход событий, что дает возможность марксистского предвидения»²⁶.

²⁵ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 93—94.

²⁶ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 107.

Советские лингвисты, как и все другие работники в области общественных наук, должны «... руководствуясь программными указаниями товарища Сталина, всесторонне разрабатывать вопросы марксистско-ленинской теории в неразрывной связи с практической созидательной работой»²⁷. Совершенно ясно, что выполнение этого долга, решение важнейших вопросов марксистской теории языкознания возможно лишь на основе глубокого, тщательного, всестороннего исследования и марксистского осмысления разнообразного конкретно-исторического языкового материала.

В своем отчетном докладе XIX съезду партии Г. М. Маленков кратко, но ярко обрисовал значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для развития марксистско-ленинской теории. «В классическом труде товарища Сталина..., — говорит Г. М. Маленков, — подняты на новую, высшую ступень коренные положения теории марксизма о закономерном характере общественного развития, всесторонне разработаны вопросы об экономическом базисе и надстройке общества, о производительных силах и производственных отношениях. Развито дальше учение диалектического и исторического материализма, как теоретической основы коммунизма. Товарищ Сталин раскрыл роль языка как орудия развития общества, указал перспективы дальнейшего развития национальных культур и языков. В этом произведении товарищ Сталин, обогатив новыми положениями марксистско-ленинскую науку, открыл новые перспективы для прогресса всех отраслей знания»²⁸.

Г. М. Маленков выдвигает здесь два центральных вопроса общего языкознания: 1) вопрос о языке как орудии развития общества и 2) вопрос о перспективах и закономерностях дальнейшего развития национальных культур и языков. Оба вопроса тесно связаны друг с другом, и оба еще не могут считаться у нас всесторонне исследованными как в конкретно-историческом, так и в теоретико-методологическом плане. Важность этих вопросов для ясного понимания путей перехода от социалистического общества к коммунистическому подчеркнута в трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания и по экономическим проблемам. Вопрос о языке как орудии развития общества всегда встает с необыкновенной остротой в периоды решительных поворотов в истории общества, в истории народа. Это можно наблюдать в современном Китае и Вьетнаме. Обостренный интерес к вопросам развития языка, к вопросам культуры речи характерен и для народов нашей страны. И вопрос о языке как орудии развития общества, и вопрос о закономерностях дальнейшего развития национальных языков для своей углубленной лингвистической разработки нуждаются во всестороннем освещении двух важных лингвистических проблем: это — проблема общественных функций международного языка — как основных, так и дополнительных, возникающих в связи с развитием общества (например, вопрос о языке как материале и «первоэлементе» художественной литературы), и проблема форм языкового общения в их историческом движении.

Исследование этих вопросов имеет огромное теоретическое и практическое значение. Оно вызывается и необходимостью усиления борьбы с идеологическими извращениями в той области общего языкознания, которая занимается изучением общественной природы языка и законов его развития. Исходя из отрицания общепородного характера языка, марловцы пришли к космополитическому отрицанию исторической необходимости развития национальных языков и национальных культур в эпоху до победы социализма в мировом масштабе. Учеников Марра интересовали не закономерности развития языков социалистических наций, а поиски так называемых «стадиальных пережитков» и фантастических «стадиальных трансформа-

²⁷ Г. М а л е н к о в, Отчетный доклад XIX съезду партии..., стр. 106.

²⁸ Там же, стр. 107.

ций» в их синтаксической структуре. Вопреки марксизму-ленинизму, вопреки опыту культурного строительства в СССР Марр и его последователи были убеждены, что необходимо искусственно ускорить процесс образования единого нового языка бесклассового общества.

Современными империалистическими правительствами предпринимаются попытки распространить в качестве «международных» искусственно препарированные, до предела упрощенные и обедненные «языки-обрубки» — английский («бейсик-инглиш») и, в гораздо меньшей степени, французский. Сведенные к нескольким стам слов, такие «упрощенные» языки должны стать средством вовлечения народов в агрессивные союзы. Английскому языку отводится 'огромная «зона» внедрения, французскому «пожалована» лишь часть Африки. Таким образом, империалисты пытаются пустить в широкий мировой оборот искусственный, обедненный, космополитический язык, сложенный из английских или французских слов и оторванный от бесконечного богатства народного разговорного языка. Такой язык не может стать формой национальной культуры и орудием развития общества.

С вопросами о языке как орудии развития общества и о перспективах дальнейшего развития национальных культур и языков связаны выдвинутые тов. Г. М. Маленковым в отчетном докладе XIX съезду партии новые проблемы, относящиеся к теории художественного творчества, к стилистике и истории языка художественной литературы. То, что сказано Г. М. Маленковым о развитии советской литературы и искусства, об их недостатках и путях их исправления, ставит новые серьезные задачи перед советским литературоведением и — вместе с тем — перед советским языкознанием. Г. М. Маленков отмечает, что идейно-художественный уровень многих произведений советской литературы все еще остается недостаточно высоким. Долг советских языковедов (так же, как и литературоведов) — содействовать подъему советской литературы путем исследования языка и стиля ее произведений, путем открытия закономерностей развития русского языка и других языков социалистических наций, путем изучения специфики художественной речи разных жанров в литературе социалистического реализма, путем решения общих вопросов культуры речи и эстетики слова. Советские языковеды — вместе с философами и литературоведами — должны включиться в исследование вопросов марксистской эстетики слова. Без освещения соответствующей проблематики односторонне сужается изучение языка художественной литературы, а также построение теории поэтической речи.

Необыкновенно важно для стилистики художественной речи (так же, как и для теории и истории литературы) исследование развития категории типического в литературе критического и социалистического реализма. Г. М. Маленков в своем докладе ясно и глубоко определил сущность типического в марксистско-ленинском понимании этой категории: «...типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность данной социальной силы. В марксистско-ленинском понимании типическое отнюдь не означает какое-то статистическое среднее. Типичность соответствует сущности данного социально-исторического явления, а не просто является наиболее распространенным, часто повторяющимся, обыденным. Сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее. Типическое есть основная сфера проявления партийности в реалистическом искусстве. Проблема типичности есть всегда проблема политическая»²⁹.

²⁹ Там же, стр. 73.

Типическое в этом смысле определяет социально-историческую значительность и культурно-общественную ценность художественного образа, художественного произведения, степень и качество его обобщающей силы, его идейно-воспитательного воздействия на человечество. Проблема типического органически связана с марксистско-ленинским учением об основах реалистического искусства, о роли искусства в общем процессе познания и изменения окружающего мира человеком. Проблема типического неотрывна от вопроса о содержании и форме художественного произведения. Типическое воспроизведение жизни в художественной литературе возможно лишь на основе глубокого понимания и широкого обобщения закономерностей социально-исторического развития общества, народа. А. М. Горький писал, что если изобразить простое, обыденное «так, чтобы за ним чувствовалось свойственное ему глубокое содержание,— это будет искусство»³⁰. Принцип типичности определяет сущность индивидуального стиля писателя и степень его индивидуализации в отношении к общепародному языку.

Изучение категории типического в реалистическом искусстве — задача эстетики. Исследование эволюции понимания типического и способов воспроизведения типов и типичности в литературе критического реализма, исследование существа типичности и форм типического изображения в литературе социалистического реализма — должно стать уделом историков литературы. Но в проблеме типического есть сторона, обращенная и к историку языка, к исследователю языка художественной литературы. Типическое изображение требует специфического отношения к слову, требует специфического отбора и использования речевых средств общепародного языка, особых приемов описания и воспроизведения, отражения действительности в литературном произведении. Изучение речевых форм выражения типического в русской литературе XIX и XX в., в стилях критического и социалистического реализма — важная и нужная задача, стоящая перед исследователями языка русской художественной литературы.

Для стилистики художественной речи, а также для эстетики слова имеют огромное значение приведенные выше слова Г. М. Маленкова о том, что «сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее»³¹. Тут ставится вопрос о реалистических способах гиперболического изображения. Невольно вспоминается замечание Горького, что «подлинное искусство обладает правом преувеличивать», что гипербола — это закон искусства, доводящий до наибольшей ясности и отчетливости то, что существует в жизни в рассредоточенном виде.

Характеризуя задачи советской литературы, Г. М. Маленков отмечает, что в нашей советской беллетристике и драматургии до сих пор отсутствуют такие виды художественных произведений, как сатира, и указывает: «Неправильно было бы думать, что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед»³².

В этой связи изучение речевых средств сатирического изображения в языке фольклора, изучение развития сатирических стилей в языке русской художественной литературы XVIII и особенно XIX в. (вспомним указание на творчество Гоголя и Щедрина), исследование специфических

³⁰ М. Горький, Материалы и исследования, т. I, Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 344.

³¹ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии..., стр. 73.

³² Там же.

качеств стиля сатиры в ее разных формах — приобретает особенную актуальность. Для полного и всестороннего разрешения всех этих задач языковеды должны вступить в самое тесное и живое научное взаимодействие с литературоведами, историками и философами.

Вместе с тем понятие типического, типичности в том глубоком социальном освещении, которое дано ему Г. М. Маленковым и которое органически вытекает из основных принципов марксистской философии, может быть, конечно, с соответствующими видоизменениями, применено к вопросам нормализации литературных языков, к оценке целесообразности и правильности тех или иных форм, оборотов и конструкций, к борьбе с засорением и опошлением литературного языка жаргонными, паразитическими или искусственными словами и выражениями, к укреплению народных основ литературного языка, демократических традиций его совершенствования. Языковая норма и прогресс ее — явления типические. Они — проявления социально-исторических закономерностей развития языка по его внутренним законам и в то же время продукты осознания обществом этих законов.

4

В своем отчетном докладе XIX съезду партии Г. М. Маленков очень остро и решительно подчеркнул необходимость усиления борьбы с буржуазной идеологией во всех областях общественной жизни и во всех отраслях науки. «У нас, — говорит Г. М. Маленков, — господствует социалистическая идеология, нерушимую основу которой составляет марксизм-ленинизм. Но у нас еще сохранились остатки буржуазной идеологии... Мы не застрахованы также от проникновения к нам чуждых взглядов, идей и настроений извне, со стороны капиталистических государств, и изнутри, со стороны недобитых партией остатков враждебных советской власти групп»³³. Необходимо и нам, языковедам, усилить борьбу с разного рода немарксистскими точками зрения и концепциями в области общего языкознания, с отражениями и пережитками так называемого «нового учения» о языке, с буржуазно-идеалистическими теориями структуралистского, семантического и вульгарно-социологического толка. В своем выступлении на XIX съезде партии М. А. Суслов развивал мысль о том, что идеологическая работа «...должна быть направлена своим острием на беспощадную борьбу с реакционной буржуазной идеологией и ее проникновением в нашу науку, литературу и искусство, на преодоление и выкорчевывание пережитков капитализма в сознании людей, на усиление большевистской непримиримости ко всякого рода идеологическим извращениям»³⁴.

Г. М. Маленков указал на факты серьезных ошибок и промахов, различных проявлений буржуазной идеологии и всякого рода вульгаризаторских извращений, допускаясь в наших книгах, газетах и журналах, в деятельности наших научных и других идеологических учреждений. «Известные дискуссии по философии, биологии, физиологии, языкознанию, политической экономии, — говорит Г. М. Маленков, — вскрыли серьезные идеологические прорехи в различных областях науки, дали толчок к развертыванию критики и борьбы мнений, сыграли важную роль в деле развития науки. Разгромлен аракчеевский режим, существовавший на многих участках научного фронта. Однако в ряде отраслей науки еще полностью не ликвидирована монополия отдельных групп ученых, оттирающих растущие свежие силы, ограждающих себя от критики и пытающихся решать научные вопросы административным путем. Ни одна отрасль науки не может успешно развиваться в затхлой атмосфере взаимного восхваления

³³ Там же, стр. 94.

³⁴ «Правда» от 13 октября 1952 г., стр. 5.

и замалчивания ошибок; попытки утвердить монополию отдельных групп ученых неизбежно порождают застой и загнивание в науке»³⁵. Из этих глубоких и точных обобщений, из этих ясных указаний должны сделать соответствующие выводы и наши языковеды.

Языкознание, пошедшее по сталинскому пути и добившееся некоторых, хотя пока еще и очень скромных, успехов в разработке и изучении отдельных теоретических проблем, нуждается в широком притоке новых творческих сил. Для них должны быть широко открыты двери наших научно-исследовательских языковедческих институтов, прежде всего — Института языкознания АН СССР. Молодым свежим научным силам должна быть предоставлена полная возможность показать свои дарования, публиковать в лингвистических сборниках, ученых записках, журналах итоги своих трудов и размышлений. Научные сборники Института языкознания, особенно его «Труды» и «Доклады и сообщения», а также наш журнал «Вопросы языкознания» могут быть широко использованы молодыми работниками марксистской языковедческой науки, конечно, соответственно задачам и типическим особенностям каждого из этих изданий и, само собой разумеется, в зависимости от качества и научно-общественной ценности статей.

Необходимо признать, что плодотворная борьба мнений, находящая особенно яркое отражение в творческих дискуссиях, не развернулась еще в области советского языкознания с надлежащей глубиной и творческим воодушевлением. В организации творческих дискуссий по наиболее важным, основным вопросам языкознания и наш журнал «Вопросы языкознания» еще не добился успехов. Вопросы, выдвигавшиеся до сих пор редакционной коллегией в качестве дискуссионных тем, неравноценны. Эффективность дискуссий снижается также из-за недостаточного руководства ими, из-за нечетких указаний редакционной коллегии, из-за того, что множество одновременно выдвигаемых проблем рассеивает внимание научно-лингвистической общественности. Между тем необходимо, чтобы в ходе дискуссии разногласия между языковедами по соответствующему кругу идей были преодолены, чтобы изложенный в дискуссионных статьях положительный материал обобщался в виде ясно и точно сформулированных положений, чтобы плодотворные результаты дискуссий становились достоянием широких слоев общественности и внедрялись в школьную практику.

На слабое развертывание дискуссий как на серьезный недостаток в работе журнала «Вопросы языкознания» справедливо указано в критической статье «Большевика». Редакции нашего журнала следует принять все меры к организации жизненно важных и плодотворных дискуссий. «Журнал „Вопросы языкознания“ должен стать трибуной смелой постановки и научного решения спорных вопросов науки о языке»³⁶.

Слабое развертывание творческих дискуссий по вопросам языкознания объясняется вовсе не тем, что советскими языковедами достигнуты единство точек зрения и согласованность взглядов по всем основным вопросам марксистской теории языкознания, что за последние два года не было высказано спорных, односторонних и даже явно ошибочных мнений (хотя бы по таким вопросам, как вопросы о внутренних законах развития языка, о сущности развития языка, о составе, границах основного словарного фонда и закономерностях его взаимодействия с общим словарным составом языка, о взаимоотношениях общенародного разговорного языка и литературного языка в разные периоды истории народа, вопрос об отно-

³⁵ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии..., стр. 95—96.

³⁶ Н. Касьянов, Новый журнал по языкознанию, «Большевик», М., 1952, № 16, стр. 71.

шении диалектов к общенародному языку на разных этапах исторического развития языка и т. п. и т. д.). Причина нашего отставания в этой области состоит в том, что не было проявлено твердой и планомерной, целеустремленной инициативы со стороны тех, кто обязан был стать во главе дискуссии, ее подготовить и начать, и, прежде всего, со стороны Института языкознания АН СССР, его дирекции, его группы общего языкознания, и особенно — со стороны редакционной коллегии журнала «Вопросы языкознания».

Само собою разумеется, что и выбор темы для дискуссии, и вовлечение в эту дискуссию широкого круга не только языковедов, но и представителей смежных общественных наук — истории, философии, а иногда и литературоведения — должны обеспечить эффективность творческих итогов соответствующих научных начинаний. Именно то обстоятельство, что к дискуссии о внутренних законах развития языка не были привлечены философы, несомненно, ограничило и обеднило результаты этой дискуссии. «Творческая дискуссия может быть успешной лишь в том случае, если в центре ее стоят действительно назревшие проблемы науки; если к активному участию в дискуссии привлечены широкие слои научных работников; если в ходе дискуссии будут вскрыты до конца имеющиеся противоречия, преодолены ошибочные взгляды и правильно намечены пути дальнейшего развития науки»³⁷.

Дискуссия, не имеющая определенного (пусть не окончательного, но приближающегося к нему) результата, может дезориентировать кадры советских языковедов, вызвать разногласия в их педагогической работе. Тов. Поскребышев в своем выступлении на XIX съезде партии в яркой сатирической форме изобразил бесплодность дискуссий, протекающих «без руля и без ветрил», без большой темы и без ее глубокой разработки³⁸.

Жизнь показывает, что застой и отставание появляются, как правило, в тех научных кругах, где запущена идеологическая работа, где отсутствует критика и самокритика. «Нельзя двигаться вперед и двигать вперед науку без того, — учит И. В. Сталин, — чтобы не подвергнуть критическому разбору устаревшие положения и высказывания известных авторитетов»³⁹. Г. М. Маленков в своем отчетном докладе XIX съезду партии подчеркнул, что только «...развертывая критику и борьбу мнений... может выполнить советская наука свою миссию — занять первое место в мировой науке»⁴⁰.

В настоящее время целый ряд важных проблем языкознания выдвигается самой жизнью для их скорейшего исследования, для широкого обсуждения и решения. Значительная часть этих проблем объединяется одной общей темой: и с т о р и я я з ы к а и и с т о р и я н а р о д а — темой, которая и должна стать предметом широкой творческой дискуссии. Сюда относятся: и вопрос о развитии языков от родовых к племенным, от племенных к языкам народностей, от языков народностей к языкам национальным, и тесно связанный с ним вопрос о закономерностях образования языков народностей и национальных языков на базе народно-диалектной речи (например, вопросы об исторических условиях формирования языка великорусской народности, об исторических условиях образования языка русской нации — на базе курско-орловского диалекта, языка украинской нации — на базе киевско-полтавского диалекта), и вопрос о процессах

³⁷ Л. М а к с и м о в, О журнале «Вопросы истории», «Большевик», М., 1952, № 13, стр. 66.

³⁸ См. «Правда» от 13 октября 1952 г., стр. 10.

³⁹ Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина, «Большевик», М., 1947, № 3, стр. 7.

⁴⁰ Г. М а л е н к о в, Отчетный доклад XIX съезду партии..., стр. 98.

изменений в структуре языка и в его словарном составе, связанных с переходом от языка народности к национальному языку, и вопрос о закономерностях развития языков социалистических наций, и вопрос о формах и видах связи исторических изменений разных элементов структуры языка — звуковой системы, грамматического строя и словарного состава языка — с развитием общества, с историей народа, и вопрос о внутренних законах развития отдельных конкретных языков, и вопрос о принципах периодизации истории языка, и вопрос о соотношении народно-разговорного и литературного языков в разные периоды истории, и вопрос о взаимодействии территориальных диалектов и общенародного языка на разных этапах исторического развития народа, и вопрос о закономерностях исторического развития языка фольклора, языка устной народной поэзии и об отношении его к литературному языку, а также к народно-разговорной речи и ее диалектам в разные периоды истории народа, и вопрос об исторических закономерностях словообразования, творчества новых слов и о закономерностях изменений значений слов — в связи с развитием общества, с историей народа, и вопрос об обогащении литературного языка, его словарного состава лексикой народных диалектов, о социально-исторических причинах и условиях такого обогащения, и вопрос о толковых словарях того или иного языка как источнике для воспроизведения истории лексических систем того или иного языка и — одновременно — об отражениях в этих словарях взглядов тех или иных социальных групп на историю языка, и вопрос об исторических процессах использования общенародного языка разными классами, разными социальными группами в своих целях, и вопрос о характере, видах, путях сложения разных классовых диалектов и об их роли в истории языка, и вопрос о развитии профессиональной лексики в связи с развитием разных видов профессионального труда, с развитием разных производств, и вопрос о непосредственных отражениях истории народа, истории общества в истории словарного состава языка, и вопрос о научной терминологии и истории философских теорий, и многие другие вопросы. Так, в рецензии на журнал «Вопросы языкознания», помещенной в «Большевик» (1952 г., № 16), был выдвинут целый ряд актуальных сюда же относящихся проблем (например, проблема происхождения и развития русского языка и других славянских языков, сравнение внутренних законов развития родственных языков, исследование неравномерности развития тех или иных родственных языков в связи с историей народов и т. д., вопрос о влиянии художественной литературы на развитие общенародного национального языка, о роли писателей в развитии литературного языка).

Естественно, что в обсуждении и разработке этих вопросов необходимо установить целесообразную последовательность. В этот круг вопросов истории языка в связи с историей народа входит и такой важный вопрос, еще не подвергшийся у нас глубокому конкретно-историческому исследованию на материале разных языков, как вопрос об основном словарном фонде и закономерностях его исторического развития. До сих пор в разных увидевших свет статьях противоречиво и неясно представлены объем и границы основного словарного фонда, его признаки, его организующая и словообразующая роль, его отношение к общему словарному составу языка, его связь с грамматикой в структуре языка.

Причину поразительной устойчивости слов основного словарного фонда нередко ищут только в семантике этих слов, в особенностях обозначаемых ими понятий. На почве такой антиисторической «идеосемантики» еще продолжает держаться идеалистическое и космополитическое представление о семантической общности и однородности внутреннего ядра основного лексического фонда во всех языках мира. Неточность и неясность опреде-

ления исторически меняющегося состава основного словарного фонда и его границ сказывается, между прочим, и в оценке характера его пополнения в советскую эпоху. Части языковедов представляется, что такие общенародные слова, определяющие идеологическую и политическую направленность нашей действительности, как *коммунизм, партия, советы, советский, культура* и т. п., еще не приобрели достаточного «стажа» и еще не вошли в основной словарный фонд русского языка. Колебание отдельных товарищей доходит до такой степени, что они, смотря по обстоятельствам, то относят эти группы слов к основному словарному фонду, то отрицают возможность отнесения их к нему.

Уяснению древнейшей структуры основного словарного фонда отдельного конкретного языка и групп родственных языков могли бы существенно помочь исторические и этимологические словари. Принципы построения этих словарей на основе сталинского учения о языке еще недостаточно разработаны, и обсуждение этого вопроса очень важно для исторической лексикологии. Научная этимология должна быть исторична и представлять собой сконцентрированную в сжатом очерке историю слова, начиная с момента его возникновения. В этимологическом словаре всегда отражается не только уровень сравнительно-исторического исследования соответствующих языков, но и состояние сравнительно-исторической семантики этих языков, а следовательно, и исторической семантики изучаемого языка. Вот почему исторический словарь, воспроизводящий историю значений слов какого-нибудь языка на основе свидетельств письменных памятников и показаний народных говоров, имея большую самостоятельную научную ценность для историка языка и историка народа, является как бы начальным этапом этимологических разысканий. Это особенно относится к языкам со старой, многовековой письменностью.

Само собой разумеется, что требования к этимологическому словарю, да и самые типы этимологического словаря могут быть очень различными. Многое зависит от того, занимается ли этимологический словарь изучением происхождения и развития слов во всем многообразии их исторически сложившихся словообразовательных структур или он сводит свою задачу к установлению древнейшей, реконструируемой средствами сравнительно-исторического метода эпохи существования, гораздо реже — эпохи возникновения корня того или иного слова (а также его словообразовательных морфем). Следовательно, этимологический словарь может быть историко-лексикологическим и историко-морфологическим. В последнем случае его историзм очень условен и относителен так же, как в настоящее время и историзм так называемой сравнительно-исторической грамматики. Очень ценный материал для истории языка в связи с историей народа представляют также сборники народных идиоматизмов, поговорок и пословиц.

В области изучения истории значений слов и выражений особенно остро выступает необходимость широкого вовлечения данных исторических, этнографических, фольклорных и иных, относящихся к истории материальной и духовной культуры народа, в процесс историко-лингвистического исследования. Не случайно Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» написали: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории»⁴¹. Историзм — необходимая черта всякой науки. «Диалектика включает историчность», — учит В. И. Ленин⁴².

Исследование этого большого круга историко-лингвистических проблем, естественно, будет сопровождаться углублением нашего понимания

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 8.

⁴² Ленинский сборник, 2-е изд., XI, М.—Л., Соцэкгиз, 1931, стр. 384.

форм и видов связи языка и законов его развития с историей народа, с развитием общества. Плодотворное изучение и обсуждение всех этих вопросов должно опираться на ясное представление о задачах науки о языке, о ее составе и ее расчленении соответственно различным сторонам самого изучаемого объекта, т. е. языка. И этот круг проблем также должен стать предметом творческой дискуссии.

Вопрос о системе языкознания, об его отделах или разделах, о границах соотношений и взаимодействий основных лингвистических дисциплин неразрывно, органически связан с вопросом о структуре языка (об его характерных признаках, его общественных функциях), так всесторонне и глубоко освещенным в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В досталинском языкознании не было ни единства понимания, ни точного определения предмета и задач морфологии и синтаксиса как частей грамматики, а следовательно, и грамматики в целом, фонетики, лексикологии, семасиологии (или семантики), этимологии и стилистики. Эти вопросы еще не подверглись у нас углубленному исследованию в свете сталинского учения о языке. Особенно остро сейчас выдвигается проблема семасиологии. Марксистское исследование вопросов семасиологии, выяснение ее предмета и задач не может быть оторвано от решения вопроса о связи развития языка с развитием общества, с историей народа. И в этом коренное отличие марксистской семасиологии от буржуазно-идеалистической.

Семантике обычно отводится в качестве ее объекта не какая-нибудь одна языковая единица вроде фонемы, морфемы, слова, предложения и т. п. и даже не какой-нибудь один аспект изучения разных языковых единиц, а значение в самом общем и неопределенном смысле этого слова. А так как в языке — непосредственно или опосредствованно, положительно или отрицательно, активно или отраженно — все структурные элементы значимы, то роль семантики безгранично возрастает и объектом семантики становится смысловая структура языка вообще. Семантика в буржуазно-идеалистическом языкознании выступает в роли дисциплины, обобщающей типы и сущность смысловых изменений всех сторон языка во вневременном, панхроническом или ахроническом, аспекте.

Понятие *значение* в идеалистическом языкознании очень легко подвергается метафизической обработке и отрывается от конкретно-исторической действительности развития языка и общества. «Необходимо создать, — писал Ф. Блэйк (F. Blake), — статическую семантику, которая будет анализировать и упорядочивать в систему значения, существующие во все времена в уме пользующихся языком, и изучать чистые значения без их отношения к форме и развитию»⁴³.

Борьба с буржуазной идеологией в области языкознания должна составлять неотъемлемую часть теоретической и практической работы советских языковедов, а следовательно, и журнала «Вопросы языкознания».

Недооценка теоретической, методологической работы, боязнь широких обобщений даже при наличии большого конкретного материала ведет к снижению идейно-теоретического уровня языковедческой работы. Во многих языковедческих диссертациях — кандидатских и докторских — еще преобладает описание, простое изложение фактов, лишь прерываемое или сопровождаемое по временам цитатами из сочинений классиков марксизма. Но в таких работах часто отсутствует глубокое историческое объяснение фактов, отсутствуют теоретические обобщения. «Подобный эмпиризм,

⁴³ F. Blake, The study of language from the semantic point of view, «Indo-germanische Forschungen», B. 56, 1938, S. 242.

„фактография“, ...представляет собой отступление от требований марксистского метода и открывает лазейку для буржуазного объективизма»⁴⁴.

Само собой разумеется, что природа марксистских обобщений и закономерностей, открываемых при изучении языков в современном состоянии и в их истории, не имеет ничего общего с тем скользящим по поверхности явлениям, схоластическим, оторванным от живой языковой действительности теоретизированием, которое иногда дает себя знать у нас в языкознании и отводит некоторых языковедов от глубокого понимания конкретно-исторических фактов языка. Факты играют огромную роль в исследовании языка, в языковедческой науке. Марксизм решительно враждебен абстрактному схематизированию, игнорированию исторических фактов. Ф. Энгельс писал: «...материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты»⁴⁵.

Необходимо нам — языковедам, — путем повышения своего научно-теоретического уровня, углубления своих знаний в области марксистской философии и марксистской исторической науки, усвоить самим и прививать своим ученикам умение творчески применять метод исторического материализма к исследованию конкретных лингвистических фактов, к исследованию конкретно-исторического развития языков и всех элементов их структуры, их состава.

Делегаты, выступавшие с трибуны XIX съезда Коммунистической партии, сделали ряд чрезвычайно существенных упреков представителям разных общественных наук, предъявили к ним много очень основательных и обоснованных требований, много серьезных ошибок и упущений указали в их работах. Все это имеет прямое отношение и к нам, языковедам, и ближайшим образом касается мало разработанной с марксистских позиций проблемы связи истории языка с историей народа.

Для языковедов и историков литературы, особенно для тех, кто занимается изучением литературы и языков народов Советского Союза, безразличны не раз звучавшие с трибуны съезда указания (в речах тт. Шаяхметова, Гафурова, Ниязова и др.) на необходимость борьбы с буржуазным национализмом и с остатками влияния буржуазно-националистической идеологии. Буржуазно-националистические тенденции сказываются в искажении истории народа, в идеализации феодальных времен, в идеализации так называемых буржуазно-национальных движений (ср. выступление литовского делегата тов. Снечкуса, «Правда» от 7 октября 1952 г.). Искажение прошлого иногда проявляется и в искривленном изображении процессов развития языка народной словесности и истории литературного языка в период до образования нации, в преувеличении значения классово-диалектных элементов в составе литературной речи, в переоценке заимствований, в неправильном освещении взаимоотношений и взаимодействий литературного языка в разные периоды его истории.

Ликвидация в социалистическом обществе базы для развития жаргонов, устранение самих возможностей засорения словарного состава общенародного языка классовыми жаргонными элементами еще не означают полного освобождения от всяких искривлений в развитии литературных языков народов Советского Союза, особенно младописьменных. Уклон к местному национализму, националистические извращения иногда ведут к проникновению «шелухи» и «паразитического хлама» (по выражению Горького) в литературную речь, а также нередко — к искусственным тер-

⁴⁴ Исторический материализм — теоретическая основа исторической науки [передовая], «Вопросы истории», М., 1952, № 7, стр. 14.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 418.

минологическим и фразеологическим новообразованиям, оторванным от живого развития народного словесного творчества. «Существо уклона к местному национализму, — говорит И. В. Сталин, — состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы наций СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга»⁴⁶. Достаточно сослаться на искусственное словотворчество украинских и белорусских буржуазных националистов в конце 20-х годов нашего века.

В своем выступлении на XIX съезде партии тов. Арутинов говорил о том, что буржуазно-националистические тенденции иногда сказываются в отходе от живых, актуальных проблем современности, в одностороннем интересе к далекому прошлому и в идеализированном его представлении⁴⁷. Это указание — важное и справедливое.

Однако необходимость углублять и изучать вопросы структуры, развития и нормализации современных языков народов и народностей Советского Союза не должна вызвать у наших языковедов ослабление интереса к исследованию всего процесса исторического движения этих языков в связи с историей их творцов и носителей — народов. В критической статье «Большевика» о журнале «Вопросы истории» была справедливо подчеркнута актуальность вопросов о происхождении народов и образовании соответствующих языков: «Кому, как не журналу „Вопросы истории“, следовало, например, в содружестве с языковедами принять самое активное участие в разработке назревших вопросов происхождения народов»⁴⁸.

Тов. Багиров в своем выступлении на XIX съезде партии выдвинул важнейший вопрос, связанный с изучением развития языков и культур народов Советского Союза, — вопрос о роли великого русского народа в братской семье советских народов. В освещении этого вопроса были допущены большие ошибки советскими историками, в частности журналом «Вопросы истории». Совершенно очевидно, что этот вопрос — в сфере специфических задач, обусловленных сущностью каждой науки, — сохраняет все свое огромное значение и для советского литературоведения, и для советского языкознания⁴⁹. Тов. Багиров предъявил Академии наук СССР, так же как и Союзу советских писателей, требование, чтобы они «...руководствуясь учением Ленина — Сталина, всемерно помогали местным кадрам, в особенности в национальных республиках, в деле изучения, отбора и усвоения из богатого культурного прошлого народов Советского Союза всего лучшего, полезного, ценного и близкого нам, советским людям»⁵⁰.

Эта задача стоит перед нашими историками, литературоведами и языковедами. Тов. Багиров в качестве иллюстрации указал на ошибки руководства Союза советских писателей в оценке «реакционной, антинародной, пропитанной ядом национализма, панисламизма книги ... „Деде Коркут“». Вопросы изучения эпоса, вообще устной словесности народов Советского Союза, языка устной народной поэзии с марксистских позиций уже давно встали остро и неотложно перед советскими филологами. Едва ли без помощи языковедов может быть решен и вопрос о народности и об истории

⁴⁶ И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 371.

⁴⁷ См. «Правда» от 9 октября 1952 г., стр. 5.

⁴⁸ Л. Максимов, О журнале «Вопросы истории», «Большевик», М., 1952, № 13, стр. 61.

⁴⁹ См. «Правда» от 7 октября 1952 г., стр. 5.

⁵⁰ Там же.

ческих напластованиях в составе, например, такого эпического наследия киргизского народа, как эпос «Манас».

Тов. Патоличев в своем выступлении по отчетным докладам Г. М. Маленкова и П. Г. Москатова подчеркнул необходимость самой тесной связи институтов Академии наук СССР с республиканскими исследовательскими учреждениями в работе над «общими проблемами науки, которая развивается в нашей стране». «Бесспорно, — говорил он, — что республиканские академии наук (в этом деле большую инициативу надо было бы проявить союзной Академии наук) должны иметь более тесную связь с научными центрами нашей страны, более активно участвовать в разрешении научных проблем, выдвигаемых перед наукой коммунистическим строительством»⁵¹.

Институт языкознания Академии наук СССР с момента основания считал своим долгом поддерживать самую тесную научную связь с лингвистическими институтами союзных республик и национальных областей и оказывать научно-теоретическую и практическую помощь всем нуждающимся в ней языковедческим учреждениям нашей страны. Этот же долг старался и старается выполнять и журнал «Вопросы языкознания». Но действенность этой научной связи, широта ее и ее значение для развития советского языкознания в целом во многом зависят от научно-лингвистических успехов и достижений Института языкознания, от идейно-теоретического роста его кадров, от научно-организационной активности его секторов. Многое в этой сфере еще заставляет желать лучшего.

У нас есть одна постоянная, как бы «служебная» обязанность перед языковедческими учреждениями всей советской страны — это направление и инструктирование лексикографической работы, теории и практики словарного дела. И в этой области у нас далеко не благополучно. Серьезные недостатки и ошибки прежней, досталинской лексикографической теории остро дали себя знать в работе по составлению большого пятнадцатитомного Академического словаря, который должен был отразить развитие словарного состава русского языка от Пушкина до наших дней. Оказались несостоятельными положенные в основу структуры этого словаря принципы гнездового расположения слов по словопроизводственным сериям. Резко выступили антиисторические тенденции в попытках сочетать нормативность современных стилистических оценок слов с охватом процесса развития русской лексики за целые полтора века. После указаний И. В. Сталина на темпы и способы изменений словарного состава, находящегося в непрестанном движении, стала очевидной потребность коренного преобразования методологических основ этого толкового словаря, его структуры, необходимость создания новой инструкции. Нужно, чтобы активизация теоретической мысли в области академической лексикографии дала плодотворные результаты и для развития всей советской лексикографии.

Большое культурно-общественное и государственное значение составления словарей: национальных — толковых, терминологических, орфографических и орфоэпических, двуязычных — русско-инонациональных и инонационально-русских и других — неоспоримо и непосредственно очевидно. Огромный практический опыт лексикографической работы, широко развернувшейся в советскую эпоху в многочисленных республиках и автономных областях нашей страны, еще не систематизирован и не обобщен в свете и духе сталинского учения о языке.

Вместе с тем языковеды должны оказать более широкую и более энергичную помощь школе. Учебники родного языка во многих национальных

⁵¹ Там же, стр. 3.

республиках еще не достигли необходимого теоретического и методического уровня, еще имеют много недостатков. Сталинское учение о языке как продукте ряда эпох, о структуре языка, о сущности грамматики как показателя огромных успехов мышления, об основном словарном фонде и его структурной, словообразующей роли еще не нашло всестороннего, полного применения в учебной языковедческой литературе. В своем выступлении на XIX съезде партии тов. Хахалов (Бурят-Монгольская АССР) говорил: «Крайне неудовлетворительно поставлено в школах национальных республик преподавание русского языка, без чего немислима подготовка полноценных кадров специалистов для разных отраслей хозяйства»⁵². В этой связи следует упомянуть, что тов. Борисов, делегат от Якутской АССР, указывал на желательность для дальнейшего развития культуры Якутской республики увеличить в школах количество учебных часов, отводимых на изучение русского языка⁵³.

Таким образом, выступления делегатов на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза направляют наших языковедов и вместе с ними журнал «Вопросы языкознания» к новым задачам и новым достижениям, к большим научно-организационным начинаниям в области координации всей советской науки о языке. Решения XIX съезда партии требуют углубления теоретических обобщений, повышения качества языковедческой работы, улучшения постановки научных исследований по важным теоретическим и практическим вопросам советской науки о языке. Они призывают нас к органическому сочетанию и взаимодействию языковедческой теории с живой общественной практикой нормализации и совершенствования языков социалистических наций и народностей. На XIX съезде партии была особенно подчеркнута не раз высказывавшаяся И. В. Сталиным мысль о необходимости самой тесной связи научной теории с практикой. Выдвинуто требование: «Укреплять творческое содружество науки с производством, имея в виду, что это содружество обогащает науку опытом практики, а практическим работникам помогает быстрее решать стоящие перед ними задачи»⁵⁴.

Советское языкознание должно органически срастить, объединить свою теорию с практикой. «Нормальный путь развития науки — это путь от практики к научному обобщению и от теоретической науки опять к стомерному оплодотворению практики»⁵⁵. Перед советскими учеными XIX съездом партии поставлена великая цель: «Развивать дальше передовую советскую науку с задачей занять первое место в мировой науке»⁵⁶. Ту же задачу И. В. Сталин указал языковедам еще раньше, открыв им пути ликвидации аракчеевского режима и теоретических прорех. «Ликвидация этих язв,— говорит И. В. Сталин,— оздоровит советское языкознание, выведет его на широкую дорогу и даст возможность советскому языкознанию занять первое место в мировом языкознании»⁵⁷.

В связи с усилением теоретической, идеологической работы Институту языкознания, а также редакции журнала «Вопросы языкознания» необходимо закрепить и расширить свою связь с Институтом философии и с его органом — журналом «Вопросы философии». Содружество с философами позволит нам хотя бы отчасти преодолеть недостатки в работе по общему языкознанию, по теории марксистского языкознания.

⁵² «Правда» от 15 октября 1952 г., стр. 5.

⁵³ См. «Правда» от 14 октября 1952 г., стр. 3.

⁵⁴ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии..., стр. 78.

⁵⁵ А. Несмеянов, Занять первое место в мировой науке, «Правда» от 23 октября 1952 г.

⁵⁶ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии..., стр. 78.

⁵⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 42.

5

В плане научно-исследовательской работы Института языкознания Академии наук СССР на 1953 г. есть одна коллективная лингвистико-философская тема: «Язык и мышление». Со времени выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» появилось десятка два-три популярных статей на эту тему, а также несколько кандидатских диссертаций, но настоящее, глубокое марксистское исследование этой проблемы — еще впереди. Сталинское учение об общенародности языка и о неразрывной связи языка с мышлением положило предел полному смещению мышления с мировоззрением, типичному для Н. Я. Марра и его «учеников»: Рухнуло «учение» о «стадиальности» развития мышления, о «смене форм и законов мышления», его «сущности и техники» вследствие сдвигов в экономическом строе общества. Антимарксистские основы этой марровской концепции очевидны. К. Маркс учил: «Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно понимающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития и, в частности, развития органа мышления»⁵⁸.

Язык и логическое мышление неразрывно связаны. Вопреки идеалистическим концепциям, марксизм учит, что так называемое «первобытное мышление» уже обладает основными логическими формами. Оно, несомненно, уже проявляет все зачатки единой логики мышления, той естественной логики мысли, которая дает человеку первые знания об окружающем его мире и способствует развитию его производственной деятельности⁵⁹. Смещение мышления с мировоззрением унаследовано Н. Я. Марром от буржуазно-идеалистической науки. Тотемическая стадия «мышления без логики» у Марра и «мистическое», «дологическое мышление» Л. Леви-Брюля совпадают и в одинаковой мере отрицаются марксизмом. Естественная логика мысли, развиваясь вместе с развитием языка, не меняется от того, что общественные взгляды, идеи (иначе: мировоззрения) меняются со сменой общественно-экономических формаций. Отграничение мышления, его форм и законов от мировоззрения, естественно, кладет грань между историей развития мышления и историей мировоззрений, идеологий. В связи с этим перед марксистским языкознанием возникает чрезвычайно важная задача выяснить: характер связи языка и мышления в их историческом развитии, с одной стороны, и отношение языка, его семантической системы, а также смысловой стороны жаргонных слов и выражений к истории мировоззрений, с другой.

Самое понятие *мышление* нуждается в дифференцированном и точном его определении и употреблении. Идеалистическая нефилология (в лице К. Фосслера и таких его учеников, как Л. Шпицер) отождествляет тип мышления со структурой национального языка. Своеобразие этой структуры объясняется различием народного мышления и народных мировоззрений. В этом антиисторическом и метафизическом построении сближаются и переплетаются «языковое мышление», «дух» народа и мировоззрение народа, рассматриваемого как социально не дифференцированное, идеологически целостное, внеклассовое единство. К. Фосслер говорил о национальных языках как стилях, органически связанных со своеобразиями народных мировоззрений.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 525.

⁵⁹ См. А. Мовсесян, Вопросы языка и мышления в свете трудов И. В. Сталина о языке, сб. «Исследования по языкознанию и арменоведению», т. I, Ереван, Изд-во АН Армянской ССР, 1951, стр. 29, [на арм. яз.].

Важность проблемы истории мышления в связи с историей языка и особенно в связи с историей грамматических категорий не раз подчеркивалась и языковедами, и философами, стремившимися положить в основу своих исследований в этой области мысли В. И. Ленина и И. В. Сталина. Суть идеалистических теорий развития мышления — в их абстрактном антиисторическом подходе к мышлению, в борьбе против признания обусловленности мышления общественным бытием людей. Именно на такой антиисторической почве выросла буржуазно-идеалистическая теория качественно разнородных типов мышления (Леви-Брюль, Кассирер и др.), свойственных будто бы как разным эпохам или стадиям в развитии мышления, так и разным категориям народов («культурных», «исторических», с одной стороны, и «отсталых», «примитивных», «неисторических», с другой).

Современные буржуазные реакционеры от науки, исходя из порочного идеалистического положения о тождестве языка и мышления, пытаются тенденциозно использовать своеобразие строя неиндоевропейских языков, отличающие, например, языки индейцев от английского языка, для расовой пропаганды и оправдания англо-американской колониальной политики⁶⁰. Учение о типах мышления, сменяющих друг друга, о стадиях мышления было воспринято Н. Я. Марром и его последователями от буржуазно-идеалистической науки. «На место исследования конкретно-исторического хода развития единого человеческого мышления, на место исследования постепенного хода накопления знаний, успехов познавательной деятельности, раскрытия их взаимной связи и преемственности — подставлялась смена типов мышления, при которой возникновение нового типа означает смерть предыдущего»⁶¹.

Не раз в статьях по вопросу о языке и мышлении указывалось на необходимость в самом мышлении различать формы и законы мышления, с одной стороны, и содержание мышления, с другой. Однако самый состав «содержания» мышления не подвергался дифференцированному изучению. Поэтому характер связи того и другого — форм и законов мышления и самого его содержания — с языком, с его грамматикой и семасиологией, остается точно не определенным. Проблема связи суждения как категории логической и предложения как категории грамматической в рамках истории отдельного языка, проблема понятия и значения слова, проблема соотношения категорий мышления и категорий языка до сих пор еще не освобождены от тех противоречий, в которых они запутались и которыми они были опутаны. Во всяком случае, необходима еще более углубленная разработка этих вопросов и в общефилософском, и в теоретико-лингвистическом плане — с использованием большого и надежного иллюстративного материала.

Глубокая теоретическая разработка проблемы связи языка и мышления в свете диалектико-материалистической философии, в свете сталинского, марксистского языкознания необходима не только для полного преодоления идеалистического учения о «понятийных категориях» как связующем, промежуточном звене между национально-языковыми категориями и общечеловеческими, логическими, но и для разоблачения марровских представлений об отклонениях в современных языках дологического мышления. Так, казахский языковед проф. М. Балакаев в статье «Активизация субъектов в казахском языке» писал: «Если мы в настоящее время обнаруживаем в предложении несоответствие логического субъекта с грамматическим под-

⁶⁰ См. B. Worf, *Science and linguistic*, p. 316; ср. Hayakawa, *Language in action*, p. XI.

⁶¹ Ф. Н. Шемякин, *Теория Леви-Брюля на службе империалистической реакции*, «Философские записки», т. V, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 159.

лежащим, то это является, прежде всего, результатом перерождения старых грамматических восприятий или того, что новое логическое мышление находится в противоречии с отживающим дологическим мышлением»⁶². В своей недавней статье «Некоторые вопросы синтаксиса казахского языка» тот же М. Балакаев пишет: «В грамматическом строе казахского языка наблюдается противоречие между старой формой и новым содержанием, а поэтому содержание ищет новой формы и стремится к ней»⁶³. В такой прямолинейной форме этот тезис противоречит указанию И. В. Сталина на возможность сохранения старой формы при изменении ее функций.

Разработка проблемы связи языка и мышления могла бы оказать существенную помощь в разрешении многих вопросов грамматики и семасиологии, например таких, как вопрос о соотношении логики и грамматики, о языке и мировоззрении, о языке и науке, о специфике художественной речи и т. п. Еще не так давно авторы грамматических руководств для средней школы (например, тт. Фаритов и Гумеров в «Грамматике башкирского языка» для педучилищ, 1949, стр. 49) писали: «Изучая язык и его законы, мы входим в лабораторию нашего мышления»⁶⁴.

Логика мысли, т. е. формы и законы мышления, еще более устойчивы, чем грамматический строй языка. Но если сравнить содержание мысли и семантику языка, то придется прийти к выводу, что содержание мышления меняется неизмеримо быстрее, чем семантическая, смысловая сторона языка. Недаром греческому философу Фалесу приписывается афоризм: «Нет ничего быстрее мысли». Изучение исторических законов развития смысловой стороны языка (слов и выражений) и изучение закономерностей развития грамматических категорий на материале отдельных конкретных языков и семей родственных языков может бросить яркий свет и на общую проблему языка и мышления. Свежие научные статьи на соответствующие темы должны найти себе почетное место на страницах журнала «Вопросы языкознания».

6

В развитии советского языкознания, в направлении его движения по научному марксистскому пути важная роль принадлежит журналу «Вопросы языкознания». В качестве руководящего органа советских лингвистов этот журнал должен сосредоточить свое внимание на разработке основных, коренных проблем языковедческой науки, неустанно вооружать ее кадры марксистско-ленинской теорией, сталинским учением о языке, вести беспощадную борьбу против буржуазной идеологии и против ее пережитков в концепциях и взглядах советских языковедов.

Журнал «Вопросы языкознания» обязан всемерно содействовать развитию самокритики и особенно критики снизу, призванных служить «...тем главным методом, которым мы должны вскрывать и преодолевать наши ошибки и недостатки, наши слабости и болезни»⁶⁵, и смелой постановкой актуальных, назревших вопросов способствовать прогрессу марксистской лингвистической мысли, идейно-теоретическому росту и творческому подъему советского языкознания. Журнал «Вопросы языкознания» дол-

⁶² «Известия АН Казахской ССР», № 77, Серия лингвистическая, вып. 5, Алма-Ата, 1948, стр. 24.

⁶³ Сб. «Вопросы казахского языкознания в свете трудов товарища И. В. Сталина», Алма-Ата, Изд-во АН Каз. ССР, 1951, стр. 90, [на казах. яз.]; см. также Г. Мусабаев, Ж. Аралбаев, Против попыток возродить марризм в казахском языкознании, газ. «Казахстанская правда» от 19 октября 1952 г.

⁶⁴ См. об этом статью А. Усманова «Ближайшие задачи по изучению башкирского языка в свете учения товарища Сталина о языке», газ. «Красная Башкирия» от 26 марта 1951 г.

⁶⁵ Г. М а л е н к о в, Отчетный доклад XIX съезду партии..., стр. 85.

жен не только отражать современное состояние советской языковедческой науки, но и направлять развитие научной мысли в этой области. Его роль — это роль организатора, сплачивающего языковедов, объединяющего их силы для коллективного разрешения актуальных проблем советского языкознания, указывающего пути и средства к преодолению недостатков и ошибок на фронте науки о языке, обобщающего передовой опыт деятелей языкознания.

Журнал «Вопросы языкознания» должен значительно расширить свои связи с научной общественностью страны, с авторским активом и научными языковедческими учреждениями всего Советского Союза. Он обязан проявлять самое живое и активное внимание к той большой работе, которая ведется учеными союзных и автономных республик. Это прежде всего должно найти отражение в публикации на страницах журнала обобщающих статей по наименее изученным важным проблемам истории отдельных языков народов Советского Союза, по проблемам развития языков социалистических наций, в организации обсуждения вопросов периодизации их истории, в широкой помощи журнала делу нормализации современных языков нашей страны. Постоянные, тесные и живые связи с широкими кругами языковедов всех республик и областей, а также с учеными стран народной демократии, их активное участие в работе журнала помогут редакционной коллегии ликвидировать недостатки в ее деятельности. Вместе с тем редакционной коллегии «Вопросов языкознания» необходимо проявить больше настойчивости и инициативы в привлечении филологов и историков к работе в журнале.

Самым большим недостатком нашего журнала является отставание в разработке важнейших теоретических проблем марксистской языковедческой науки. В журнале за 1952 г. не было напечатано ни одной статьи, посвященной исследованию основного словарного фонда, изучению исторических закономерностей изменений словарного состава языка, проблеме связи истории языка с историей народа, в частности, вопросу о курско-орловском диалекте как основе русского национального языка, вопросам связи языка и мышления и т. п. Между тем не только большую научную армию специалистов по русскому языку, русской культуре, по истории древнерусской литературы, но и вообще широкие круги советской интеллигенции волнуют и интересуют вопросы о происхождении славян и славянских языков, особенно о возникновении русского, украинского и белорусского языков и народов, о происхождении других наций и народностей, населяющих территорию СССР, об исторических условиях и закономерностях образования национальных языков и прежде всего — русского национального языка.

Совершенно правильно указывалось в критических статьях о нашем журнале, что в нем очень мало — сравнительно с потребностями научной общественности — напечатано статей, посвященных русскому и другим славянским языкам. «Между тем выдвинутые в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» большие задачи в области исторического исследования языков в первую очередь требуют изучения истории русского языка и славянской языковой группы»⁶⁶.

К этому необходимо прибавить и то, что обсуждение и творческое развитие теоретических проблем общего языкознания удобнее всего и доступнее всего может быть осуществляемо на материале русского языка. Редакция «Вопросов языкознания» примет все меры к тому, чтобы расширить круг статей по важным вопросам славянского языкознания и истории рус-

⁶⁶ Н. К а с ь я н о в, Новый журнал по языкознанию, «Большевик», М., 1952, № 16, стр. 66.

ского языка. Наша отечественная наука о русском языке богата достижениями и накопленным опытом, нуждающимся в марксистском анализе и научных обобщениях.

Справедливо также указание, что наш журнал должен вести более активную и целеустремленную, непримиримую борьбу с буржуазной реакционной лингвистикой. Вместе с тем он должен возглавить работу по пересмотру прежних концепций и положений языковедческой науки в свете того нового, что внес И. В. Сталин в теорию марксистского языкознания.

Чрезвычайно важно также показать значение сталинского учения о языке для новой постановки и нового решения серьезных практических вопросов, которые составляют предмет исследования вспомогательных филологических дисциплин: текстологии, или критики текста, эвристики, занимающейся установлением подлинности памятника, археографии, истории письма. Большой опыт работы в этой области исследований еще не получил у нас надлежащего обобщения. В свете нового, раскрытого трудами И. В. Сталина понимания языка и законов его развития, отношения литературного языка к общенародному, в свете новых принципов изучения вопросов стилистики национального языка и языка художественной литературы пересмотр многих основных проблем текстологии, археографии, теории и истории письма мог бы дать существенные практические результаты. Между тем известно, что в подготовке текста сочинений великих русских писателей (например, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского) нашими литературоведами сделано много ошибок, что в принципиальных вопросах текстологии остается много спорного и неясного.

В рецензии «Большевика» на наш журнал очень хорошо определены задачи отдела критики и библиографии. Этот отдел «...должен быть превращен в действенный рычаг развития критики и самокритики в лингвистической науке. Для этого нужно уделять постоянное и неослабевающее внимание новым трудам по языкознанию, отбирать наиболее важные из них и глубоко анализировать их содержание с позиций марксистско-ленинской науки. Смело вскрывая в критических статьях и рецензиях ошибки, содержащиеся в отдельных трудах, внимательно и любовно выявляя, популяризируя и поддерживая все ценное и важное, способствующее успехам науки, журнал сможет оказывать большое и плодотворное влияние на развитие советского языкознания»⁶⁷. Однако жанр больших, развернутых рецензий, очевидно, придется совместить с практикой небольших критических аннотаций.

Большую пользу могла бы принести систематическая публикация критических обзоров планов и итогов научно-исследовательской деятельности языковедческих учреждений и кафедр. Целесообразно также помещать в журнале время от времени обобщенные исторические обзоры, охватывающие всю совокупность не только опубликованных работ, но и еще не напечатанных диссертаций по отдельным отраслям языкознания, например по исторической грамматике русского языка, по изучению языка писателя, по истории русского литературного языка и т. п.

Журнал «Вопросы языкознания» обязан подвергать строгой принципиальной критической оценке важнейшие работы советских языковедов и обобщать их результаты. Опираясь на коллектив научных сотрудников Института языкознания Академии наук СССР, редакционная коллегия этого журнала должна иметь ясное мнение по тем общим и частным, конкретным вопросам, которые обсуждаются в принимаемых и публикуемых ею статьях. И тогда эта четкая принципиальная позиция редакционной

⁶⁷ Там же, стр. 71.

коллекции найдет свое отражение в рецензиях, критических обзорах, справках, примечаниях от редакции и особенно в передовых статьях. Принцип критики и самокритики, дух творческих дискуссий, открытой борьбы мнений должен ощущаться во всех отделах журнала.

Редакционная коллегия «Вопросов языкознания» глубоко осознает необходимость последовательного развертывания научно-теоретической, методической и критической работы журнала, направленной на воспитание кадров советских языковедов в духе высокой марксистской идейности и творческой активности. Между тем до сих пор журнал плохо выполнял свои задачи в области воспитания кадров советских языковедов в духе непримиримости ко всякого рода извращениям марксистской лингвистической теории, не учил их широкому и всестороннему пониманию стоящих перед ними задач, так как и сам допускал ошибки в публикуемых на его страницах статьях.

Очень сложный и трудный вопрос, еще не разрешенный редакционной коллегией журнала «Вопросы языкознания», — это вопрос о работе с авторами. Некоторые статьи, присланные в редакцию, содержали фактические и принципиальные погрешности, идеологические ошибки; другие, хотя и были свободны от крупных ошибок, не заключали в себе достаточных элементов самостоятельного исследования. Соответствующие рецензии и указания от имени редакции посылались авторам. Но этого, конечно, недостаточно. Редакционной коллегии следует чаще практиковать прием детального критического анализа статей, применять метод дискуссий по ним в присутствии авторов с приглашением хотя бы небольшого актива лиц, являющихся знатоками соответствующего вопроса. Полезны были бы также критические обзоры характерных теоретических ошибок, допускаемых в статьях, которые поступают в редакцию. Укреплению связи с широкими кругами языковедов и любителей языка поможет введение отдела консультаций.

Идеальный тип научной статьи — это ясное и глубокое изложение обобщений, широких выводов, охватывающих большой материал, с краткими, но выразительными, сгущенно доказательными иллюстрациями из этого материала. Гармоническое сочетание теоретических положений, общих точек зрения, широких обобщений с глубоким анализом самостоятельно добытого нового материала требует огромного труда и специальной тренировки. Такие статьи пишутся не быстро. Странно было бы ожидать, чтобы такие статьи, вовсе не культивировавшиеся в период засилья «нового учения» о языке, посыпались, как град, в портфель редакции «Вопросов языкознания». Необходимый для таких статей большой научный материал, который должен быть не только самостоятельно добыт, но и марксистски освещен с позиций сталинского учения о языке, подбирается и исследуется не в месяц и даже не в год. В том, что таких статей пока появляется немного, нельзя строго винить советских языковедов, которые быстро растут и развиваются под животворным влиянием раскрытой И. В. Сталиным теории марксистского языкознания.

В. И. Ленин считал, что долг передовых ученых, работающих для народа, — «...писать *просто*, без тех ненужных ухищрений слога, без тех внешних признаков „учености“, которые так пленяют декадентов и титулованных представителей официальной науки»⁶⁸. Для некоторых стилей науки и публицистики, полученных в наследство от дореволюционной культуры, перевод этих стилей на простой человеческий язык является едва ли не главным средством их идеологического разоблачения. Так поступает И. В. Сталин,

⁶⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 135.

наглядно показывая идеалистическую суть марровского «учения» о языке и мышлении: он переводит «трудмагическую» тарабарщину Марра на простой человеческий язык. Журнал «Вопросы языкознания» будет стремиться к простоте и ясности научного стиля публикуемых им статей.

Никогда не были так велики, сложны и ответственны задачи советского языкознания, как в настоящее время. У нас, всех советских языковедов, перед которыми И. В. Сталиным поставлена задача — создать марксистскую науку о языке и вывести ее на первое место в мировом языкознании, — одно общее дело большого государственного и культурного значения. Советские языковеды должны стать ударной бригадой прогрессивной языковедческой науки. Наш священный долг — оказаться достойными учениками товарища Сталина, который поднял советское языкознание на новую ступень развития и указал ему новый путь творческого движения — к расцвету, к вершинам мировой науки.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

К ПРОБЛЕМЕ СВЯЗИ ЯВЛЕНИЙ ЯЗЫКА С ИСТОРИЕЙ
ОБЩЕСТВА

«Язык, — учит И. В. Сталин, — относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹.

Принципиально новое в сталинском положении о необходимости изучения языка и законов его развития в неразрывной связи с историей общества состоит в том, что весь язык в целом рассматривается здесь как продукт истории общества. В языке в конечном счете нет ничего такого, что не было бы — прямо или косвенно — связано с историей общества. Сталинский тезис о необходимости изучения языка и законов его развития в неразрывной связи с историей общества составляет один из краеугольных камней современного советского языкознания.

Проблема связи явлений языка с историей общества, поставленная в трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания, является важнейшей теоретической проблемой общего языкознания. Однако состояние разработки этой проблемы в настоящее время нельзя признать удовлетворительным. Основной недостаток в ее разработке состоит в том, что языковеды пока еще не вышли за пределы самого общего, аксиоматического признания необходимости изучения истории языка в связи с историей народа — его носителя. Между тем проблема историзма, как проблема связи истории языка с историей народа, является чрезвычайно сложной и многосторонней. Только путем расчленения ее на отдельные частные проблемы, путем дискуссий и взаимного обмена опытом языковедов разных специальностей можно добиться необходимой ясности и определенности в решении отдельных вопросов, с которыми часто приходится сталкиваться на практике при чтении курсов по истории языков, при создании соответствующих учебных пособий и т. п.

Автор настоящей статьи не берет на себя смелость решить эту проблему в целом; он глубоко убежден, что могут существовать самые различные аспекты рассмотрения этого вопроса и различные подходы к его решению. Основной задачей статьи является расчленение самой проблемы на ряд частных проблем, без постановки которых, хотя бы в одном аспекте и в дискуссионном порядке, конкретизация общей проблемы представляется

¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22.

совершенно немислимой; в статье делается также попытка решения некоторых частных вопросов на материале различных языков.

Необходимо точно определить понимание самого термина *историзм* в изучении языковых явлений. Как известно, понятие историзма в изучении отдельных явлений языка может и не предполагать сопоставления их истории с историей общества. Так, например, когда мы утверждаем, что форма род. падежа ед. числа *genūs* от греч. слова *genos* «род» в своем историческом развитии прошла ряд последовательных ступеней: сначала *genesos*, затем *genehos*, далее *geneos* и, наконец, *genūs*, то мы, несомненно, это явление рассматриваем исторически, но при этом не ставим перед собой задачи связать факт истории языка с историей греческого народа. С другой стороны, когда мы констатируем, что в истории румынского языка лат. слово *lumen* «свет» (румынск. *lume*) приобрело под влиянием славянских языков новое значение «вселенная, мир» (ср. русск. *свет*), то тем самым мы не только рассматриваем данное явление языка исторически, но вместе с тем связываем его с конкретной историей румынского народа, испытывавшего влияние славянских народов.

*

В разных конкретных случаях связь между явлениями может быть различной по своему типу и характеру. Существует несколько видов связи, и каждый из них прежде всего характеризуется принципом самой связи. Остановимся на самых характерных, наиболее типических.

1. Явления языка могут быть связаны с историческими факторами по принципу общего соответствия: характер одного явления (исторического) вызывает соответствующее состояние другого явления (языкового)².

Так, например, нет никакого сомнения в том, что языки родового общества были более примитивны по сравнению с развитыми современными языками.

Усложнение производства, появление новых общественно-экономических формаций, естественно, не могло не оказать влияния на дальнейшее развитие языков. Об этом совершенно ясно и определенно говорит И. В. Сталин:

«Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка. За это время племена и народности дробились и расходились, сменялись и скреплялись, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми. Все это внесло еще больше изменений в язык и его развитие»³.

Связь развития языка с развитием общества по принципу общего соответствия в данном случае выразилась в большей степени развитости языка, в обогащении его словарного состава и в совершенствовании его грамматического строя, главным образом синтаксиса. Но изменения по принципу соответствия не касаются всей звуковой системы языка, существен-

² Типичным примером такой связи в истории общества является связь между характером базиса и характером надстройки: всякий базис имеет соответствующую ему надстройку, и вместе с изменением и ликвидацией базиса изменяется и ликвидируется его надстройка. Эта связь основана на принципе общего соответствия; в самом деле, странно и невероятно представить общество, где бы базис был капиталистическим, а надстройка социалистической.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27.

ного изменения основного словарного фонда, общего структурного облика языка. По этому поводу в той же работе И. В. Сталина мы находим весьма четкое разъяснение:

«Однако было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путем уничтожения существующего и построения нового. На самом деле развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»⁴.

Поэтому нет никаких фонетических систем, которые были бы типичны для определенных общественно-экономических формаций, так же, как нет морфологических систем языка, типичных для языков эпохи феодализма, капитализма или социализма.

Связь явлений языка с историческими фактами по принципу общего соответствия, как уже сказано, проявляется только в различиях степени развитости языка; так, общество, строящее в настоящее время коммунизм, имеет несравненно более развитый язык по сравнению с обществом эпохи существования родов и племен. Однако конкретные формы, в которых выражается само развитие языков, необычайно разнообразны.

2. Связь истории языка с историей народа может быть основана на принципе отражения в языке специфического характера истории данного народа. Так, наличие в современном персидском языке значительного количества арабских слов связано с сильным влиянием религии ислама и арабской культуры; наличие в лексике современного английского языка романского лексического слоя представляет собой прямой результат завоевания Британии норманнами. Названными двумя видами связей не исчерпывается все многообразие видов связей, но они являются, несомненно, наиболее типичными.

Говоря о связи истории языка с историей народа, не следует забывать, что не всякое явление языка может быть связано с определенным историческим периодом в жизни народа. Линн вист, пытающийся связать явления языка с историей общества, сразу же встретится с двумя типичными случаями: 1) явление языка легко соотносится с конкретным фактом истории народа и объясняется этим фактом; 2) явление языка не может быть соотносено ни с каким конкретным фактом истории народа, возникновение этого явления не может быть датировано, причем часто оказывается, что никакой определенный исторический факт не является причиной возникновения такого языкового явления. Поясним эти положения примерами.

Появление большой группы неологизмов (так называемых «советизмов») в лексике русского языка советской эпохи может быть соотносено с вполне конкретным периодом истории русского народа, так же, как, например, проникновение в русский язык многочисленных морских терминов голландского происхождения несомненно соотносится с эпохой Петра I. С другой стороны, возникновение таких русских слов, как *пить* или *нести*, нельзя связать ни с каким конкретным историческим периодом. Предок глагола *пить*, возможно, существовал в индоевропейском языке-основе (ср. алб. *pi*, греч. *πίω*, лат. *bibo* из *pibo*). Но весьма вероятно, что он существовал и до образования индоевропейского языка-основы. Неизвестно также, возник ли глагол *нести* еще в период балто-славянской языковой

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

общности (ср. лит. *nešti*, латыш. *nest*) или в период индоевропейской языковой общности (ср. греч. ἔνεγκον «я принес»).

Вообще реконструкция слов и форм языка древнейших периодов чаще всего связана с отсутствием каких-либо точных и даже приближительных датировок. Мы можем утверждать, например, что древние *a*, *e*, *o* в индо-иранских языках слились в одном *a*, но когда, в каком веке они слились, никто точно установить не может.

Как уже отмечалось, возникновение того или иного явления языка может не опираться на конкретный исторический факт. Так, им. падеж мн. числа греч. слова *χώρα* «страна» имел в классическом греческом языке форму *χώραί* «страны». Примерно в период между X и IV в. до н. э., а может быть и раньше, в разговорном греческом языке появилась новая форма этого падежа *χώρας*, возникшая по аналогии с соответствующей формой существительных 3-го склонения (ср. такие формы, как *πατέρες* «отцы», *παῖδες* «дети» и т. п.). Точно так же в истории итальянского языка инфинитив лат. глагола *esse* «быть» получил окончание *-re* по аналогии с формами других инфинитивов, например *parlare* «говорить», *lodare* «хвалить» и т. д. В истории русского языка местный падеж мн. числа слова *лѣсъ* — *лѣсѣхъ* получил впоследствии форму *лесах* по аналогии с соответствующей формой имен от основ на *a*, например *береза* — *березах*.

Татарский оформленный вин. падеж на *ны*, *не*, например *кызны* «девушку», *эшине* «работу», некогда, повидимому, не имел элемента *n* (ср. тур. *kızı* и *işi*). Элемент *n* попал сюда в результате переразложения основ из соответствующих форм личных местоимений (ср. *мине* «меня» от *мин* «я» и *сине* «тебя» от *син* «ты»). Окончание *-vat*, *-vāt* 3-го лица мн. числа глаголов в финском языке, например *antavat* «они дают», представляет фактически форму мн. числа причастия настоящего времени на *va*, но в настоящее время оно воспринимается уже как личное глагольное окончание.

Совершенно ясно, что соотнесение отдельных фонетических явлений, явлений грамматической аналогии, переразложения основ и т. п. с конкретными периодами истории общества само по себе еще не может дать ничего существенного для изучения связей истории языка с историей народа. Что, например, может дать соотнесение с конкретным периодом истории народа таких явлений, как ассимиляция или синкопа, палатализация согласных или назализация гласных, упрощение различных групп согласных и т. д.? Мало может дать для изучения связи истории языка с историей народа также и соотнесение с конкретным периодом истории народа таких явлений, как различного рода новые семантические ассоциации.

Какими конкретными историческими причинами можно объяснить, например, исчезновение в итальянском и французском языках латинского слова *vesper* «вечер» и замену его новым словом: в итальянском языке — *sera* и во французском *soir* (от латинского прилагательного *serus* «поздний»)? Какая историческая необходимость привела к замене распространенного в древнегреческом языке слова ἵππος «лошадь» словом ἄλογο или слова ὕδωρ «вода» словом νερό? Что привело к замене в итальянском, французском и испанском языках латинского прилагательного *angustus* «узкий» новым прилагательным (ср. итал. *stretto*, франц. *étroit*, исп. *estrecho*), образованные от перфектного причастия лат. глагола *stringere* «сжимать»; *strictus* — собственно «сжатый»)?

Некоторые лингвисты называют подобные рассуждения проповедью анти-историзма и утверждают, что все вышеперечисленные явления непосредственно связаны с историей народа. Однако правильнее будет сказать, что с историей народа здесь связаны не сами явления языка, а тот кон-

кретный фактор, который их порождает: способность к типизации и всякого рода ассоциациям, которая сама по себе есть продукт длительного исторического пути развития человечества в целом.

Способность к типизации, обобщению, ассимиляции и т. п. возникла в результате огромного исторического опыта человечества. Раз возникнув, она становится постоянно действующим фактором. Система материальных средств каждого конкретного языка открывает перед этим фактором массу возможностей. Достаточно наличия в нескольких типах склонения или спряжения одной или двух омонимичных форм или даже просто одинаковых по значению форм, чтобы начался процесс униформации их по аналогии. Словарный состав любого языка также представляет массу возможностей для образования различных семантических ассоциаций. Поэтому различные изменения морфологических систем языков, вытеснение и замены одних слов другими весьма часто не имеют прямой, непосредственной связи с фактами внешней истории.

Приходится признать, что история человеческого общества, способствовавшая развитию человеческого сознания и мышления, породила нечто такое, что в сфере языка приобрело известную самостоятельность, обусловило существование процессов, которые нельзя в целом ряде случаев объяснить непосредственно как результат действия каких-либо внешних факторов. Эти процессы представляют собой явления особого рода, с которыми не может не считаться историк языка.

Таким образом, намечаются два наиболее общих типа связей: 1) связь явлений языка с конкретным периодом истории народа и 2) связь явлений языка со всем историческим опытом человечества в целом.

*

В результате выделения этих типов связи возникает проблема внешних и внутренних факторов развития и изменений языка. Изменения в языке могут быть обусловлены внешними факторами. И. В. Сталин пишет, что «сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична».

Этим прежде всего и объясняется, что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй⁵.

Но, помимо этих внешних факторов, существуют факторы внутренние, возникающие в самой системе материальных средств языка и обусловленные характером и особенностями этой системы. Под внутренними факторами в данном случае понимаются факторы, вызывающие различного рода грамматические и семантические ассоциации, а также процессы, непосредственно вытекающие из самого функционирования языка как средства общения (стремление к дифференциации, устранение плеоназма и т. п.). Поясним этот тезис конкретными примерами.

В древнегреческом языке аорист и имперфект имели различные личные окончания: аорист — *ἐπαίδεσα* («я воспитал»), *ἐπαίδεσας*, *ἐπαίδευε*, мн. число *ἐπαίδευσάντων*, *ἐπαίδευσате*, *ἐπαίδευσαν*; имперфект — *ἐπαίδευον* («я воспитывал»), *ἐπαίδευες*, *ἐπαίδευε*, мн. число *ἐπαίδευόμεν*, *ἐπαίδεβε*, *ἐπαίδεον*. В новогреческом языке аорист и имперфект получили унифицированные окон-

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

чания—аорист: ἔκρυψα («я скрыл»), ἔκρυψες, ἔκρυψε, ἔκρυψαμε, ἔκρυψατε, ἔκρυψαν; имперфект — ἔκρυβα («я скрывал»), ἔκρυβες, ἔκρυβε, ἔκρυβαμε, ἔκρυβατε, ἔκρυβαν.

Совершенно ясно, что описанное явление было вызвано только внутренними факторами, которыми явились: а) наличие известной общности структурных элементов аориста и имперфекта (аугмент) и наличие у них одинакового окончания в форме 3-го лица ед. числа (ε); б) обозначение тем и другим временем прошедшего действия и возможность обозначения аористом в некоторых случаях действия несовершенного вида; в) отпадение конечного υ, создававшее неестественные формы типа ἐπαίδεο (1-е лицо ед. числа и 3-е лицо мн. числа), ведущие к нарушению дифференциации, благодаря известному совпадению с 1-м лицом презенса по конечному окончанию (ἐπαίδεο — παιδεύω).

Эти внутренние факторы вызвали стремление к полной унификации личных окончаний аориста и имперфекта.

В румынском языке форма им. падежа мн. числа *caprae* от существительного *capra* «коза» стала употребляться также и как форма вин. падежа (*capre*). Основная причина заключается в том, что старолатинская форма вин. падежа мн. числа *capras* после отпадения *s* воспринималась как форма ед. числа (*capra*). В данном случае мы опять имеем дело с внутренними факторами.

В романских языках наблюдается исчезновение латинского оборота *accusativus cum infinitivo* (вин. падеж с неопределенным наклонением); например, предложение типа *credo terram esse rotundam* стало заменяться (особенно в поздней латыни) другим типом предложения, состоящего из главного и придаточного, вводимого относительным местоимением, например: *credo quod terra est rotunda*. Такое изменение было вызвано наличием целого ряда внутренних факторов: а) утратой инфинитивом многих черт глагольности (исчезновение различных форм), сокращением вариаций по времени и возможностью субстантивации в связи с развитием артикля; б) утратой различий между винительным и именительным падежами по причине отпадения конечного *m*; в) возможностью параллельных конструкций.

Появление категории одушевленности в русском языке (*вижду стол*, но *вижу брата*; *вижу столы*, но *вижу братьев*) легко объясняется внутренними факторами: а) совпадением форм им. падежа и вин. падежа благодаря фонетическим изменениям⁶; б) наличием свободного порядка слов, затруднявшего дифференциацию между падежом подлежащего и прямого дополнения; в) наличием синтаксических отношений формы вин. падежа с формой род. падежа (*вижду сестру* и *не вижу сестры*). Все эти внутренние импульсы вызвали так называемый *Unterscheidungstrieb*, т. е. стремление к дифференциации, в результате чего, как средство осуществления этой дифференциации, была использована форма род. падежа.

В области фонетики явно преобладают изменения, вызываемые внутренними факторами. Так, например, только влиянием качества гласного последующего слога может быть объяснено явление преломления (*Brechung*) в истории немецкого языка, заключающееся в том, что при последующих широких гласных окончания (*a, e, o*) корень также имеет более широкий вариант гласного (*e, o, eo*), а при последующих узких гласных (*i, u*) корень имеет гласный более узкий (*i, u, iu*). Ср. в др.-нем. *gibis* «ты даешь», *gibit* «он дает», но *gebames* «мы даем», *gebant* «они дают».

Появление *b* в группах согласных *mr, mn*, наблюдаемое в испанском и французском языках, например исп. *hombre* «человек» из *homne* > *homre*,

⁶ Древние формы *братѣс* (им. падеж ед. числа) и *братѣм* (вин. падеж ед. числа) совпали в одной форме — *брат*.

затем *hombre*; франц. *chambre* «комната» из *camera* > *camra* > *cambre* и т. д., может быть объяснено действием только внутреннего фактора — способностью групп типа *mr* развивать паразитный согласный (ср. лат. *membrum* «член», — этимологически родственное русск. *мясо*, др.-индийск. *mansa* «мясо», — возникшее из *mensrom*, затем *memrom* и *membrum*; ср. также греч. ἄμβροτος «бессмертный», βροτός «смертный» из *mrotos*; следовательно, ἄμβροτος некогда звучало как *amrotos*, затем *ambrotos*.)

Как известно, *t* придыхательное в новогреческом языке превратилось в межзубный спирант (θ) типа англ. *th* в слове *think* «думать» (ср. др.-греч. *thelo* «я хочу» и новогреч. *θέλο*). Однако после глухого согласного *th* не превратилось в межзубный спирант: оно только утратило придыхательность; например, ἐλεύθερος «свободный» произносится как *elefteros*, но не *eleftheros*. Совершенно ясно, что здесь действовали только внутренние факторы, а внешняя история народа не имела к этим процессам никакого отношения. Именно на этот характер развития фонетической системы языка в свое время обратил внимание один из гениальных умов человечества — Ф. Энгельс. Он писал: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, ...объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвижения согласных, расширившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судетов до Таунуса, до настоящей трещины, проходящей через всю Германию»⁷.

Установление различных форм связей и различных факторов, вызывающих изменения в языке, может быть, несколько облегчает решение проблемы связи языка с историей общества, но не делает эту проблему менее сложной. В реальной действительности различные типы связей и факторов часто выступают в сложном переплетении; внешний фактор может действовать вместе с внутренними факторами. Поясним этот тезис конкретными примерами.

В Турции в период развития парового флота возникла необходимость в наименовании гребного пароводного винта. Для этой цели турецкий язык использовал слово *pervane*, буквально «мотылек», «бабочка». Этот пример наглядно иллюстрирует возможность соединения двух факторов: внешним фактором было появление необходимости в наименовании части судового механизма; внутренний фактор состоял в наличии в словарном составе турецкого языка слова *pervane*, которое по ассоциации могло быть использовано для наименования пароводного винта.

Ввоз картофеля в Европу был связан с открытием Америки, но наименование этого нового растения в генуэзском диалекте итальянского языка — *tartufolo* — возникло в результате ассоциативного сопоставления клубней картофеля с трюфелями. Слово *tartufolo* затем было перенесено в Австрию, где возникло слово *Tartuffel*, потом *Kartoffel*, откуда русское *картофель*. Возникновение слова *картофель* явилось результатом совокупного действия внешнего и внутреннего факторов: внешний фактор — завоз нового растения из Америки в Европу; внутренний фактор — наличие в генуэзском диалекте слова *tartufolo* «трюфель», послужившего основой для семантической ассоциации и возникновения наименования этого типа растения.

Одной из интересных особенностей верхневашского говора удорского диалекта коми-языка является наличие совершенного и несовершенного глагольных видов — явления, не встречающегося в чистом виде ни в одном из угро-финских языков, например: *нӧб вайсьыны* «нести ношу», но *нӧб вайны* «принести ношу»; *летчыны* «восходить», но *летны* «взойти»⁸.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 423.

⁸ В. А. Сорвачева, Некоторые фонетические и морфологические особенности верхневашского говора удорского диалекта, «Лингвистический сборник» Коми филиала АН СССР, Серия лингвистическая, вып. 2, Сыктывкар, Комигиз, 1952, стр. 44.

Несомненно, внешним фактором при создании глагольных видов здесь послужили русские говоры (удорский диалект выступом вторгается в территорию севернорусских говоров). Однако этот внешний фактор соединился с благоприятными условиями внутри самой грамматической структуры коми-языка: собственно возвратные глаголы в коми-языке своей формой могут показывать, что действие характеризует постоянное или временное поведение, постоянное или временное занятие (например, *отсасьны* «заниматься помощью», *куритчыны* «заниматься курением постоянно»). Эта возможность была использована для создания типа морфологического выражения несовершенного вида, откуда видовое противопоставление таких пар глаголов, как *вайсьыны* «нести» и *вайны* «принести».

Внешний фактор непосредственно связан с историей народа; возможность приведения в действие внутреннего фактора в большинстве случаев не зависит от характера внешней истории общества.

*

Возможности соотнесения явлений языка с историей народа в значительной степени расширяются, если будет установлено понятие «элементы истории общества». Выделение этого понятия тем более необходимо, что явления языка могут быть соотнесены не со всяким моментом в истории общества.

Н. Я. Марр и его «ученики», пытаясь связать явления языка с историей общества, прежде всего говорили о сменах форм производства, базисов и надстроек и соответствующего им характера мировоззрения, сбрасывая со счета все остальное. Между тем классики марксизма-ленинизма, установившие, что «источник формирования духовной жизни общества, источник происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических учреждений нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах, политических учреждениях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.»⁹, отнюдь не сбрасывали со счета всего многообразия различных элементов истории общества.

История общества — это весь путь, пройденный каким-либо человеческим коллективом, включающий целую цепь различных исторических явлений. Распад человеческого коллектива, перемена места жительства, войны и революции, смена базисов и надстроек, направления в политике, литературе, искусстве, живописи, реформы с далеко идущими последствиями, отдельные исторические эпизоды, периоды влияния со стороны соседних народов, особенности в развитии производства, последовательность форм развития различных видов деятельности человека, завоевания, географические открытия, периоды застоя и упадка, периоды деятельности отдельных исторических личностей, руководителей государства, великих писателей, поэтов и многое другое составляют так называемые элементы истории того или иного народа.

Отличительная особенность языка состоит в том, что одни его стороны связаны с отдельными элементами истории общества прямо и непосредственно, другие же не имеют этой прямой и непосредственной связи.

Сторонники «нового учения» о языке, утверждавшие, что они якобы связывают явления языка с историей общества, на самом деле даже не удосужились хотя бы предварительно изучить, как исторически развивались различные элементы языка, каковы их действительные и конкретные свойства. Без изучения этих свойств все разговоры о связи истории языка с историей народа неизбежно превращаются в беспочвенные декларативные заявления.

⁹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 110.

Великая сила сталинских идей состоит в том, что И. В. Сталин совершенно ясно и конкретно показал, каковы действительные особенности исторического развития языков. Когда эти особенности были вскрыты и выявлены, то оказалось, что язык вовсе не надстройка, как утверждали марровцы, что закономерности развития языка не могут ни в коей мере быть отождествляемы с закономерностями развития базисов и надстроек.

Каждый конкретный человеческий язык имеет три четко разграниченные области: фонетический строй, словарный состав и грамматический строй. Историческое развитие языка в области фонетики обычно выражается в изменениях качества различных звуков или их групп, в смене одних фонетических законов другими фонетическими законами, в исчезновении одних звуков и групп звуков и в появлении новых звуков и групп звуков. Связь исторического развития фонетической системы языка с историей народа, разумеется, прежде всего определяется конкретными свойствами и особенностями фонетической системы языка. Эти конкретные особенности должны нам прямо подсказать, с какими элементами истории общества связь фонетических явлений возможна и с какими совершенно невозможна и бессмысленна.

Необходимо признать, что общие качественные особенности фонетической системы того или иного языка никогда не могут быть зеркалом какой-либо эпохи. История не знает таких примеров, когда бы языки, существовавшие в эпоху феодализма, фонетически отличались от языков, существующих в эпоху капитализма, какими-то качественными особенностями своих фонетических систем. Нет таких фонетических систем, которые были бы специфическими для родовых языков, языков племенных, языков народностей и наций. Такие процессы, как, например, образование назализованных гласных, палатализация согласных и т. п., могут происходить в разное время и во все эпохи независимо от состояния общества.

Такие явления, как дифтонгизация старых монофтонгов в истории немецкого языка, падение глухих согласных или оглушение конечных звонких согласных в истории русского языка, развитие переходного звука *e* в группах *mr* и *ml* в истории французского языка (например, *camera*, *camra*, *chambre* «комната»), изменение др.-англ. *ā* в долгое открытое *ó* в центральном и южном диалектах ср.-англ. языка (например, *rād* > *rōde* «путь») и т. п., совершенно индифферентны к состоянию общества, его экономике и т. п. Они так же ничего не говорят о состоянии общества, как характер отдельных звуков в составе того или иного слова ничего не говорит нам о свойствах или качествах предмета, называемого этим словом.

Следовательно, между характером исторической эпохи и качеством изменений в звуковой системе языка нет той связи, которую мы называем связью, основанной на принципе общего соответствия. Однако это положение отнюдь не исключает возможности установления связей между фонетическими изменениями и отдельными элементами истории общества. Приведем несколько конкретных примеров.

Португальское *s* в конце закрытого слога перед глухим согласным и в абсолютном исходе слова произносится в Бразилии как *s*. Этому *s* в португальском языке Европы закономерно соответствует *š* (*ш*), например *os escravos* «рабы» (*уз ишкравуш* в Европе и *уз ишкравус* в Бразилии). Как связать это явление, скажем, при изучении европейского португальского языка с историей португальского народа?

Фонетические законы каждого языка отличаются тем свойством, что они действуют в течение определенного промежутка времени и в пределах одной языковой единицы — языка, диалекта и даже говора.

Всякий распад человеческого коллектива и изолированность языко-

вых групп, возникших в результате этого распада. порождает возможность появления новых фонетических законов в каждой из этих языковых групп в отдельности, причем вновь возникший фонетический закон в одной языковой группе не становится обязательным для другой изолировавшейся языковой группы.

Превращение древнего португальского *s* в *ʃ* в указанных положениях в португальском языке Европы есть прежде всего результат действия внутренних факторов. Роль внешней истории, в данном случае — факта разделения португальского народа в связи с колонизацией Бразилии, свелась лишь к тому, что это разделение ограничило сферу распространения фонетического закона: не будь этого внешнего фактора, новый фонетический закон мог бы распространиться на весь португальский язык. Роль внешнего фактора здесь вполне определена.

Фонетические изменения могут быть соотнесены и с другими элементами истории общества, в частности, с приходом того или иного человеческого коллектива на новое место жительства, являющимся прямым результатом различных миграций и т. д.

В последнее время в лингвистической литературе все чаще появляются работы, посвященные вопросам влияния языковых субстратов на различные стороны языка. Так, например, оглушение индоевропейских звонких придыхательных *wh, dh, gh* в древнегреческом языке объясняется влиянием эгейского языкового субстрата: оно было прямым следствием вторжения предков древних эллинов на территорию южной части Балканского полуострова, занятой эгейскими народами.

Оглушение начальных звонких согласных в чувашском языке, повидимому, может быть объяснено влиянием какого-то финского языкового субстрата.

Возникновение смычно-гортанных согласных в осетинском языке, по мнению некоторых ученых, объясняется влиянием фонетической системы кавказских языков. Явление *liaison* во французском языке, заключающееся в восстановлении утраченного согласного перед гласным следующего слова (например, *les amis*, произносится *лез ами*), весьма напоминает типичное для кельтских языков явление так называемой мутации — воздействия конечных звуков на начальные звуки следующего слова. Объяснение появления *liaison* во французском языке влиянием фонетики кельтских языков, которые некогда были распространены на территории современной Франции, является также примером реальной связи фонетических явлений языка с историей народа.

Таким образом, эти фонетические явления могут быть сравнительно легко соотнесены с историей народа, создавшей определенные возможности для звуковых изменений.

Нередко влияние фонетической системы субстрата может вступать в сложную связь с внутренними факторами развития языка. Так, например, перемещение древнего подвижного ударения на первый слог слова в латышском языке есть, повидимому, результат влияния языка финского народа ливов, сыгравших значительную роль в формировании латышского народа. Однако это перемещение ударения вызывало выпадение гласного конечного слога (например, лит. *vilks* «волк», латыш. *vilks*; лит. *ausis* «ухо», латыш. *auss*; лит. *kalnas* «гора», латыш. *kalns*). Это выпадение гласного вызвано влиянием ливского языка не непосредственно, а опосредствованно, как результат усвоения латышским языком ударения, регулярно падающего на первый слог слова. Могут быть и другие типы связи фонетических изменений в языке с историей народа. В истории языков обычны случаи возвышения одного из территориальных диалектов до степени мощного литературного языка, орфоэпические и грамматические нормы которого начинают оказывать сильное влияние на терри-

ториальные диалекты. Возникновение литературного языка само по себе может быть вызвано такими явлениями в истории народа, как формирование наций, создание централизованного государства и т. д. Фонетические изменения, обусловленные влиянием литературного языка, таким образом, могут быть опосредствованно соотнесены с историей народа. Так, например, если под влиянием литературного русского языка в каком-нибудь говоре русского языка происходит отвердение окончания *ть* в форме 3-го лица ед. числа глагола (*идеть, гулять*), в результате чего появляются формы с твердым *т* (*идет, гуляет*), то этот факт может быть соотнесен с историей народа как результат влияния литературного языка на диалекты.

Когда исследователи диалектов немецкого языка замечают, что такое фонетическое явление, как второй перебой согласных, распространено на территории немецких диалектов неравномерно, они могут связать этот факт с историей народа, найдя причины его в перемещениях носителей этих диалектов. Если современная немецкая орфоэпия обязывает произносить звонкие согласные *v, d, g*, которые в огромном большинстве немецких говоров фактически произносятся как *p, t, k*, то это явление будет непонятно вне связи его с историей народа, с историей установления орфоэпических норм, опирающихся в данном случае на севернонемецкое произношение.

Таким образом, фонетические изменения в языке могут быть соотнесены с вполне определенными по своему типу и характеру элементами истории общества. Всякие же общие рассуждения о связи фонетических явлений с особенностями форм производства, с характером эпохи, с какими-то особыми потребностями общества — не что иное, как рецидивы «нового учения» о языке. Н. Я. Марр и его «ученики» силились доказать, что фонетические изменения зависят от изменений в семантике слова. Достаточно привести несколько примеров, чтобы показать всю несостоятельность подобных рассуждений.

Древнегреческое слово *ἥλιος* «солнце» в одном из диалектов новогреческого языка превратилось в *ilen*. Однако при этом не произошло никакого изменения в значении слова. Латинское слово *betula* «береза» в испанском языке превратилось в *abedul*, но значение слова при этом не изменилось. Древнегреческое слово *στόλος* «военный поход» отщепило в современном греческом языке омоним, имеющий значение «флот»; однако никаких фонетических изменений при этом не произошло. Точно так же древнегреческое слово *ἐκκλησία* «народное собрание» в позднегреческом языке отщепило омоним со значением «церковь», и никаких фонетических изменений здесь также не произошло.

В период господства «нового учения» о языке некоторые его сторонники утверждали, будто бы фонетические законы вызываются к жизни определенными потребностями общества, которые в разные периоды жизни общества влияют на степень употребительности тех или иных слов: одни слова становятся более нужными и поэтому более употребительными в одну эпоху, менее нужными и менее употребительными в другую; если в какую-то эпоху увеличивается частотность употребления какой-либо группы слов, скажем, оканчивающихся на гласный звук, то подобное явление должно, по мнению этих «теоретиков», послужить толчком для появления фонетического закона, выражающегося в закономерном отпадении согласных в конце слова. Вряд ли потребуются особые доказательства для опровержения этой совершенно вздорной идеи. Степень употребительности отдельных слов в языке в разные исторические эпохи, действительно, может быть неодинакова. Усложнение жизненной практики человека, развитие техники, культуры, искусства и т. п., естественно, порождает потреб-

ности в обозначении возникающих новых понятий. Однако актуальность слова вовсе не зависит от характера его звукового облика или от типа склонения и спряжения; она зависит прежде всего от его значения. Так, например, в истории русского языка в советскую эпоху чрезвычайно употребительными оказались такие слова, как *совет*, *партия*, *строительство* и др., различные по своему звуковому облику и по формам.

Какой же вывод может быть сделан из всего сказанного? Изменение фонетической системы языка есть прежде всего результат действия внутренних факторов. История общества может только повлиять на характер фонетических изменений (влияние со стороны других языков) или ограничить их распространение (в случаях изоляции человеческих коллективов в результате переселений, миграций и т. п.). Таким образом, связи с историей общества в этой области являются вполне ясными и определенными.

*

В области лексики установление связей явления языка с историей народа представляет уже значительно меньше трудностей, поскольку здесь можно найти очень много возможностей прямых и реальных соотношений явлений языка с различными элементами истории общества: в словарном составе языка сохраняются, в большей или меньшей степени, следы всей исторической жизни народа, начиная с древнейших времен до его современного состояния.

Так, например, немецкое слово *Hammer* «молот», этимологически связанное с русск. *камень* и лит. *актио*, является сохранившимся до настоящего времени свидетелем палеолитической эпохи. Русское слово *деньги*, этимологически связанное с встречающимся в некоторых современных диалектах татарского языка словом *тәңкә* «рубли», связанным в свою очередь с современным хантыйским *tangkī* «белка», является свидетелем эпохи так называемой «беличьей валюты», которую переживали в свое время народы северо-восточной России. Мордовское слово *кудо* «дом», родственное марийск. *кудо* «шалаш», также эстон. *kodu* и фин. *koti* «дом», «родина», является свидетелем отсутствия срубной культуры у древних финнов. Древнегреческое слово *φράτηρ* «член фратрии», этимологически соответствующее русск. *брат*, нем. *Bruder*, др.-индийск. *bhratā*, а также литовское слово *mote* «женщина» и алб. *motra* «сестра», этимологически соответствующие русск. *мать*, нем. *Mutter*, др.-индийск. *matā* и т. д., свидетельствуют о существовании в истории индоевропейских народов эпохи, когда понятие родственных связей еще отсутствовало. Наличие в индоевропейских языках названий таких деревьев, как *береза* (лит. *beržas*, нем. *Birke*, др.-индийск. *bhurja*), *ель* (др.-греч. ἑλάτη), *сосна* (нем. *Fichte*, др.-греч. τεύχη), а также наличие слова, обозначающего зиму (русск. *зима*, лит. *žieme*, лат. *hiems*, др.-индийск. *hima* «снег»), заставляет искать древнюю родину индоевропейских народов не в южных, а в более северных широтах. Точно так же наличие в финском языке таких слов, как *tammi* «дуб» и *vaahtera* «клен», — названий деревьев, довольно редких и не типичных для местностей севернее 60-й параллели — позволяет говорить о приходе предков финнов в Финляндию откуда-то с юга (ср. мордовск. *тумо* «дуб» и марийск. *ваштар* «клен»).

Этимологические изыскания в области словаря различных индоевропейских языков позволяют судить о наличии у древних индоевропейских народов довольно развитого земледелия и знакомства с различными хлебными культурами; ср. греч. *πυρός* «пшеница», ст.-слав. *пыро*, нем. *Gerste* «ячмень», лат. *hordeum* «ячмень» (из *horzdeum*), греч. *ζέα* «полба», др.-индийск. *yava* «хлеб», лит. *javai* «хлеб», русск. *зерно*, лат. *granum*, нем.

Korn. Довольно показательна в этом отношении этимологическая общность глаголов со значением «пахать»: греч. *ἀρόω* лат. *arare*, лит. *arti*, др.-русск. *орати*; ср. алб. *arë* «пахотное поле».

Изучение лексики говорит также о наличии у древних индоевропейских народов довольно развитого скотоводства; ср. др.-греч. *βοῦς* «бык» (из *g^wōus*), др.-индийск. *gauś*, тадж. *gав* «корова», арм. *ков*, русск. *говядина* (собственно «бычье или коровье мясо»); лат. *equus* «лошадь», др.-индийск. *aśva*, др.-перс. *aspa*; лат. *ovis* «овца», греч. *ὄις* (из *ovis*), лит. *avis* и т. д.

С другой стороны, изучение лексики угро-финских языков свидетельствует об отсутствии развитого земледелия и скотоводства в древнейшую эпоху исторической жизни угро-финских народов. Здесь мы не найдем общего для всех финно-угорских языков глагола со значением «пахать» или общих названий домашних животных; зато название стрелы является общим для всех финских языков; ср. фин. *nuoli*, коми-зыр. *ньӧв* (из *ньӧл*), мордов. *нал*, марийск. *нӧлӧ*, венг. *nyil*, что свидетельствует о древнейшем развитии охоты у этих народов.

Развитие многообразных форм и областей деятельности человека находит отражение в развитии значений слов, возникновении омонимов, синонимов и т. п. Особенно наглядно это выявляется при наблюдении над увеличением групп этимологически родственных слов. Одним из ярких примеров может служить немецкое слово *Werk* «дело». Сравнение его с др.-греч. *ἔργον* «дело» и арм. *горц* «дело» говорит о том, что в глубокой древности это значение было единственным. Современное нем. *Werk* имеет разветвленную серию омонимов, отразивших развитие многообразных видов деятельности человека: 1) дело, работа, 2) завод, рудник, 3) механизм (*Uhrwerk* «часовой механизм»), 4) произведение (*Lenins Werke* «Сочинения Ленина») и т. п.

Греческое *γράφω* «писать» в глубокой древности, повидимому, имело одно значение «отмечать что-либо» или «делать зарубку» (ср. нем. *kerben* «делать зарубку»). Семантическое разветвление корня *γραφ* в современном греческом языке поражает своим многообразием: *γράμμα* «буква», *γραμματεὺς* «секретарь», *γραμματεῖον* «секретариат», *γραμμάτιον* «вексель», *γραμματοδιδασκαλεῖον* «начальная школа», *γραμματοθήκη* «типографская касса», *γραμματοφυλάχον* «портфель», *γραμμένο* «судьба», *γραμμή* «линия», *γραφεῖον* «бюро», *γραφειοκρατία* «бюрократия», *δακτυλογράφος* «машинистка».

Развитие электротехники наглядно отразилось в современном новогреческом языке на чрезвычайном расширении круга значений унаследованного от древнегреческого языка слова *ἤλεκτρον* (первоначальное значение — «янтарь»): *ἤλεκτραγωγός* «проводник электричества», *ἤλεκτρικόν* «электрический свет», *ἤλεκτρισμός* «электричество», *ἤλεκτρόδιον* «электрод», *ἤλεκτροθεραπεία* «электролечение», *ἤλεκτροαρνητικός* «отрицательный» (об электричестве), *ἤλεκτρολόγος* «электротехник», *ἤλεκτρομαγνήτης* «электромагнит», *ἤλεκτροκινητήρ* «электромотор», *ἤλεκτρόμετρον*, *ἤλεκτρομεταλλουργία* и т. д.

Развитие артиллерии увеличило в новогреческом языке ряд сложных и производных слов от *πῦρ* «огонь»: *πυροβολαρχία* «батарея», *πυροβολεῖα* «артиллерийский обстрел», *πυροβολικόν* «артиллерия», *πυροβολισμός* «выстрел», *πυροβόλον* «пушка», *πυροβολοστάσιον* «артиллерийский парк».

С историей народа могут увязываться результаты деятельности пуристов; эти результаты иногда могут быть весьма значительными.

Наиболее наглядно связь словарного состава языка с историей народа может быть продемонстрирована на примерах различных иноязычных заимствований. Наличие в финском языке таких слов, как *vaara* «опасность», *malmi* «руда», отражает исторические связи финского народа со шведским. Обнаружение в венгерском языке тюркских слов, заимствованных из какого-то тюркского языка чувашско-булгарского типа, свидетельствует

о древнейших исторических связях венгерского народа. Наличие в тюркских и иранских языках слов арабского происхождения, появившихся в результате влияния религии ислама и арабской культуры, также может служить примером отражения в словарном составе языка элементов истории этих народов.

Нередко следы иноязычного влияния оказываются стертыми, утраченными. С внешней стороны невозможно, например, распознать следы иноязычного влияния в таких словах, как венг. *allam* «государство», чеш. *članek* «статья», нем. *Höflichkeit* «вежливость», арм. *patmuthjun* «история». Однако венг. *allam* представляет собой кальку с лат. *status* (ср. венг. *allni* «стоять», лат. *stare*); чеш. *članek* есть не что иное, как нем. *Artikel*; нем. *Höflichkeit* скалькировано с франц. *courtoisie*; под армянским *patmuthjun* скрывается греческое *ιστορία* (ср. греч. *ιστορέω* «рассказывать» и арм. *patmel* «рассказывать»).

С таким фактом истории народа, как его пребывание на определенной территории, непосредственно связана топонимика.

Севернее Москвы на Савеловской дороге есть две станции — *Икша* и *Яхрома*. Эти два неславянских по своему происхождению географических названия интересны тем, что имеют совпадения далеко за пределами Московской области. Так, например, название *Икша* встречается в юго-западной части Марийской республики; один из притоков Вычегды в нижнем ее течении называется *Икса*. Икса — небольшая река в Архангельской области около Няндомы. Элемент *Яхр-* в названии станции *Яхрома* имеет отзвуки в Ярославской области (название селения *Яхробол*).

Можно предположить, что в древности территория севернее Москвы была занята населением, близким по языку к мерянскому населению Ярославской и Костромской областей, а язык мери был, повидимому, весьма близок к языкам и наречиям так называемой заволочской чуди¹⁰. Это предположение, основанное на чисто языковых данных, поддерживается установленным советским археологом А. Я. Брюсовым сходством древних памятников материальной культуры Волго-Окского междуречья и Карелии.

Известная часть словарного состава языка допускает непосредственное соотнесение с явлениями надстроечного и базисного порядка. Смены базисов и надстроек не проходят бесследно для языка; они всегда оставляют некоторый след в его лексике.

Значительно больше трудностей возникает при попытке установления связей с внешней историей народа слов основного словарного фонда. Основной словарный фонд сохраняется очень долго. «Нет никакой необходимости, — пишет И. В. Сталин, — уничтожать основной словарный фонд, если он может быть с успехом использован в течение ряда исторических периодов, не говоря уже о том, что уничтожение основного словарного фонда, накопленного в течение веков, при невозможности создать новый основной словарный фонд в течение короткого срока, привело бы к параличу языка, к полному расстройству дела общения людей между собой»¹¹.

Именно поэтому установление непосредственных связей с внешней историей народа таких слов, как *есть, спать, пить, дерево, река, берег, гора* и т. п., представляется затруднительным. Однако это не значит, что соотнесение истории слов основного словарного фонда с историей народа

¹⁰ Ср. некоторую повторяемость одинаковых окончаний рек Волго-Окского междуречья, Среднего Поволжья и Севера, например, окончаний *-га, -ка*: *Кокшага* (река в Марийской области) и *Уфтога* (приток Северной Двины); *Вашка* (река во Владимирской области) и *Вашка* (приток Мезени); окончания *-ма*: *Клязьма* (Московская и Владимирская области) и *Сюзьма* (река в Архангельской области).

¹¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

вообще невозможно. С историей народа может быть связан общий характер основного словарного фонда. Наблюдение над основным словарным фондом родственных языков позволяет установить несомненные факты специфического отличия основного словарного фонда отдельных языков и даже групп близкородственных языков. Так, например, характер основного словарного фонда финского языка суоми отличается своеобразной спецификой по сравнению, скажем, с основным словарным фондом эрзя-мордовского языка. Точно так же, например, основной словарный фонд литовского языка, несмотря на наличие элементов известного сходства, по своему общему характеру резко отличается от основного словарного фонда какого-нибудь славянского языка.

Одной из причин образования этой специфики является факт изоляции народов на разных территориях. Исторические условия развития языков на изолированных территориях могут быть не одинаковы. Эти различия исторических условий порождают различия в области хозяйства, быта, культуры и т. п., что приводит к различию словаря. Кроме того, возникающие новообразования в словаре за счет внутренних ресурсов самого языка, осуществляясь в языке, находящемся на одной территории, не распространяются на язык, находящийся на другой территории. Все это приводит к тому, что основной словарный фонд даже близкородственных языков оказывается не одинаковым по своему характеру.

В случаях особенно интенсивных связей между двумя народами в основной словарный фонд языка могут проникать иноязычные заимствования. Так, например, некоторые слова основного словарного фонда чувашского и марийского языков оказываются общими; ср. чуваш. *пер* «ударить», марийск. *пераш*; чуваш. *сис* «чувствовать», марийск. *шижаш*; чуваш. *чир* «болезнь», марийск. *чер*; чуваш. *кайăк* «зверь, птица вообще», марийск. *кайык*; чуваш. *вара* «потом», марийск. *вара*; чуваш. *вий* «сила», марийск. *вий*; чуваш. *лапра* «грязь», марийск. *лавра*; чуваш. *сара* «голый», марийск. *чара*; чуваш. *пӱрне* «палец», марийск. *парня* и т. д. Такие совпадения могли возникнуть только в результате исторических связей между этими двумя народами.

Слова основного словарного фонда могут отражать развитие разных видов деятельности людей, историю материальной и духовной культуры народа. Например, глагол *торговать* возник в результате появления нового вида деятельности — торговли. То же самое можно сказать о таких глаголах основного словарного фонда, как *писать*, *считать*, *ковать*, о существительных типа *дом*, *корабль*, *парус* и т. п.

Вместе с тем многочисленны случаи, когда изменения в словаре не могут быть соотнесены ни с какими факторами истории народа. В марийском луговом языке есть слово *шоптыр* «смородина», которому в коми-языке соответствует слово *стӧр* с тем же значением. Однако в марийском языке первая часть слова под влиянием «народной этимологии» и отчасти семантики самого слова была ассоциирована с прилагательным *шопо* «кислый», в результате чего получилось *шоптыр*¹².

Дифтонг *ai* в древнеисландском слове *auga* «глаз» кажется несколько необычным при сопоставлении его с лит. *akis* и ст.-слав. *око*; однако разгадка этого явления станет понятной, если допустить ассоциативную связь со словом *ухо*, готск. *auso*, лит. *ausis*, ст.-слав. *оухо*¹³.

Нельзя объяснить воздействием факторов внешней истории эллиптическое сокращение словосочетаний и образование в результате этого процесса самостоятельных слов. Например, итал. *fontana* «источник, фон-

¹² По наблюдениям проф. А. И. Попова.

¹³ См. А. Мейе, Основные особенности германской группы языков, М., Изд-во иностран. лит-ры, 1952, стр. 138.

тан», исп. *fiente* представляют собой сокращение латинского словосочетания *aqua fontana* «родниковая вода»; франц. *hiver* «зима» представляет результат сокращения лат. *tempus hibernum*, буквально «зимняя пора, зимнее время»; новогреческое слово *νερό* «вода» представляет сокращение *νερόν ὕδωρ* «пресная (буквально „молодая“, „свежая“) вода»; новогреческое слово *ποντικός* «мышь» возникло из *ποντικός, μῦς* буквально «понтийская мышь».

Неясным с точки зрения связей с историей народа остается вопрос о причинах вытеснения одних синонимов другими. Исследователь затруднится ответить на вопрос, почему из двух древнегреческих синонимов *κλάδος* и *ῥαχίς*, означающих «ветвь», в новогреческом языке сохранилось только *κλάδος*; из двух синонимов *ἐπορεύω* и *ἀκολουθέω*, означающих «следовать», в новогреческом сохранилось *ἀκολουθέω*; из двух латинских прилагательных *dulcis* и *suavis* в романских языках утвердилось *dulcis* (итал. *dolce*, франц. *doux*, исп. *dulce*).

Таким образом, и в области лексики наблюдается та же закономерность, что и в области фонетики: в ряде случаев обнаруживается несомненная связь с фактами внешней истории общества; в других случаях изменения словаря бывают обусловлены действием внутренних факторов.

*

Особые трудности представляет изучение связей грамматического строя языка с историей общества.

Выяснение этого сложного вопроса должно стать предметом специальных исследований. В данной статье, ограничиваясь рассмотрением этого вопроса только в одном аспекте, мы попытаемся показать на некоторых конкретных примерах возможность изменения грамматического строя языка в результате действия как внешних, так и внутренних факторов. Изменения грамматического строя языка, его морфологии и синтаксиса в огромном большинстве случаев являются результатами действия внутренних факторов.

В классическом латинском языке, как известно, существовало пять типов склонений. Четвертое склонение типа *fructus* «плод» и пятое — типа *species* «вид» очень рано стали проявлять тенденцию к сближению с другими склонениями. Четвертое склонение стало сливаться со вторым склонением; в результате этого процесса в поздние периоды развития латинского языка слова *lupus* «волк» (2-е склонение) и *fructus* «плод» (4-е склонение) стали склоняться одинаково. Совершенно ясно, что привлечение фактов внешней истории никак не объяснит этого грамматического процесса. Объяснение этого явления нужно искать в самом языке. Достаточно сопоставить парадигмы второго и четвертого склонений, хотя бы в единственном числе, чтобы заметить сходство окончаний некоторых падежей, которое и послужило причиной унификации двух типов в один:

Nom.	<i>lupus</i>	<i>fructus</i>
Gen.	<i>lupi</i>	<i>fructus</i>
Dat.	<i>lupo</i>	<i>fructui</i>
Acc.	<i>lupum</i>	<i>fructum</i>
Abl.	<i>lupo</i>	<i>fructu</i>

В современном норвежском языке глагол в настоящем времени имеет окончание *-r* для всех трех лиц обоих чисел, например, *elsker* означает «я люблю», «ты любишь» и т. д. И здесь трудно найти причину граммати-

ческого явления во внешних факторах. Лучше обратиться к парадигме спряжения глагола в настоящем времени в древненорвежском языке:

Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>bind</i> «я связываю»	<i>bindom</i>
2-е лицо	<i>bindr</i>	<i>bindeð</i>
3-е лицо	<i>bindr</i>	<i>binda</i>

Это сопоставление убеждает, что причина образования однотипного окончания *-r* лежит в выравнивании всех окончаний по второму лицу единственного числа.

Система прошедших времен в древнерусском языке отличалась большей сложностью: существовало четыре прошедших времени: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. В настоящее время в русском языке — одно прошедшее время на *-л* (исторически — остаток перфекта). Конечно, не факты внешней истории, а различные внутренние факторы осуществили перестройку системы прошедших времен. Эти факторы таковы:

1) наличие сходных окончаний аориста и имперфекта как импульс для унификации личных форм, например: *несох* и *несях* (1-е лицо ед. числа), *несохом* и *несяхом* (1-е лицо мн. числа);

2) значение глагольных приставок как выразителей совершенного вида, устранявшее необходимость специального различения характера протекания действия;

3) рост употребления личных местоимений, ослабляющих роль вспомогательного глагола *быть* как лица различителя;

4) обогащение временных значений имперфекта, ослаблявшее роль связи;

5) редкость употребления плюсквамперфекта как формы, выражавшей относительное время.

Несомненно, эти внутренние факторы и привели к унификации формы прошедшего времени в русском языке.

Причастие настоящего времени в древнегреческом языке, например, *φέρων* «несущий», род. падеж *φέρωντος*, не может быть нормально выведено из древней его формы **feronts*, так как из *feronts* могло получиться только *φέρους*. Допущение того, что форма им. падежа причастия изменилась по аналогии существительных типа *κύων* «собака», легко устраняет возникшее затруднение. В новогреческом языке оказался необычайно продуктивным суффикс *-ω*, например, др.-греч. *φέρω* «носить», ново-греч. *φέρω*; др.-греч. *δέρω* «драть», ново-греч. *δέρω* и т. д. Продуктивность этого типа также можно объяснить только действием аналогии. Но было бы совершенно неверно утверждать, что связи явлений грамматического строя языка с внешней историей народа вообще не существует. Так же, как и в других случаях, важно определить, с какими элементами истории народа здесь возможна реальная связь.

Специфика грамматического строя языка, так же как и специфика его основного словарного фонда, складывается в результате более или менее длительного изолированного проживания данного народа. Так, например, специфика грамматического строя марийского языка есть прямой результат обособленного существования марийского народа в изоляции от других угро-финских народов. Обособленное существование того или иного народа и его языка создает возможности для появления новых внутренних законов развития грамматического строя языка, которые уже не будут обязательными для других родственных языков.

Могут быть и другие формы связей отдельных явлений грамматического строя языка с историей народа. В эстонском языке, например, существует

особое наклонение, так называемое пересказочное, или *modus relativus*. Это наклонение служит для выражения неочевидности совершенного действия, например: *tema kirjutavat* «говорят, что он пишет». В данном случае глагол *kirjutama* «писать» употреблен в *modus relativus*, потому что говорящий знает о совершающемся действии только со слов других. Как связано это грамматическое явление с историей народа? На первый взгляд этот вопрос может показаться несколько странным. На самом деле такая связь существует. Пересказочное наклонение в эстонском языке, повидимому, возникло под влиянием латышского языка (ср. латыш. *gans ganot* «говорят, будто пастух пасет»); это — результат исторических связей эстонского народа с латышским народом.

Система числительных в марийском языке отличается одной любопытной особенностью, которой нет в других финских языках. Эта особенность состоит в наличии двух форм числительных — краткой и полной, например: *нын* «четыре» (краткая форма) и *нылым* «четыре» (полная форма). Точно такое же явление встречается в соседнем чувашском языке: ср. чувашское *тăватă* «четыре» (краткая форма) и *тăваттă* «четыре» (полная форма). Несомненно, возникновение двух форм прилагательных в чувашском и марийском языках есть результат исторической связи между этими народами.

Широкие возможности для установления связей явлений языка с историей общества открываются при изучении различных литературных языков, так как здесь эти связи являются более осязаемыми и менее опосредствованными. Много примеров зависимости развития языка от фактов внешней истории может дать изучение истории синтаксиса различных языков.

Итак, изменения грамматического строя осуществляются преимущественно как результат действия различных внутренних факторов. Роль внешней истории сводится главным образом к влиянию других языков или к ограничению распространения тех или иных изменений в области морфологии и синтаксиса в результате изоляции человеческих коллективов, переселений, миграций и т. п.

Общее развитие и совершенствование грамматического строя языка зависит от всего исторического опыта народа в целом, является результатом целого ряда исторических эпох, уходящих в глубокую древность.

В данной статье совершенно не затронута сложнейшая и совсем еще не разработанная проблема изменений грамматического строя языка в связи с развитием мышления; не показана роль грамматики как результата успехов мышления, поскольку эти проблемы требуют специальных и обстоятельных исследований.

Все сказанное позволяет сделать один вывод: любое явление в языке связано с историей народа, но в одних случаях это связь непосредственная, прямая и наглядная, в других — крайне сложная и опосредствованная всем историческим опытом человечества в целом.

В. Г. ОРЛОВА

ИЗМЕНЕНИЯ В ХАРАКТЕРЕ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ НАРОДА

1

Постановка вопроса о связях и соотношениях, существующих между характером развития языка и развитием общества, определяется в современном советском языкознании основополагающими указаниями И. В. Сталина на то, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹.

Разрешение этой огромной по своему значению проблемы возможно лишь на основе конкретно-исторического изучения процесса развития языков. Только такое изучение позволит установить все многообразие связей, существующих между характером развития отдельных языков и историей народов — их носителей. Подготовительная работа и свободный обмен мнениями дадут возможность выявить как связи и соотношения, общие для многих языков, так и связи частного характера, сформировавшиеся в условиях своеобразного исторического существования того или иного языка.

Для исследователя, работающего над проблемой связи истории языка и истории народа, огромное значение имеет указание И. В. Сталина на то, что разные стороны языкового строя обладают разной степенью устойчивости, характеризуются разными темпами развития. И. В. Сталин указал, что грамматический строй и основной словарный фонд являются самыми устойчивыми сторонами языка, медленно идущими по пути своего развития и совершенствования. В этом процессе постепенного развития разные элементы грамматического строя и основного словарного фонда изменяются не одновременно, что способствует отсутствию резких переходов от одного состояния языка к другому. Словарному составу языка на всем протяжении его развития свойственна несравненно большая изменчивость, поскольку непрерывно идет и расширяется процесс познания людьми объективного мира, поскольку становятся все более многообразными различные виды человеческой деятельности.

В свете этих положений закономерно может быть поставлен центральный для данной статьи вопрос о характере развития фонетического строя русского языка. Фонетический строй обеспечивает материальное воплощение в звуках всех тех сторон языка, о различной степени устойчивости которых говорит И. В. Сталин. Общий ход развития фонетического строя русского языка в данной статье сопоставляется с изменениями в морфологической системе, закономерности развития которой получили непосредственное освещение в работах И. В. Сталина.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22.

Совокупность звуков языка и закономерности их употребления образуют область языковой «природной материи», т. е. фонетический строй языка, обладающий значительной самостоятельностью и развивающийся по своим внутренним законам. Однако процессы развития фонетического строя связаны с историей народа — носителя языка.

Вульгаризаторский подход к разрешению вопроса о связи развития языка с развитием общества у представителей «нового учения» о языке выражался, как известно, в том, что историю языка, без всякой дифференциации его различных сторон, они непосредственно соотносили с историей экономических базисов. Подобная связь по существу лишь приписывалась языку: никакими конкретными языковыми данными она не подтверждалась и подтверждена быть не могла. Тем более не учитывалось то, что разные стороны языка по-разному связаны с различными моментами общественного развития и по-разному их отражают.

Говоря о непрерывных изменениях словарного состава языка, И. В. Сталин указывает на целый ряд моментов общественного характера как на источник этих изменений: «...словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.»². Эти указания И. В. Сталина очень важны в методологическом отношении: отбрасывая порочную марровскую формулу о развитии языка, в том числе его словарного состава, как надстройки, И. В. Сталин обращается к тем реальным связям с историей носителей языка, которые имеет данная сторона языка, взятая в развитии. Поэтому, пытаясь определить характер связи развития фонетического строя русского языка с историей народа, мы должны опираться на конкретно-исторический анализ данного развития в сопоставлении с историей носителей языка.

Этот анализ приводит к выводу, что особое внимание должно быть уделено тем историческим периодам общественного развития, в которых преобладают процессы дифференциации языков и их носителей, получающих возможность более или менее обособленного существования. При этом отчетливо выявляется та особенность, что в периоды обособленного существования языковых групп фонетические новообразования возникают раньше и относительно быстрее новообразований грамматических. Иными словами, при общем медленном развитии языка фонетические новообразования возникают в сравнительно менее длительные периоды обособленной жизни данной языковой группы, чем новообразования грамматические.

В истории различных языков, в том числе и русского, дифференциация языковых групп решительно преобладает в более ранние периоды их существования, именно в доклассовом обществе; в классовом обществе, как это будет показано ниже, дифференциация является лишь одним из частных случаев развития.

Характеристику периода преобладания дифференциации языковых групп находим у К. Маркса в «Конспекте книги Льюиса Г. Моргана „Древнее общество“»: *«Постоянная тенденция к разделению коренилась в элементах родовой организации; она усиливалась тенденцией к образованию различия в языке, неизбежной при их (т. е. диких и варварских племен) общественном состоянии и обширности занимаемой ими территории. Хотя устная речь замечательно устойчива по своему лексическому составу и еще устойчивее по своим грамматическим формам, но она не*

² Там же, стр. 25.

может оставаться неизменной. *Локальное разобщение* — в пространстве — вело с течением времени к появлению *различий в языке*; это приводило к обособлению интересов и к полной самостоятельности³.

Устойчивость лексического состава и грамматических форм языка, указанная К. Марксом, получила в настоящее время в работах И. В. Сталина конкретную характеристику, в которой подчеркивается устойчивость основного словарного фонда, сохраняющегося «во всем основном», и грамматического строя языка при более быстром и непрерывном развитии словарного состава. Факты истории русского языка свидетельствуют о том, что для тех периодов существования общества, когда господствует «постоянная тенденция к разделению», характерны, наряду с изменениями в словарном составе языка, и изменения фонетического характера.

Выдвигающийся в дальнейшем единый и общий, хотя бы по тенденции своего развития, тип языка, который И. В. Сталин характеризует как превалирующий над местными говорами, подчиняющий их себе, является в периоды усиленной языковой дифференциации (особенно в наиболее древние из них) еще ненормализованным и в силу этого менее мощно противостоит вновь возникающим изменениям. Предпосылки генетического характера, принадлежность в прошлом к одному роду, племени, — вот то основное условие, которое в такие периоды определяет языковую общность, фактически наблюдающуюся внутри всей выделившейся группы.

Отсутствие нормализованного языка определяется в это время тем, что люди, пользующиеся языком всегда по определенным сложившимся в нем нормам, на раннем этапе общественного развития, при невысоком уровне развития познавательной деятельности, не осознают еще норм языка, не фиксируют их. Если даже в этот период имеет место создание письменности, оно представляет собой первое проявление успехов познавательной деятельности народа по отношению к своему языку, ее начало. Правила и закономерности данного языка еще остаются не установленными и не зафиксированными. Таким образом, неустойчивость социальных общностей, пользующихся языком, первоначальное совпадение языка и племени, ненормализованный или слабо нормализованный характер языка, занимающего превалирующее положение, — все это создавало благоприятные, в другие периоды в полной мере не повторяющиеся, предпосылки для возникновения и распространения фонетических новообразований и исключало возможность выравнивания или устранения этих новообразований.

Причины изменений в материальной стороне языка на ранних этапах его развития многообразны. Определяющую роль здесь играет развитие звуковой системы на основе взаимодействия разных ее сторон, на основе возникающих между ними противоречий, т. е. тот тип развития, который свойственен и другим явлениям материального мира и который наиболее ярко проявляется в звуковой системе именно в описываемых исторических условиях жизни языка. Однако на всех этапах существования языка такое развитие звуковой системы на основе внутренних противоречий могло сочетаться с изменениями, складывавшимися под влиянием факторов лексического, морфологического, синтаксического характера. Эти последние то ограничивали распространение возникавших фонетических новообразований, то сами вызывали их к жизни (ср., например, появление новых фонем вместе с заимствованной лексикой или особый тип редукции

³ Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 79.

гласных в зависимости от их постоянной слабой ударяемости в предложении).

В истории языка фонетические изменения неоднократно приводили к совпадению звучаний слов, но эти совпадения никогда не создавали какой-либо угрозы общению. Это объясняется прежде всего тем, что все эти изменения протекали медленно, постепенно и, что самое главное, одновременно. Большую роль играло при этом то, что язык с самого древнейшего времени обладает такими способами выражения значений и выполнения своей коммуникативной функции, какими являются нормы его грамматики и возможности использования контекста.

При этом следует еще раз подчеркнуть, что процесс общественного дробления как таковой создает условия для развития языкового разнообразия в смысле возникновения отличающихся друг от друга языковых групп. Дело в том, что звуки языка, являющиеся его «природной материей», не даны человеку как какая-то биологическая унаследованная особенность, а передаются от поколения к поколению в порядке естественно протекающего усвоения. Изменения в артикуляции того или иного звука или группы звуков, возникающие в результате внутренних процессов развития самой материальной физиолого-акустической стороны языка, передаются от поколения к поколению в пределах определенной группы населения, связанной общением. Естественно, что при отделении и обособлении отдельных групп носителей того или иного языка вновь появляющиеся или развивающиеся изменения в материальной стороне языка становятся достоянием только отделившейся группы и в первую очередь определяют ее языковое своеобразие.

В своих последних работах, посвященных учению И. В. Сталина о языке, акад. В. В. Виноградов указывает на то, что определение качества языка и характера его изменений на том или ином этапе должно опираться на изучение уровня общественного развития в соответствующую эпоху: «К общественным условиям развития языка относятся изменения его социальной основы, общественной организации его носителей, обусловленные развитием общества. Язык племени, язык народности и национальный язык различаются по объему и многообразию своего общественного применения, по своей организующей и объединяющей силе в отношении диалектов и, следовательно, отчасти и по элементам своего качества»⁴ (подчеркнуто мною. — В. О.).

И далее: «Прежде всего круг применения языка, культурно-политические сферы его развития, объем и сущность тех социальных „общностей“, которые обслуживаются языком, всецело определяются историей общества, историей народа. В отрыве от развития общества невозможно и бесцельно изучать процессы образования и последовательного развития языков родовых, племенных, языков народностей и языков национальных»⁵.

2

Исторически засвидетельствован факт интенсивной дифференциации славянских племен, наметившийся к VI в. н. э. и выразившийся в обособлении трех славянских групп: южной, западной и восточной. Задачей настоящей статьи не является рассмотрение вопроса о том, какие еще более древние процессы дифференциации и интеграции пережили до этого славянские группы населения. Интересные данные по этому вопросу имеются в ряде исследований современных советских историков. Период диф-

⁴ В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., «Правда», 1951, стр. 11.

⁵ Там же.

ференциации славянских групп населения около VI в. н. э. привлекает языковеда определенностью своих собственно-исторических свидетельств, а также тем, что сравнительная грамматика славянских языков дает нам возможность представить те общие процессы, которые, начавшись еще до VI в., могли затем развиваться в последующие века (VII, VIII, IX в. н. э.), т. е. уже в период раздельного существования этих групп, и привести к возникновению языковых новообразований в пределах каждой из таких групп.

Несомненные свидетельства в этом отношении дают нам и сохранившиеся памятники письменности X—XI вв., в частности, памятники, написанные в древней Руси, так как ясно, что общая система языка, представленная в этих памятниках, сложилась задолго до их появления, еще в тот период, когда обособление восточнославянской языковой группы находилось в процессе оформления. Таким образом, имеются все основания полагать, что памятники X—XI вв. отражают результаты языковых процессов предшествующего периода (приблизительно с VI по IX в.) и, следовательно, на основании этих памятников можно судить о том, каковы были соотношения изменений разных сторон языка именно в этот ранний период.

Ограниченность материалов, извлекаемых из памятников письменности X—XI вв., не позволяет нам судить о том, какими именно различиями характеризовались лексические системы каждой из славянских групп, получивших раздельное существование. Однако мы знаем, и в настоящее время это не требует специальных доказательств, что наибольшая изменчивость словарного состава характеризует язык на всех этапах его существования, поскольку изменения условий жизни и в первую очередь условий производственной деятельности порождают необходимость в обозначении целого ряда новых предметов, явлений, процессов и т. п. В связи с этим можно не сомневаться в том, что различия в словарном составе возникали в пределах дифференцирующихся групп. Кроме того, мы находим в памятниках письменности употребление различных слов для выражения сходных или одинаковых значений: ср., например, в Остромировом евангелии употребление слов *ити*, *печаль*, *почто*, *пастухъ*, *пештера* и др. на месте слов *грѣсти*, *скърбъ*, *вѣскѣжъ*, *пастырь*, *пешть* и др., представленных в других памятниках.

При этом следует иметь в виду, что жанровое однообразие древних памятников (преимущественно церковно-религиозного содержания) создавало преграду проникновению в них разговорной лексики, и это ограничивает возможности изучения лексико-стилистических различий в живом языке того времени.

Возникновение лексических различий между дифференцировавшимися группами при выражении сходных или одинаковых значений связано с тем, что при выражении одних и тех же понятий в разных языковых группах могли быть использованы различные ассоциации — в соответствии с внутренними законами развития языков. Так, обозначение «печали» в одних языках строилось на основе корня *пек-*, по ассоциации со значением «печься», «заботиться» (*пештисѣ*), в других языках — на основе корня *скърб-*, по ассоциации со значением «нанести, испытать физический ущерб» (ср. первоначальное значение глагола *оскърбити*; ср. также современное *ущерб* из более древнего **u-skъrbъ*).

Что касается морфологического строя, то здесь не удастся указать сколько-нибудь существенных различий в системе грамматических категорий, известных памятникам письменности одних славянских групп и не известных другим. Единой оказывается вся система склонения с характерной для нее группировкой типов, категориями падежа и числа; нет

также расхождений в значениях отдельных падежей; то же единство следует подчеркнуть и в системе спряжения.

Старославянские памятники письменности разных изводов представляют расхождения лишь в том отношении, что одинаковые грамматические значения оказываются в них выраженными при помощи различных в отношении звучания форм. Ср., например, из числа наиболее древних явлений несовпадение форм род. падежа ед. числа имен существительных с основами на **ja*: *земла* в южнославянских памятниках, *земль* — в восточных и западных; различие в формах 3-го лица глаголов: окончание *тъ* в южнославянских памятниках, *ть* — в восточных; различие в формах действительных причастий настоящего времени: *несы* — в южнославянских памятниках, *неса* — в восточных и западных.

Сказанное выше не означает, что на протяжении всего рассматриваемого периода морфологической строй не развивался. Хотя отделившиеся языковые группы (в нашем случае — восточнославянская группа) сохраняли тот фонд грамматических категорий, который сложился еще в языке-основе, процесс развития морфологического строя языка не прекращался: он выражался в медленной, постепенной, неравномерно идущей подготовке качественных изменений. Предпосылки и условия неуклонного поступательного развития морфологического строя создавались в процессе использования уже имеющихся грамматических средств, в процессе уточнения и ограничения синтаксического употребления разных грамматических категорий. Отражение процессов синтаксической дифференциации грамматических категорий находим и в памятниках древнерусской письменности.

Такова, например, прослеживаемая в этих памятниках специализация в синтаксическом употреблении именных и местоименных прилагательных, подготовившая последующие морфологические изменения в категории именных прилагательных. Эта специализация выражается прежде всего в том, что в состав сказуемого в древнерусском языке старшей поры входили только именные формы прилагательных, а местоименные формы употреблялись только в функции определения, где они явно вытесняют именные формы, утрачивавшие в связи с этим склонение.

В процессе синтаксического употребления складывалась также и постепенная подготовка утраты вспомогательного глагола в формах перфекта и условного наклонения. Личное значение подлежащего прежде всего устраняло необходимость в употреблении вспомогательного глагола в третьем лице и приводило или к его пропуску, или — в условном наклонении — к употреблению вспомогательного глагола в форме любого лица. Случаи употребления личных местоимений в качестве подлежащего создавали возможность пропуска связки также в формах 1-го и 2-го лица.

Можно также отметить характерные процессы утраты более конкретных, частных категорий и постепенное поглощение их другими, более общими. Таково, например, отмечающееся в древнерусских памятниках с XI в. исчезновение супина и появление форм инфинитива там, где в древности употребление форм супина было обязательной нормой.

Видимо, в это же время подготавливались изменения в области категории числа, шедшие также по линии устранения узкой по значению категории двойственного числа и поглощения ее категориями множественного числа. В этом же плане идет и начавшийся в очень давнее время процесс устранения разнovidностей склонения в пределах одного грамматического рода, существовавших в языке уже в качестве лексико-грамматических групп; древний признак — тематический гласный основы, по которому эти разнovidности когда-то выделялись, — утратил свою актуальность в результате происшедших фонетических изменений.

Намечавшееся объединение имен существительных в единый тип

склонения на основе принадлежности их к одному грамматическому роду означало, что объединяющим признаком внутри каждого отдельного типа склонения постепенно становился признак достаточно общего характера, поскольку сама категория грамматического рода представляет собой высокую степень грамматической абстракции. Однако все процессы морфологического характера представляются на протяжении данного периода незавершенными, не давшими еще закрепившихся морфологических новообразований; идет лишь постепенная подготовка отдельных качественных изменений.

Если мы сравним медленное развитие грамматической системы в первоначальный период обособленного существования восточнославянской языковой группы с развитием фонетического строя, то увидим здесь существенное различие. В отличие от грамматической системы, звуковой строй представляет нам в этот период значительное количество достаточно оформившихся и определившихся новообразований.

К числу фонетических новообразований, сложившихся на протяжении раннего периода существования восточнославянской языковой группы (VI—IX вв.), как известно, относятся следующие: утрата носовых гласных звуков; начало ослабления редуцированных гласных *ъ* и *ь* в так называемой слабой позиции; развитие сочетаний *оро*, *ере*, *оло* (в словах типа *борода*, *берег*, *молоко*); своеобразное развитие сочетаний *ѣр*, *ѣр*, *ѣл* (в словах типа *тѣрѣзъ*, *пѣрвыи*, *пѣлныи*), не приводившее к возникновению в этих случаях слоговых плавных звуков, как это имело место в некоторых других славянских языковых группах, например, южной; возникновение ряда своеобразных палатальных согласных в результате изменения согласных в сочетании с *j*; развитие мягкости согласных в положении перед гласными переднего ряда.

Таким образом, развитие фонетического строя, «языковой природной материи», оказывается на раннем этапе развития языка идущим относительно более интенсивно, чем развитие грамматического строя.

Сопоставление фонетических изменений с изменениями словарного состава языка и его морфологического строя показывает, что учение И. В. Сталина о разной степени устойчивости различных сторон языка покоится на глубоких основаниях и вполне подтверждается даже самым общим и предварительным анализом развития русского языка в определенных конкретно-исторических условиях.

3

Эпоха существования классового общества на разных его этапах характеризуется неодинаковыми условиями развития отдельных сторон языка. В настоящей статье эти условия рассматриваются на материале различных исторических периодов развития русского языка. Некоторые общие соображения, которые следует предпослать этому рассмотрению, не претендуют на то, что они могут быть безоговорочно распространены на развитие языков вообще, так как эти общие соображения основываются на анализе только русского языкового материала; однако само собой разумеется, что многие из устанавливаемых закономерностей не чужды и другим языкам.

Определяя условия развития языка в период существования классового общества, необходимо иметь в виду своеобразное для каждого отдельного исторического периода, нередко противоречивое, сочетание процессов языковой дифференциации и интеграции, связанных с аналогичными процессами общественного характера. Для периода существования классового общества взаимодействие этих процессов, в отличие от предшествующего периода родо-племенного строя, имеет гораздо более сложный характер.

Под дифференциацией языков в этот период следует, повидимому, понимать не только распадение одного языка на несколько самостоятельных языков (что наблюдается в классовом обществе редко и только при распаде государства), но и то последующее появление и развитие новых языковых отличий, которое наблюдается в выделившихся из языка-основы родственных языковых группах. Так, западная, южная и восточная группы славянских племен, обладавшие в период распада общеславянского языка-основы гораздо большей близостью языкового строя, в ходе дальнейшего самостоятельного существования углубляют свои языковые различия и вырабатывают новые; это свидетельствует не о прекращении процессов дифференциации, а о новых формах этих процессов. Последующее развитие славянских языков представляет дальнейший рост и углубление этих процессов дифференциации, выражающихся в формировании новых языковых различий.

С другой стороны, внутри отдельных выделившихся языковых групп в определенные исторические периоды их существования наблюдается действие ярко выраженных объединительных тенденций — процессов языковой интеграции⁶. Наличие этих процессов, действующих вместе с процессами дифференциации, создает необходимые предпосылки для того, чтобы языковые отличия, развивающиеся в данной языковой группе, становились достоянием всех ее территориальных подразделений, а вся данная языковая группа, взятая в целом, стала бы еще резче отличаться от других самостоятельных языковых групп. При этом можно отметить, что чем крупнее и устойчивее становятся социальные общности, обслуживаемые языком, тем ярче проявляется действие процессов языковой интеграции.

Действие процессов языковой интеграции представлено на разных этапах существования классового общества, но в разные исторические периоды это действие неодинаково и по времени, и по интенсивности своего проявления. В этом отношении, видимо, следует различать период до установления структуры языка как языка национального и период существования этого последнего. Наиболее яркое и последовательное выявление процессов языковой интеграции обнаруживает именно устанавливающаяся структура национальных языков: нормализованная форма языка, получая превалирующее положение, обладает наибольшими возможностями распространения в среде всех представителей нации. Что касается действия процессов интеграции в донациональный период существования русского

⁶ Т. С. Шарадзенидзе (см. ее статью «Процессы дифференциации и интеграции языков в свете учения И. В. Сталина», «Вопросы языкознания», М., 1952, № 1, стр. 65—79) видит интеграцию языков в классовом обществе исключительно в процессах языкового скрещивания, когда «...победившая нация пытается насильственным путем навязать свой язык угнетенной нации, изгнать из употребления, уничтожить местный язык» (стр. 70). Интеграция языков, рассматриваемая в таком плане, не имеет решающего значения для развития языков или групп родственных языков как таковых, ибо «...скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков...» (И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30); следовательно, при скрещивании мы имеем в основном распространение одного языка (победителя) среди носителей другого языка (побежденного), при возможном частном и эпизодическом влиянии элементов последнего на язык победивший. Таким образом, точка зрения Т. С. Шарадзенидзе по существу исключает возможность изучения языковой интеграции в пределах того или иного отдельного языка или группы родственных языков.

Суженно рассматриваются в статье Т. С. Шарадзенидзе и вопросы дифференциации языков, понимаемой ею как процесс «... в результате которого язык распадается на несколько самостоятельных языков и, таким образом, из одного языка возникает несколько языков» (стр. 65). Свообразия дифференциации языков в классовом обществе автор не замечает, считая, что в этот период лишь сужаются возможности данного процесса, широко распространенного в родовом обществе. По мнению Т. С. Шарадзенидзе, дифференциация в классовом обществе имеет место только в случае распада государства (см. стр. 76).

языка, то, как это будет показано дальше, оно могло вызываться рядом своеобразных исторических условий, типичных лишь для того или иного конкретного периода.

В связи со всем сказанным можно сделать вывод, что период существования классового общества, в отличие от доклассового, характеризуется противоречивым сочетанием тенденций интеграции и дифференциации⁷; в конечном счете это приводит к относительной консолидации диалектов, исторически объединившихся внутри национальных языков.

Как уже отмечалось выше, характер развития языка в классовом обществе в известной мере определяется степенью нормализованности того типа языка, который выделяется как «единый и общий» и занимает преобладающее положение. Большое значение для приобретения этим типом языка нормализованного характера имеет появление письменности и, что самое главное, выработка и фиксация норм и правил письменного языка, появляющихся в результате его длительного существования и развития; еще более длительным является процесс формирования всеобщего нормализованного типа языка, т. е. такого, в котором закрепились не только письменные, но и произносительные нормы.

Интенсивность влияния единой и общей формы языка на местные диалекты зависит, однако, не только от степени ее нормализованности: вернее будет сказать, что успехи этой последней определяются историческими условиями существования языка. Укрепление государственности, упрочение экономических и политических связей в пределах государства, общий рост культуры и просвещения создают условия для формирования и укрепления норм языка, а в дальнейшем определяют положение самого этого нормализованного языка, перспективы его развития, степень его влияния на местные диалекты.

В последующем изложении, при рассмотрении различных этапов истории русского языка в связи с историей формирования классового общества и становления русского государства, попытаемся проследить влияние только что сформулированных условий на развитие фонетической системы языка сравнительно с изменениями в морфологической системе.

4

Возникновение государства у восточных славян к IX в. как результат развития классового строя в период обособленного существования восточных славян отражает консолидацию их в самостоятельную народность. Весь период существования древнерусского (восточнославянского) государства, включающий в качестве более раннего этапа государственное образование Среднего Поднепровья, именуемое «Русской землей», легшее потом в основу уже собственно Киевского государства, не был и не мог быть одинаковым в отношении экономических и политических связей между различными группами восточного славянства⁸. В этот период в процессе

⁷ Противоречивое сочетание процессов дифференциации и интеграции языков в эпоху феодальной раздробленности отмечает Р. И. Аванесов: «Эпоха феодализма, таким образом, характеризуется, с одной стороны, объединением, унификацией диалектов старшей формации внутри отдельной феодальной единицы (земли, княжества — «полугосударства») и постепенной выработкой ее единого языка; с другой стороны — все большим их расхождением по отношению друг к другу, развитием новых языковых особенностей, различных на территории разных феодальных земель». (См. статью Р. И. Аванесова «Учение о языке и диалекте в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 303.)

⁸ См. характеристику этих связей, например, в книге А. Н. Насонова «„Русская земля“...», М., Изд-во АН СССР, 1951, гл. I, где излагаются и систематизируются взгляды и других советских историков по этому вопросу.

противоречивого сочетания центростремительных и центробежных тенденций подготавливается последующее (в XII в.) обособление самостоятельных полугосударств.

А. Н. Насонов так характеризует этот период: «Киевское государство, представляющее собою неустойчивое единство, объединяло территорию, разбросанную на широком пространстве восточноевропейской равнины, освоенную не сплошь. Внутри этой громадной территории оставались большие пространства, на которые фактически не распространялась государственная власть; на иные части она могла распространяться номинально или нерегулярно»⁹.

Подобные условия общественно-экономического характера сами по себе не создавали предпосылок для языкового единства: однако это языковое единство, несомненно, существовало у восточных славян IX—XI вв. как факт, обусловленный причинами генетического порядка. Генетически унаследованная общность языка восточнославянских племен, объединившихся в восточнославянскую народность, — факт, подтверждаемый всеми данными сравнительно-исторического изучения¹⁰. Восточнославянские племена, выделившиеся из среды всего славянства, пережили длительный период общего языкового развития, прежде чем феодальная раздробленность стала вызывать к жизни достаточно определенные явления языковой дифференциации.

Тенденции к феодальной раздробленности наметились еще в недрах Киевского государства: «Хотя феодальная раздробленность установилась во второй половине XI и в XII в., рост территории самостоятельных или будущих „самостоятельных полугосударств“ относится не только к этому времени, но и к предшествующей эпохе, к IX—XI вв.»¹¹. В связи с этим можно допустить, что тенденция к возникновению известного количества языковых новообразований в пределах отдельных племен могла иметь место и в этот период. Однако при этом нужно помнить, что в период существования восточнославянской народности действовал целый ряд факторов, которые поддерживали сохранение языкового единства, опиравшегося на общность происхождения.

Так, в пределах восточнославянской народности существовал тип языка, который мог бы занять превалирующее положение, если бы не наступила последующая эпоха феодальной раздробленности. Это был язык восточнославянского юго-запада — то киевское койне, которое в данных конкретных исторических условиях существовало как фактор, поддерживавший языковую близость восточных славян, но не формировавший ее. Большое значение для этого периода имело также бытование в среде восточного славянства произведений устного поэтического творчества и хранившихся в устной традиции преданий, многие из которых возникли еще в предшествующий период более тесного языкового единства¹². Нужно иметь в виду, что роль произведений народного творчества в ту эпоху была совсем иной, чем при последующей феодальной и

⁹ А. Н. Насонов, указ. соч., стр. 25.

¹⁰ Определяющее значение генетического фактора для языковой общности языка народности уже отмечалось исследователями: см. статью Л. П. Якубинского «Образование народностей и их языков» в «Вестнике Ленингр. ун-та», 1947, № 1, стр. 143—144; см. также указ. выше статью Р. И. Аванесова, стр. 299.

¹¹ А. Н. Насонов, указ. соч., стр. 7.

¹² Указания на то, что высокоразвитое устное поэтическое творчество существовало у восточных славян давно, что оно не просто предшествовало появлению письменности, а подготовило тот высокий уровень древнерусской литературы, который мы видим в сохранившихся памятниках, мы находим в настоящее время в ряде работ, посвященных этому вопросу; см., например, сб. «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 139; Д. С. Лихачев, «Повесть временных лет».

диалектной раздробленности, когда эти произведения исполнялись на местных, значительно разошедшихся и обособившихся диалектах: в условиях существования единой по языку восточнославянской народности эти произведения выступали как одно из средств поддержания языкового единства.

В IX—XI вв. у восточных славян существует письменность, появление которой, видимо, относится к гораздо более глубокой древности, чем это считали ранее. Об этом свидетельствуют исследования лингвистов (см. работы акад. С. П. Обнорского), а также археологические находки, сделанные под руководством проф. А. В. Арциховского, доказывающие широкое распространение грамотности на Руси в XI в. и тем самым приводящие к предположению, что письменность на Руси бытовала издревле¹³. Однако само собой разумеется, что по отношению к этому периоду нельзя говорить о сколько-нибудь ощутительном воздействии письменных норм на развитие устной речи, да и сами эти нормы были еще очень неустойчивы и слабы.

Язык восточнославянской народности характеризуется, таким образом, прежде всего генетически унаследованным единством структуры и внутренних законов развития. Однако в его пределах не было той высшей формы языка, которая имела бы ярко выраженное преобладающее положение, а те формы, которые имели тенденцию развиваться в этом направлении, не были нормализованными и потому не ставили преград вновь возникающим новообразованиям. Поэтому можно считать — и это подтверждается фактами языка — что по условиям развития языка данный период во многих отношениях продолжает тенденции предшествующего. Языковая дифференциация, проявляющаяся в развитии своеобразия языка всей восточнославянской группы в целом, продолжается и ведет к еще большему ее обособлению от других славянских языковых групп. Характерной особенностью остается и то, что определяющим типом языковых изменений этого периода являются относительно интенсивные изменения фонетического характера, общие для всей восточнославянской группы. Так, например, такой фонетический процесс определяющего значения, как падение редуцированных, хотя и проходил у восточных славян не одновременно (раньше на юге, позднее на севере), тем не менее был единым по результатам. Появление гласных *о* и *е* на месте сильных редуцированных, первоначальное появление *ы* и *и* на месте *ь* и *й* редуцированных (*мыју, лију* и т. п.), судьба характерных восточнославянских сочетаний *ѣр, ѣл, ѣр* (возникновение на их основе новых сочетаний *ор, ол, ер*, например: *торг, полный, первый*) — вот целый ряд общих важнейших фонетических изменений, появившихся в результате падения редуцированных гласных во всем восточнославянском мире.

Общей была также и первоначальная тенденция к лабиализации *е* перед твердыми согласными, хотя полное развитие этого процесса протекало, видимо, значительно позднее. Наличие общих фонетических изменений не исключало, конечно, и процессов местного значения, т. е. развития новых диалектных различий; однако определяющим для периода существования древнерусского государства остается все же единство фонетических новообразований.

Сопоставление изменений в области фонетического строя с изменениями

(Историко-литературный очерк), ч. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 29—30; его же, Возникновение русской литературы, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 25—26.

¹³ Об изучении истории возникновения русской письменности см. В. В. Виноградов, Предисловие к «Истории древнерусского языка» Л. П. Якубинского, М., Учпедгиз, 1952, а также вышеупомянутую книгу Д. С. Лихачева «Возникновение русской литературы», стр. 14—25.

в области грамматики (морфологии) показывает, что некоторые морфологические процессы, наметившиеся еще в предшествующую эпоху, получают свое завершение лишь на протяжении всего периода обособленного существования восточнославянской языковой группы; это говорит о медленности развития морфологического строя и о гораздо большей его устойчивости по сравнению с звуковым строем языка. Так, например, наметившаяся еще в глубочайшей древности синтаксическая дифференциация функций именных и местоименных прилагательных лишь на протяжении всего периода общей жизни восточнославянской языковой группы приводит к утрате склонения отдельными группами именных прилагательных, прилагательными в форме сравнительной степени и именными причастиями. Точно так же лишь на протяжении всего этого периода получает свое завершение процесс утраты форм двойственного числа.

Формы перфекта, а также формы условного наклонения в процессе синтаксического употребления утрачивают выражение категории лица, в связи с чем происходит изменение самих этих форм (утрата вспомогательного глагола в формах перфекта, утрата личных форм вспомогательного глагола в условном наклонении). Другие морфологические процессы, начавшиеся в глубочайшей древности, продолжают развиваться, постепенно накапливая элементы нового качества. Таков был процесс перегруппировки типов склонения на основе принадлежности имен существительных к одному грамматическому роду и параллельно развивавшиеся процессы взаимовлияния твердого и мягкого вариантов склонения, оформление более или менее единого типа склонения во множественном числе и др.

5

Период феодальной раздробленности в истории восточных славян характеризуется, как это показано в работах советских историков, сочетанием противоречивых тенденций: сложившаяся к XII в. относительная самостоятельность отдельных полугосударств не исключала в то же время известного их единства. Оформление этой, хотя бы и относительной, самостоятельности феодальных «земель» или «княжеств» означало также, что территориальный признак языкового деления получает решающее значение и окончательно приходит на смену племенному признаку предшествующего периода. Для понимания состояния языка в этот период важно также иметь в виду, что такие факторы, как децентрализация государственной власти и создание ряда областных государственных центров приближали эту власть к местному населению и способствовали освоению местных территорий. А. Н. Насонов, подчеркивая это положение, пишет: «Весьма интенсивно процесс образования государственной территории протекал во второй половине XI и в начале XII в. Такой вывод не должен казаться парадоксальным. Наоборот, он стоит в полном согласии с теми данными и соображениями о развитии феодальных отношений, которые высказывались в литературе. Эта эпоха характеризуется заметными успехами в освоении феодалами общинных земель, усилением различных видов феодальной эксплуатации, повышенным интересом к вирам и продажам... Нет ничего удивительного в том, что именно этот период, когда феодальный уклад получает широкое распространение, оказывается и периодом интенсивного расширения государственной территории или, точнее, освоения территории государственной властью»¹⁴.

Важно также отметить, что тяготение к одному центру (Киеву), преобладавшее в предшествующий период, сменяется более сложной системой

¹⁴ А. Н. Н а с о н о в, указ. соч., стр. 25—26.

взаимоотношений «самостоятельных полугосударств». Связи между ними нередко определяются общим тяготением нескольких таких «полугосударств» к одному более мощному центру. С этим могла сочетаться известная зависимость менее мощных «полугосударств» друг от друга; определенную роль играли также связи, устанавливавшиеся в результате территориальной близости, соседства. Во второй половине этого периода, к концу XIV в., в сложной системе связей мало-помалу выявляется ведущая линия образования русской, украинской и белорусской народностей.

В первой половине этого периода (XII—XIV вв.), когда происходит распадение одних и возникновение других удельных княжеств и процессы дифференциации еще преобладают, открываются широкие возможности возникновения языковых новообразований. Эти новообразования (не говорим сейчас о словарном составе) сравнительно более интенсивно протекают в области фонетического строя; в отличие от предшествующего периода, распространение их теперь более локализовано в территориальном отношении. Многие новообразования, возникнув в пределах той или иной языковой области во время ее обособленного существования, продолжают существовать лишь в пределах данной области. В связи с этим углубляется диалектная раздробленность; именно в этот период окончательно оформляются основные диалектные группы русского языка. Однако ряд новообразований, возникших в пределах одного из «самостоятельных государств», может затем распространяться на территориях, по тем или иным причинам связанных друг с другом.

Такое распространение новообразований могло бы быть значительным в связи с процессом объединения ранее самостоятельных княжеств вокруг Москвы, поскольку «уже во второй половине XIV в. Северо-Восточная Русь была охвачена в разных направлениях торговыми сношениями, разрушавшими прежнюю местную замкнутость»¹⁵. Однако здесь следует учитывать, что расширение территории Московского княжества, начавшееся еще в середине XIV в., шло первоначально в пределах областей Ростово-Суздальской Руси, а в дальнейшем также преимущественно в пределах северных и северо-западных областей (Новгорода, Пскова), т. е. происходило объединение более или менее однородных в диалектном отношении областей, в прошлые исторические периоды тесно и непосредственно связанных друг с другом, в связи с чем роль происходившего объединения территорий для распространения языковых новообразований была невелика.

Таким образом, общность языка русской народности, как и общность языка древнерусского (IX—XI вв.), определяется преимущественно моментами генетического порядка: в языке русской народности объединялись группы, близость которых друг к другу объясняется результатами предшествующего языкового развития. В то же время следует подчеркнуть, что тот тип языка, который имел относительно господствующее положение в языке русской народности, был распространен в живом употреблении на территориях, преобладавших и в количественном отношении, поскольку рост Московского государства прежде всего происходил на основе объединения исконных областей Ростово-Суздальской Руси, наиболее единых в языковом отношении. Этот тип языка используется в деловой письменности, при управлении, а также, возможно, в ряде случаев и при междиалектном общении. Однако влияние языка этих областей, осуществлявшееся главным образом через сферу административно-делового общения (в других видах письменности царят еще традиции письменного языка восточнославянской народности), не могло

¹⁵ История СССР, т. I, М., Соцэкгиз, 1939, стр. 236.

быть решающим для развития территориальных диалектов, объединявшихся языком русской народности.

В основном это объясняется причинами социально-экономического характера: носители диалектов, т. е. население деревень, прикрепленное к земле, в это время еще не втянуто в регулярные экономические связи с городами, особенно с городами центральной территории государственного управления; еще нет и отлива крестьянского населения в города. В конкретно-исторических условиях существования русской народности «единый и общий» тип языка не мог достаточно окрепнуть также и потому, что уже в XVI в. начинается превращение русского государства в многонациональное централизованное государство, и это сопровождается новыми изменениями в соотношении различных областей по их экономической и политической значимости.

Такова была та конкретно-историческая обстановка, в которой начался процесс изменения самой основы языка, имевшего тенденцию стать единым и общим в пределах русской народности. Большую роль в этом изменении сыграл рост политического и экономического значения областей на юг от Москвы, где в XVI—XVII вв. происходило интенсивное укрепление государственных границ (в середине XVI в. устраивается тульская засечная черта, строятся в XVI—XVII вв. и другие оборонительные линии). Этим обстоятельством, а также происходящими в это время крестьянскими войнами могли быть вызваны перемещения больших масс населения.

Указанные исторические условия создали предпосылки для изменения диалектной базы языка русской народности: он начинает перестраиваться на основе в недавнем прошлом диалектной (южной, курско-орловской) периферии, выработавшей свои языковые отличия в предшествующий период феодальной раздробленности¹⁶.

Имея в виду медленное развитие грамматического строя и основного словарного фонда, мы не можем предположить, что за период феодальной раздробленности между южнорусскими и севернорусскими говорами появились значительные различия лексического или грамматического характера. Это подтверждают и данные современных русских диалектов: в отношении грамматического строя и основного словарного фонда черт различия в них меньше, чем черт сходства. Поэтому взаимодействие в языке русской народности новых — южнорусских и старых — севернорусских языковых начал, шедшее при основной, решающей роли южнорусского элемента, могло касаться и касалось больше всего фонетической стороны языка и его словарного состава.

6

Предпосылки формирования национального языка возникают еще в языке народности; непосредственная связь и преемственность между этими двумя этапами существования русского языка несомненна. Следует,

¹⁶ Население этих областей в эпоху перестройки языка народности представляло собой в языковом отношении достаточно оформившийся в течение предшествующего периода диалектный массив. К этому выводу приходит в результате анализа современных орловских говоров С. И. Котков в своей докторской диссертации: «Курско-орловские говоры сложились не в XVI—XVII веках на базе разнодиалектных волн колонизации, как утверждалось прежде, а гораздо ранее, ибо Курско-Орловский край в XIV—XV веках имел, как было указано, постоянное русское население. XVII век застал на курско-орловской территории не диалектный хаос, а единый диалект, способный, повторяем, играть главную, ведущую роль в процессе становления русского национального языка не просто как диалектная группа, а как наиболее активная, наиболее влиятельная в то время составная часть общенародного языка». (С. И. Котков, *Говоры Орловской области (фонетика и морфология)*, Автореферат докт. дисс., Орел, «Орловская правда», 1952, стр. 26).

однако, подчеркнуть, что по мере того, как тот или иной народ формируется в нацию, характер языкового развития начинает существенно изменяться. Уже в начальный период существования нации идет уничтожение феодальной раздробленности как в экономическом, так и в политическом отношении; в дальнейшем, по мере сплочения государства, постепенно начинают процессы ликвидации того диалектного многообразия, которое возникло в свое время в результате необыкновенно широкого объединения разноречивых территорий. Эти процессы определяются тем, что «единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»¹⁷.

Единство русского языка, временно поколебленное в процессе развития диалектного многообразия, начинает восстанавливаться в национальный период существования языка на новой основе. В этом процессе восстановления языковой общности решающую роль играет та высшая форма единого для всей нации языка, о которой пишет И. В. Сталин: «Следовательно, Маркс признавал необходимость единого национального языка, как высшей формы, которой подчинены диалекты, как низшие формы»¹⁸.

В России в эпоху становления нации эта высшая форма языка, получающая затем превалирующее положение, складывается на центральных территориях государства, в условиях возросшего значения диалектов южнорусских, курско-орловских областей. Шлифовка и оформление этого языка происходит в процессе создания на нем художественной литературы русского народа, актов государственного управления и другой письменности делового характера. Развитие этого языка и степень его влияния на местные разновидности языка в большой степени определяются сплоченностью государства, укреплением экономических связей между различными территориями страны, а также тем, как вовлекается деревня в капиталистические отношения.

Распространение этого единого и общего языка в письменном виде связывается с ростом культуры и просвещения. «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка»¹⁹, — указывает И. В. Сталин.

Отмеченные И. В. Сталиным моменты влияли на характер развития строя языка и в предшествующие этапы его развития. Но наиболее ощутительной становится их роль в условиях национального языка, особенно если становление его высшей формы происходит в условиях укрепления централизованного государства.

Большое значение в развитии национального языка имеет фиксация его норм. Она распространяется прежде всего на морфологию и лексику письменного языка; относительная стабилизация норм вызывает к жизни появление грамматик и словарей, дающих необходимую базу для дальнейшей нормализации языка. Нормы звуковой стороны языка обычно фиксируются поздно; поэтому правила произношения долгое время существуют только в устной традиции. В связи с этим вопрос о распространении звуковой нормы общего национального языка занимает особое место.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 368.

¹⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 15.

¹⁹ Там же, стр. 26—27.

В истории развития русской нации, когда подавляющую часть населения составляло крестьянство, медленно вовлекавшееся в капиталистические отношения и говорившее на местных диалектах, распространение звуковых норм зависело от усиления связей деревни и города, общего роста городов и численности городского населения. В этом отношении показательны неоднократно отмечавшиеся и в дореволюционной диалектологической литературе факты изменения звукового строя диалектов, расположенных вокруг больших городов, в сторону сближения с нормализованным языком.

Постепенное, хотя в условиях русского капитализма и совершенно недостаточное, распространение просвещения также становится одним из факторов, способствующих распространению звуковых норм. Следует также иметь в виду, что в пределах национального языка при прочих равных условиях носители различных диалектов оказываются в неодинаковом положении в смысле возможностей перехода к общему национальному языку и его нормам. Определяющую роль в этом переходе играет языковая система самого диалекта. Наиболее интенсивно и легко этот переход совершается в среде диалектов, легших в основу общего национального языка и, следовательно, наиболее близких к нему по строю. Пути и формы перехода к нормализованному языку лиц, говорящих на более далеких от этого языка диалектах, определяются спецификой последних. В длительном процессе перехода в отдельных звеньях языковой системы диалектов устанавливается сосуществование диалектных отличительных черт и черт общенациональных. Это сосуществование может проявляться прежде всего в лексике — в разных названиях одних и тех же предметов, процессов, причем разные названия нередко используются одними и теми же лицами в зависимости от условий языкового общения. Наблюдаются у одних и тех же лиц и колебания в употреблении различных звуков: непоследовательность в употреблении аффрикат (то цоканье, то различение), спорадические случаи особого диалектного произношения *ъ*, *ѳ* и т. д., а также колебания в употреблении отдельных грамматических форм. С какой бы степенью интенсивности ни распространялись в пределах данного национального языка лексические, грамматические, фонетические общенациональные нормы, это распространение, успешность которого определяется ростом и укреплением государства, развитием нации как таковой, уже создает преграду для возникновения диалектных языковых новообразований. Значение процессов интеграции в пределах национального языка неуклонно возрастает.

В условиях развития капитализма в России, протекавшего внутри феодальной системы хозяйства, распространение «единого и общего» языка нации по ряду причин, как уже говорилось выше, происходило медленно. Поэтому большие группы диалектов и в этот период жили своей языковой жизнью, и в них возникали даже языковые новообразования, хотя и не с той степенью интенсивности, с какой они возникали в прошлом, в период преобладания дифференциации языковых групп. И все же общий характер языкового развития можно считать существенно изменившимся. Вновь возникающие диалектные новообразования захватывают уже весьма ограниченное количество сторон языковой системы диалекта, и эти новообразования не проникают в общий национальный язык. Именно такова судьба таких поздних диалектных черт, как утрата смыка в аффрикатах (*и'áшка* = чашка, *кѳр'уса* = курица) или появление дифтонгов типа *е^u*, *о^u* (*ат'е^uц* = отец, *го^uт* = год) и т. п.

По мере развития национального языка эти новообразования все слабее и слабее проникают и из одной группы диалектов в другую. Однако в дореволюционную эпоху, когда ряд диалектов находится вне непосред-

ственного влияния нормализованного языка, еще можно наблюдать проникновение из одного диалекта в другой таких черт, которые объективно совпадают с чертами общего национального языка (например, продвижение аканья, взрывного, различение аффрикат и др.). Тот факт, что в отдельных диалектах в условиях капитализма может идти развитие местных новообразований, не исключает неизбежного и интенсивного влияния на диалекты нормализованного языка нации. Это влияние сказывается прежде всего в усвоении слов литературного языка, относящихся к различным сферам деятельности. Судьба этих слов со стороны их фонетического освоения различна; они то подчиняются фонетическим закономерностям говора, то усваиваются в той форме, в которой они пришли из литературного языка; в последнем случае порою создаются условия, колеблющиеся ту или иную исконно-диалектную фонетическую «норму». Медленнее, но все же непрерывно проникают в диалекты грамматические нормы общенационального языка и устраняются диалектные отличия в этом отношении, тем более, что грамматический строй русского языка является замечательно единым.

Таким образом, «перемалывание диалектов в едином языке» начинается еще на первых этапах развития капитализма, даже при слабом распространении просвещения, при резком различии деревни и города. В начале этого процесса, когда крестьянство еще пользуется преимущественно местными разновидностями национального языка, для нормализованного типа языка нации характерно тем не менее уже то преобладающее положение, которое определяет и направление развития территориальных диалектов.

7

В дальнейшем развитии языков, в условиях социализма, при ликвидации классов, в отношении нивелировки диалектов продолжают действовать тенденции предшествующего периода; однако языковые изменения протекают на этом новом этапе в новых формах и иными темпами. Основным процессом в развитии диалектов в эпоху построения социализма является их сближение с нормализованным языком нации. В языке социалистических наций этот процесс идет быстрее, что объясняется устранением противоречий между деревней и городом на основе укрепления экономической системы социалистического типа, развертыванием культурной революции, увеличением числа тех каналов, по которым идет влияние на диалекты общего языка нации.

Характерным для этого периода является впервые в истории русского народа наблюдающееся необыкновенно широкое распространение звуковых норм общего языка. Теперь их проводниками являются такие мощные источники, как школы, в которых осуществляется всеобщее обязательное обучение, широко демократические органы государственного управления, радио, звуковое кино, театр. Поэтому в настоящее время утрачивает свое былое значение факт непосредственной территориальной близости тех или иных сельских местностей к большим городским центрам, да и количество таких центров растет с каждым днем. Исследования диалектов, проводимые в советский период, постоянно обнаруживают в любых, самых периферийных говорах большое количество явлений, знаменующих неуклонное их сближение с «единым и общим» языком нации.

Поскольку для этого языка характерна определенная устойчивость норм, постольку и развитие диалектов, независимо от различных форм этого развития, становится по своему направлению и содержанию единым; возможности возникновения сколько-нибудь существенных диалектных новообразований устраняются. Процессы интеграции, которые ведут в ко-

нечном счете к установлению полного единства русского национального языка, впервые в истории языка получают решающее, уже безусловное значение. Таким образом, в эпоху социализма национальный язык получает возможность полного своего расцвета и оформления, достижения полного единства.

В новом свете впервые в истории выступают в эту эпоху также и возможности межнационального языкового общения, которое наиболее ярко проявляется в среде народов Советского Союза, а также дружественных стран народно-демократического строя. Свое первоначальное проявление это межнациональное общение получает в формировании международного словаря борьбы за социализм, за коммунизм, за создание нового строя, — при самой широкой популярности в процессе этого международно-го общения русского языка — языка страны, где социализм победил впервые.

Национальные языки эпохи социализма, достигающие своего расцвета и развивающиеся в сторону полного внутреннего единства, изменяются медленно и постепенно; перед ними впереди еще долгий путь развития и совершенствования. В работе «Национальный вопрос и ленинизм» И. В. Сталин так пишет об этом: «Было бы ошибочно думать, что первый этап периода всемирной диктатуры пролетариата будет началом отмирания наций и национальных языков, началом складывания единого общего языка. Наоборот, первый этап, в течение которого будет окончательно ликвидирован национальный гнет, — будет этапом роста и расцвета ранее угнетенных наций и национальных языков, этапом утверждения равноправия наций, этапом ликвидации взаимного национального недоверия, этапом налаживания и укрепления интернациональных связей между нациями»²⁰.

Происходящие в новые эпохи существования общества процессы интеграции приводят к все большему и большему распространению единого, нормализованного языка нации, влияние которого приводит к тому, что снижается интенсивность изменений в звуковой стороне языка. Изменения в составе материальных единиц языка и в закономерностях их употребления замедляются не только в местных разновидностях языка, диалектах. Едва ли есть основание полагать, что фонетические процессы, подобные падению редуцированных, возникновению аканья, переходу $e > o$, могут иметь место в настоящее время и в нормализованном типе национального языка.

Законы и правила фонетики современного языка представляют собой своеобразное наследие всего предшествующего развития языка, результат имевших место в прошлом процессов. Сказанное не означает, что закономерности развития этой стороны языка отменены: развитие продолжается, но характер его изменяется в связи с укреплением позиций нормализованного языка как единого и единственного средства общения, как средства сплочения людей в крупные устойчивые социальные общности. Нормы «единого и общего» языка наиболее решительно противостоят распространению фонетических новообразований с самого момента их возникновения. Те колебания, которые мы имеем в пределах норм общего национального языка, объясняются или еще не завершившимися процессами взаимодействия с диалектной средой (ср., например, колебание в произношении *жс'* и *ш'* в литературном языке, наличие или отсутствие ассимилятивного смягчения в группах согласных), или своеобразным влиянием письменного облика слова на его произношение (ср. отчетливое произношение *ы* в формах типа *новый*, *здоровый*).

²⁰ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 348.

К процессам этого рода, знаменующим собою установление правил и закономерностей употребления языка, вполне приложимо высказывание И. В. Сталина о том, как по мере развития науки люди подчиняют себе самые различные процессы, ранее стихийно развивавшиеся в природе и обществе: «Следовательно, когда говорят о „покорении“ сил природы или экономических сил, о „господстве“ над ними и т. д., то этим вовсе не хотят сказать, что люди могут „уничтожить“ законы науки или „сформировать“ их. Наоборот, этим хотят сказать лишь то, что люди могут открыть законы, познать их, овладеть ими, научиться применять их с полным знанием дела, использовать их в интересах общества и таким образом покорить их, добиться господства над ними»²¹.

Процессы торможения при возникновении новообразований в области фонетики, равно как и укрепление норм языка вообще, содействуют совершенствованию языка в целом. Безграничными являются возможности пополнения и развития словаря; но они осуществляются уже не в местных диалектах, а во всем национальном языке в целом, отражая развитие мышления, непрерывное продвижение в познании действительности. Богатство словаря, его рост являлись и продолжают являться важным признаком совершенствования языка. Пользование средствами языка согласно определенным нормам, правилам создает впервые в истории почву для полного, безусловного и беспрепятственного осуществления прогресса в языке, представляющей собой уже процесс, сознательно осуществляемый людьми. Стабилизировавшийся в отношении своих норм язык в новые эпохи широко используется, применяется в самых разнообразных жанрах и стилях письменной и устной речи. Создание все новых и новых лучших устных и письменных образцов языка открывает беспредельные возможности его шлифовки, его наиболее выразительного, яркого и образного применения, а также создает почву для формирования морфологических категорий, наиболее соответствующих требованиям все развивающегося мышления. В процессе этого применения выкристаллизовываются новые образцы, варианты норм, почему и встает так остро вопрос о создании стилистики национального языка, как языковедческой дисциплины нового времени, задача которой — выявить факты наиболее удачного применения языка, обобщить их, открыть закономерности этого применения, сделать их достоянием всех пользующихся данным национальным языком.

В передовой статье первого номера журнала «Вопросы языкознания» сказано: «Необходимо тщательное и всестороннее изучение языковой синонимии... Проблема синонимии — лексико-фразеологической и грамматической — смыкается с изучением стилистики общенационального языка, с изучением различных его стилистических пластов, находящихся в постоянном взаимодействии и развитии, с определением места синонимических способов выражения в общей сокровищнице выразительных средств языка»²².

Таким образом, перед нами выступает качественное своеобразие процессов развития языка, обусловленное тем, на каком этапе своей истории находятся носители данного языка.

²¹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 9.

²² Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина... [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 26—27.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

А. М. ТЕРПИГОРЕВ

ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ*

В своем классическом труде по вопросам языкознания И. В. Сталин указывает, что «язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения»¹ в связи с ростом «...промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки...»². В настоящее время техника в нашей стране получила небывалое развитие. В связи с этим происходит непрерывное развитие технической терминологии.

Анализ технической терминологии в различных областях знания показывает, что техническая терминология имеет ряд недостатков, затрудняющих правильное мышление и общение людей в области техники. Неудовлетворительное состояние терминологии нередко приводит и к практическим ошибкам. Такое положение в технической терминологии настоятельно требует ее упорядочения.

Вопросы упорядочения технической терминологии привлекают большое внимание ученых, а также исследовательских учреждений и учебных заведений. Однако работы в этой области не могут дать желательного результата, если они не основаны на определенных научных принципах. Поэтому важнейшей задачей является анализ недостатков существующей терминологии, установление причин их возникновения и — на основе этого — разработка правильных принципов построения терминологии. Знание научных требований, предъявляемых к терминологии, поможет широким кругам ученых и специалистов упорядочить терминологию в различных областях техники и правильно строить термины для обозначения новых понятий.

Научно-теоретическими вопросами в этом направлении занимается Комитет технической терминологии АН СССР. Эти вопросы в основном сводятся к следующим: анализ недостатков существующей терминологии

* Редакция журнала «Вопросы языкознания» обратилась к председателю комитета технической терминологии АН СССР акад. А. М. Терпигореву с просьбой информировать читателей журнала о тех принципах, которые комитет кладет в основу своей работы. Вопросы упорядочения специальной терминологии интересуют широкие круги специалистов и требуют углубленного научного исследования. Работа по нормализации терминологии ведется в ряде языковедческих институтов нашей страны и в специальных комиссиях, однако результаты этой работы не обобщаются. Исследование научных основ упорядочения технической терминологии — важная задача советских языковедов. Редакция журнала просит всех, занимающихся вопросами специальной терминологии, откликнуться на статью акад. А. М. Терпигорева и высказать свои соображения по поводу затронутых в ней принципиальных вопросов.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 11.

² Там же.

и разработка требований, предъявляемых к системам научных терминов; методы упорядочения терминологии; вопросы, связанные с построением классификаций и определений; способы построения новых терминов. Опираясь на разработанные принципы, комитет проводит упорядочение терминологии в основных технических дисциплинах.

Технический термин — это слово или словосочетание, обозначающее техническое понятие. В своей работе комитет считает необходимым исходить из того положения, что терминология каждой дисциплины должна представлять собой систему терминов, соответствующую системе понятий этой дисциплины. Это условие является необходимым для того, чтобы термины наилучшим образом выполняли свою роль в общении людей в той или иной области техники. В этом смысле можно говорить о систематичности термина, как о его органическом вхождении в систему терминов, соответствующую системе понятий.

Чтобы совокупность терминов какой-либо дисциплины представляла собой систему, необходимо, чтобы термины удовлетворяли следующим требованиям: 1) каждый термин в пределах данной дисциплины должен быть однозначен, т. е. служить для наименования одного понятия; 2) термин должен выражать сущность понятия и, во всяком случае, ей не противоречить. Соблюдение этих двух условий определяет точность термина, входящего в качестве элемента в целую систему терминологии определенной дисциплины. Для экономичности всей системы необходимо, чтобы для выражения каждого понятия, как правило, применялся один термин. Кроме того, термин должен быть краток, так как громоздкие термины неудобны для употребления. На практике термины часто не отвечают этим требованиям. В таких случаях можно говорить о недостатках как отдельных терминов, так и терминологий различных областей техники в целом.

*

Распространенными недостатками терминологии являются многозначность и дублетность терминов. Многозначным термином является, например, термин *нагревание*, который обозначает как «процесс повышения температуры системы», так и «процесс сообщения теплоты системе» (могуций, в частности, и не сопровождаться повышением температуры). Многозначность терминов может привести к неправильному пониманию, к практическим ошибкам. В качестве примеров терминов-дублетов можно привести следующие: *регулятор громкости*, *регулятор силы звука*, *регулятор силы приема*, *волюмконтроль* и *регулятор усиления*, применяемые в радиотехнике для наименования одного и того же понятия.

Наличие дублетов усложняет изучение технической литературы и затрудняет взаимопонимание между специалистами. В то время как многозначность и синонимия слов в общей системе языка способствуют его гибкости и богатству и представляют собой закономерное явление, многозначность и дублетность терминов являются существенными пороками терминологии.

Один из недостатков терминологии — засорение ее необоснованно и некритически введенными терминами иноязычного происхождения (например, такими терминами, как *суперфиниш*, *хонинг-процесс*, *байпас*, *зумпф*, *квершлаг*, *сильфон*). Наконец, трудность построения точного и краткого термина часто приводит к появлению громоздких, неудобных терминов, например: *однокамерный бескомпрессорный двигатель с самовоспламенением* (ГОСТ 2674-44), *теплофикационная паровая машина с промежуточным отбором пара*, *объемная теоретическая диаграмма паровой машины многократного расширения* (ГОСТ 2886-45). Введение неправильных терминов часто объясняется не только трудностями создания точных и кратких

терминов, но и бессистемным их построением, не опирающимся на правильный подбор элементов термина.

Целью упорядочения терминологии является устранение перечисленных недостатков, которое должно привести к созданию стройной системы терминов, соответствующей системе понятий этой дисциплины или отрасли. Поэтому для устранения недостатков терминологии какой-либо дисциплины или области техники ее термины следует рассматривать в системе, соответствующей всей системе понятий данной дисциплины. Без этого невозможно никакое упорядочение, так как непоследовательная замена отдельных неудачных терминов может только запутать существующую терминологию, привести к образованию многозначных или дублетных терминов.

В большинстве технических дисциплин понятия еще не приведены в систему. В литературе по этим дисциплинам часто не дается классификаций, для некоторых понятий приводятся неверные или устарелые определения, другие совсем не определяются, а иногда вместо определений даются приблизительные объяснения. Часто определение составлено так, что в нем используются термины понятий, которые сами определяются через данное понятие, или термины понятий, нуждающихся в определении. Такое положение сильно осложняет работу по упорядочению терминологии, так как предполагает в качестве необходимого этапа приведение в систему самих понятий термилируемой дисциплины, т. е. выделение ее разделов, отбор понятий, установление связей между ними, построение классификаций и определений.

Каждая наука имеет свои понятия, без понятий нет и науки. Как предметы и явления в природе связаны между собой, так и понятия, являющиеся их отражениями, также взаимно связаны. Поэтому, отобрав понятия данной дисциплины, надо прежде всего вскрыть связи, существующие между этими понятиями. Одной из самых распространенных связей является классификационная связь, требующая построения классификаций. Каждая классификация опирается на изучение классифицируемых объектов, но в ее основание должны быть положены такие признаки, которые дают возможность учитывать не только существующие объекты, но и те, которые могут появиться. Выбор таких признаков дает возможность построить прогрессивные классификации. После того как установлены связи между понятиями, строятся определения. Правильные определения понятий имеют большое значение для каждой науки; неправильные, неточные определения вызывают при изучении той или иной дисциплины неоправданные затраты времени.

После построения классификаций и определений начинается работа над терминами. Она заключается в оценке существующих терминов с точки зрения их точности, систематичности и краткости, в выборе наиболее удачных из них и построении новых. Для каждого понятия выбирают, как правило, один термин, наиболее удовлетворяющий тем требованиям, которые предъявляются к терминологии. При оценке терминов учитывают степень их внедрения. Необходимость в построении нового термина возникает тогда, когда нужно уничтожить многозначность термина или заменить неудовлетворительный, устарелый термин, а также тогда, когда для какого-либо понятия данной системы вообще нет соответствующего термина. Анализ существующих технических терминов показывает, что в основном термины образуются следующими способами (или их комбинацией): 1) путем построения словосочетаний, производных, сложных или усеченных слов на базе словарного состава языка, 2) путем изменения значений существующих слов и 3) введением иноязычных заимствований.

В каждом термине, построенном по одному из первых двух способов,

могут различаться его б у к в а л ь н о е з н а ч е н и е и з н а ч е н и е т е р м и н о л о г и ч е с к о е. Буквальное значение термина опирается на значение его отдельных элементов — слов или морфем; терминологическое значение определяется содержанием того понятия, наименованием которого служит данное слово. При оценке термина учитывается соотношение между его буквальным значением и терминологическим. Буквальное значение термина может соответствовать, не соответствовать или противоречить его терминологическому значению. Например, термин *жидкостная коррозия* в терминологии коррозии металлов применяется для понятия, определяемого как «коррозия металлов в жидкой среде». Буквальное значение этого термина соответствует его терминологическому значению. Для наименования одного из механических свойств материалов применяются два термина — *текучесть* и *течение*. Буквальное значение первого термина более соответствует терминологическому значению, чем буквальное значение второго термина. Особенно явное противоречие между буквальным и терминологическим значением наблюдается тогда, когда в термин словосочетание входит слово, являющееся в свою очередь самостоятельным термином данной дисциплины, но в качестве самостоятельного термина применяющееся в другом значении. Так, например, в металловедении применяется термин *ковкий чугун* для наименования чугуна, который ковать нельзя. Такие термины неправильно ориентируют, искажают подлинные связи, существующие между понятиями, и должны быть признаны явно неудовлетворительными.

Одним из самых распространенных способов построения терминов является построение устойчивых терминологических словосочетаний. Элементами таких словосочетаний могут быть слова, в свою очередь используемые как термины. Здесь выделяется несколько типов.

К п е р в о м у типу относятся терминологические словосочетания, в которых оба элемента носят терминологический характер, например: *карбюраторный двигатель*, *электрический автомобиль*, *кислородная коррозия*, *водородная коррозия*.

К в т о р о м у типу относятся словосочетания, в которых определяемый элемент является термином, а определяющий — словом, лишенным ограниченного технического содержания, например: *высокое давление*, *сухой пар*, *глубокое охлаждение*.

К т р е т ь е м у типу относятся словосочетания, в которых определяющий элемент является термином, а определяемый — словом общего языка или термином, омонимически совпадающим с таким словом, например: *голова автосцепки*, *шейка оси*, *башмак ползуна*.

В терминологических словосочетаниях ч е т в е р т о г о типа ни один из элементов не является термином, например: *ласточкин хвост*, *мальтийский крест*, *мальтийская звезда*.

В словосочетаниях первых трех типов отражаются признаки понятий и связи между понятиями; при правильном выборе и сочетании элементов эти термины обладают свойством систематичности. Термины четвертого типа не отражают системы понятий определенной дисциплины: в них отражаются только некоторые внешние признаки предметов; подобные термины большого распространения не имеют.

Существуют еще терминологические словосочетания, в которых один из элементов, являясь термином, употреблен в противоречии со своим самостоятельным значением. Например, в терминологии обработки воды наряду с правильными терминами *скорый фильтр*, *медленный фильтр*, *напорный фильтр* (названия разных видов фильтра) применяются термины *анионитовый фильтр*, *катионитовый фильтр*, *ионитовый фильтр* как названия аппаратов для обессоливания воды, не являющихся фильтрами.

Такие терминологические словосочетания обычно относятся к числу явно неудовлетворительных.

Широкое распространение в технической терминологии имеют производные слова, построенные по существующим правилам словообразования, например: *затяжка, обессмоливание, сварка, промыватель, очиститель, осушитель, резак, испаритель*. Такие термины дают наилучшее сочетание желательных свойств — точности, систематичности и краткости. Систематичность терминов-производных слов достигается, с одной стороны, правильным выбором корневых морфем в соответствии со значением называемого понятия и, с другой стороны, применением одинаковых суффиксов для понятий одного порядка.

Построение терминов-словосочетаний и производных слов широко применяется при создании новой терминологии и упорядочении уже имеющейся. Чтобы построить точные и систематичные термины, прежде всего выбирают на основании классификации и определений те общие признаки, которые нужно отразить в термине. После этого подбирают языковые элементы, способные назвать эти признаки в форме термина. Для систематичности терминологии важно, чтобы термины-словосочетания, обозначающие понятия одного порядка, имели однотипную конструкцию, а термины-производные слова — одинаковые суффиксы. Например, при упорядочении терминологии механических свойств и испытаний материалов для всех основных свойств были даны термины с суффиксом *-ость* (*-есть*): *прочность, хрупкость, вязкость, хладноломкость, синеломкость, краснеломкость, твердость, ползучесть, текучесть*. Термины же с другими суффиксами (или бессуффиксные) были отнесены к нерекомендуемым (*синелом* — нерекомендуемый к *синеломкость*, *течение* — нерекомендуемый к *текучесть* и т. д.).

Однако рассмотренные способы (создание терминологических словосочетаний и производных слов) недостаточны для удовлетворения растущих потребностей техники в наименованиях для множества новых понятий, так как возможности образования производных слов строго ограничены законами словообразования, а терминологические словосочетания часто не удовлетворяют требованию краткости. Поэтому важную роль при образовании терминов играет второй способ, по которому построено много технических терминов, — способ изменения значений слов. В этом случае слово общего языка получает техническую определенность; происходит уточнение значения слова или его изменение. Например, слова *плотность, сухость, влажность, расширение, сжатие, переохлаждение, испарение, кипение, жидкость, расход, источник, сток, струя*, получив в определенных терминологических системах точное техническое значение, стали терминами соответственных дисциплин.

Материалом здесь служат не только слова общего языка, но и слова, уже применяемые в качестве терминов в какой-либо технической дисциплине. В этом случае происходит перенос термина с одного понятия на другое с изменением значения термина. Этот перенос может происходить по классификационной соподчиненности понятий, по аналогии понятий, по их смежности. Например, термин *передатчик*, введенный сначала в радиотехнику, затем был перенесен по аналогии понятий в электрическую передачу изображений и в телемеханику. Способ образования терминов путем изменения значений может быть широко использован; он имеет ряд преимуществ перед другими способами: такие термины кратки, легко запоминаются. Однако следует избегать переноса термина с одного понятия на другое в пределах одной или близких дисциплин, так как это неизбежно приведет к многозначности терминов.

Большое число технических терминов является иноязычными заим-

ствованиями (третий способ образования терминов). В дореволюционное время массовое заимствование вызывалось технической отсталостью: термины иноязычного происхождения внедрялись вместе с предметами техники и техническими понятиями. Бурное развитие техники в нашей стране уничтожило предпосылки для введения таких терминов в русскую техническую терминологию. Кроме того, термины иноязычного происхождения обладают существенным недостатком: они препятствуют простоте и доходчивости всей терминологической системы.

Поэтому Комитет технической терминологии считает, что в настоящее время техническая терминология должна развиваться главным образом «...путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»³. При упорядочении терминологии той или иной дисциплины комитет обращает особое внимание на очищение терминологии от необоснованно введенных терминов иноязычного происхождения путем замены их терминами, построенными из элементов своего языка. Это не касается, конечно, терминов, прочно вошедших в словарный состав языка. При замене того или иного термина комитет постоянно считается со степенью его внедрения и качеством предлагаемого нового термина.

Вопросы построения терминов непосредственно связаны с проблемами современного языкознания. В частности, большой интерес представляют для комитета законы словообразования в системах имен существительных и прилагательных, подробное исследование суффиксов имен существительных, которые могут быть использованы при построении технических терминов, обозначающих процессы, свойства, предметы (материалы, машины, аппараты, приборы) и т. д.; исследование суффиксов качественно-относительных имен прилагательных, используемых в технической терминологии при построении терминов-словосочетаний; изучение возможностей применения некоторых малопродуктивных и непродуктивных суффиксов (например, *-ун*, *-ак* и т. д.); исследование применения сложносокращенных слов различных типов (*кпд* — коэффициент полезного действия, *эдс* — электродвижущая сила, *земснаряд* — землесосный снаряд, *гидроизол* — гидроизоляционная бумага, *авизент* — авиационный брезент и др.).

Эти вопросы имеют большое значение для построения точных и кратких терминов на базе словообразовательных элементов русского языка. Трудности построения таких терминов часто приводят к введению громоздких или неточных терминов, иноязычных заимствований, т. е. к недостаткам, которые должны безусловно устраняться.

³ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Т. П. ЛОМТЕВ

О РОЛИ НАКОПЛЕННЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

И. В. Сталин учит, что переход языка от старого качества к новому происходит путем постепенного накопления элементов нового качества, элементов новой структуры языка и, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества¹. Эти указания товарища Сталина ставят перед языковедами задачу всесторонней разработки вопроса о конкретной взаимной связи и взаимной зависимости между уже накопленным и текущими накоплениями в языке.

В каждый данный исторический момент язык представляет собой систему накопленных средств, являющихся результатом прошлого опыта общения людей, и новых, живых, текущих накоплений, являющихся результатом нового, живого, текущего опыта общения людей. То и другое находится в единстве, в постоянной взаимной связи и зависимости.

Взаимосвязь и взаимозависимость между накопленными средствами общения и текущими, живыми накоплениями бывает двух видов. Новые текущие накопления могут, с одной стороны, содействовать сохранению, укреплению и шлифовке накопленных средств языка, т. е. данного качественного своеобразия его во всей совокупности структурных особенностей. В этом случае прежде накопленное в языке господствует над текущими накоплениями, подчиняет их себе, формирует по своему образу и подобию.

С другой стороны, новые текущие накопления могут содействовать ограничению, отмиранию элементов старого качества. В этом случае прежде накопленное в языке не господствует над новыми текущими накоплениями, а подчиняется им, служит только исходной позицией для нового развития.

1

Первый вид взаимозависимости между накопленным и накапливаемым в языке может привести только к изменению функции ранее сложившейся формы, но не к образованию новой структурной модели. Так, по образцу *зимую — зимовать* в белорусском языке образованы глаголы *лятую — летаваць, бяую — бедаваць* от существительных *лета, бяда*. Эти белорусские глаголы представляют собою отличные от русского литературного языка примеры глагольного словообразования. По этому образцу в белорусском языке происходит образование глаголов от имен, заимствованных из иностранных языков, например: *планую — планаваць*, русск. *планиро-*

¹ См. И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1952, стр. 27, 28.

вать; *агітую* — *агітаваць*, русск. *агитировать*; *аналізую* — *аналізаваць*, русск. *анализировать* и т. п.

По образцу общей для славянских языков модели образования имен, обозначающих лица, посредством суффикса *-ник* в белорусском языке образованы имена существительные: *прад'яўнік*, русск. *предъявитель*; *пакупнік*, русск. *покупатель*; *целаахоўнік*, русск. *телохранитель*; *згоднік*, русск. *соглашатель* и т. п. По образцу *богач* в белорусском языке образованы имена: *чытач* «читатель», *слухач* «слушатель», *дзеяч* «деятель» и т. п. Все подобного рода новообразования представляют собой накопление слов по образцам старых грамматических моделей, общих для славянских языков, в рамках ранее сложившегося качественного своеобразия данного языка. Из этих примеров ясно, что роль суффиксов *-ач* и *-ник* в белорусском словообразовании иная, чем в русском, и это представляет собой одну из особенностей национального своеобразия белорусского языка в отличие от русского.

То же самое мы наблюдаем в области склонения. В истории белорусского языка в системе местоименного склонения употребление твор. падежа постепенно расширялось за счет сужения употребления местного падежа; количественные накопления этого рода привели к полной победе падежной формы твор. падежа, который принял на себя и прежние значения местного. Если в русском языке мы различаем *Работал со своим сыном* и *Говорил о своем сыне*, то в белорусском языке в обоих случаях местоимение *свой* имеет одну форму (по происхождению) твор. падежа: *Працаваў з сваім сынам* и *Гаварыў аб сваім сыне*. Таким образом, в современном белорусском языке система местоименного склонения имеет только пять падежных форм.

К числу подобных процессов в более древних языковых явлениях относится и образование род. падежа в балтийско-славянских языках с окончанием на *-а* в славянских (*сада*) и с окончанием на *-о* в литовском (*sodo*). Современная форма род. падежа (по происхождению форма отложительного) соединила в себе значение бывшего родительного и бывшего отложительного падежей.

Итак, расширение случаев употребления ранее сложившихся форм может привести к изменению их функций в системе языка. Это бывает обычно в тех случаях, когда расширение употребления одной формы происходит за счет полного устранения другой или за счет серьезного ограничения ее употребления.

2

Но в языке развиваются и накапливаются также элементы новой структуры языка, нового качества, нового как по своей функции в системе языка или по своему значению в нем, так и по своей грамматической структуре. Они могут возникнуть только тогда, когда накопленное в языке не господствует над накапливаемым, не формирует его по образцам и моделям своего установившегося качественного своеобразия, а служит только ступенью, исходной позицией для развития элементов нового качества, новой структуры языка.

Говоря о переходе языка от одного качества к другому, товарищ Сталин подчеркивает опять-таки изменение структуры языка «... путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка...»². Элементы новой структуры языка закрепляются также в результате постепенных накоплений. Но эти последние протекают не на основе господства прежде созданных моделей, а на основе постепенного

² И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, 1952, стр. 27.

сложения новых структурных элементов языка и соответственно отмирания старых.

Обратимся к примерам из области истории падежных форм имен. В общеславянском языке-основе местный падеж выражал пространственные значения без участия предлога *в* или *на*, причем в этом падеже для обозначения места употреблялись имена существительные, имевшие разные местные значения. Ср. сохранение подобного употребления форм местного падежа в литовском языке: *Vaikai buvo miške* «Дети были (в) лесу»; *Mes buvoma Zoologijos sode* «Мы были (в) Зоопарке»; *Tėvas dirba sode* «Отец работает (в) саду»; *Kolūkiečiai dirba lauke* «Колхозники работают (в) поле»; *Žuvis verda katilė* «Рыба варится (в) котле»; *Duona kepta pečiuije* «Хлеб печется (в) печке»; *Pasas guli stalčiuije* «Паспорт лежит (в) ящичке» и т. п.

В последующей истории славянского языка-основы для обозначения места стали использоваться вместе с именем в местном падеже и предлоги *в* и *на*. Сначала употребление предлогов распространялось при именах, не являющихся собственными названиями населенных пунктов, в связи с чем уже являются чрезвычайно редкими случаи употребления форм местного падежа типа: *Сохранени кости наше семь мьсть* (Супр. рук., 81)³; *Живутии междуречи* (Супр. рук., 60); *Жена лежит ногах ему* (Супр. рук., 269); *Див кличет врѣху дрѣва* («Сл. о п. И.», 67); *Князь же с Новогородци быша верху Волги* (Сузд. лет. по Акад. сп., 492). Между тем употребление собственных названий населенных пунктов в местном падеже без предлога было широко представлено. В связи с этим являются далеко не единичными примеры типа: *И посади Вышеслава Новѣгородъ, а Изяслава Полотъскъ, а Святполка Туровъ, а Ярослава Ростовъ; умеришу же старѣйшему Вышеславу Новѣгородъ, посадиша Ярослава Новѣгородъ, а Бориса Ростовъ, а Глеба Муромъ, Святослава Деревъхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Муторокани* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 118; в Радз. и Акад. сп. везде *в*).

В последующей истории русского языка и собственные имена населенных пунктов перестали употребляться без предлога в местном падеже. В современном русском языке обязательны предложные конструкции типа: *Работал в саду, Был в комнате, Летал в воздухе, Варил в котле, Был в Киеве* и т. п.; *Был на Украине, Лежал на столе, Стоял на дороге* и т. п.

В белорусском языке, кроме предлога *у* (русс. *в*) и *на*, в сочетании с местным падежом как единственного, так и множественного числа употребляется предлог *па* (русс. *по*), например: *Плаваў па марах, Хадзіў па шляхах, Раскладваў па сталах, Хадзіў па полі* и т. п. Таким образом, в соответствии с одной исконной беспредложной формой местного падежа современный русский язык получил две разные конструкции с разными значениями, из которых одна представлена предлогом *в* в сочетании с местным падежом имени и обозначает пребывание чего-либо в чем-либо (*Рыба варилась в котле*), а другая представлена предлогом *на* в сочетании с местным падежом имени и обозначает пребывание чего-либо на чем-либо

³ В настоящей статье приняты следующие сокращения: Супр. рук. — Супрасльская рукопись, цит. по книге В. Вондрак «Древнецерковнославянский язык», Казань, 1915; «Сл. о п. И.» — «Слово о полку Игореве», цит. по изданию А. С. Орлова, М., 1946; Ипат. лет. — Ипатьевская летопись, «Полное собрание русских летописей», т. II, вып. 1, 3-е изд., Пг., 1923; «Пов. вр. л.» по Лавр. сп. — «Повесть временных лет», по Лаврентьевскому списку, СПб., 1910; «Посл. Грозн.» — «Послания Грозного», Ф. И. Буслев, Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861; «Рус. Пр.», Син. сп. — «Русская Правда», Синодальный список, цит. по книге «Правда русская», т. I, М., 1940; Сузд. лет. по Акад. сп. — Суздальская летопись по Академическому списку, «Полное собрание русских летописей», т. I, вып. 3, 2-е изд., Л., 1928; Радз. сп. — Радзивилловский список «Повести временных лет»; Акад. сп. — Академический список «Повести временных лет».

(*Лежал на столе*). Белорусский же язык в соответствии с одной исконной беспредложной формой местного падежа получил три разные конструкции с разными значениями: с предлогом *у*: *Жыў у Маскве*; с предлогом *на*: *Ляжаў на сталае*; с предлогом *па*: *Хадзіў па шляхах*.

Постепенное накопление случаев употребления местного падежа с предлогами *в* и *на* привело в течение длительного времени к образованию элементов нового качества, которые представляют собою новое качество как по значению, так и по грамматической структуре.

Своеобразную историю имел дат. падеж в значении места. В общеславянском языке-основе в этом значении он мог также выступать без участия предлога. К тому же, как и в местном падеже, в дательном беспредложном падеже употреблялись имена существительные разного характера. Об этом опять-таки свидетельствует литовский язык. Позднее дат. падеж при обозначении места или предмета, к которому направлено движение, стал сочетаться с предлогом *к*. Так, мы имеем: *Иде Ярослав Новогороду* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 147), но позднее: *к Новогороду* (Радз. и Акад. сп.); *Ярослав совожули воя многи, и приде Києву* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 147), но позднее: *к Києву* (Радз. и Акад. сп.) и т. п.

В древнерусских памятниках дат. падеж собственных названий населенных пунктов без предлогов употреблялся весьма широко. Что касается нарицательных названий места, то чрезвычайно редки примеры типа: *Возвратишася домовъ* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 396) (*домовъ* из *домови* — формы дат. падежа основ на *-и*); *Припадаю вашим стопам* («Посл. Грозн.», 849).

Еще реже употреблялся дат. падеж названий лиц, к которым направлено движение, выраженное непереходным глаголом, например: *Еха брату своему Игореву* («Ипат. лет.», 317); *Изяслав иде шурина своему* (там же, 289). В этих случаях позже стало употребляться сочетание с предлогом *к*: *Поехал к брату, к шурина* и т. п. При переходных глаголах названия лиц, к которым направляется движение, в одних случаях сохраняли беспредложный дат. падеж, например: *Принес подарок брату, отцу, матери* и т. п., в других случаях при дат. падеже распространился предлог *к*, например: *Перевез свои вещи к брату, к отцу* и т. п.

То же различие сложилось и в литовском языке; для выражения первого значения употребляется старая конструкция с дат. падежом без предлога, например: *Athnese knygą broliui* «Принес книгу брату», а для выражения второго значения употребляется новая конструкция, состоящая из предлога *pas* и имени существительного в вин. падеже, например: *Nuneše knygą pas broli* «Отнес книгу к брату». Образование таких новых форм, новых моделей в языке и означает, что прежде накопленное в нем служит лишь исходной позицией для качественно новых накоплений.

Обратимся теперь к примерам из области истории глагольных основ. В современных славянских языках среди других глагольных разрядов имеется и такой, который характеризуется чередованием форманта *-у-* (лит. *-и-*) или *'у* в формах настоящего времени и форманта *-ова-* (лит. *-ова-*) или *-ева-* в формах инфинитива, например: *зимую — зимовать, ночую — ночевать, именую — именовать* и т. п.

Возведение соотношения названных глагольных основ к индоевропейскому языку-основе неправомерно, так как ни в одном из индоевропейских языков названное соотношение в таком виде не повторяется. Кроме того, такое возведение ничего не объясняет, а только отодвигает решение вопроса, отсылая к эпохе развития языка, изучение которой пока еще недоступно нашим методам. Между тем возможно простое объяснение, которое предполагает связь этих глагольных основ с именными основами,

прежде всего с основами имен прилагательных, содержащими формант *-оу-* или *-еу-*. Формант *-ова-* указывает на первичное *-оу-*, которое в форме инфинитива перед *-а-* должно было дать *-ов-* (*торговать*), а в форме настоящего времени перед *j* — *-у-* (*торгую*).

Аналогичные глаголы в литовском языке имеют основу с формантом *-ау-* как в формах настоящего времени: *draug-au-ju*, так и в формах инфинитива: *draug-au-ti*. Тождество основы настоящего времени и инфинитива сохраняется здесь лишь потому, что эти глаголы образуют инфинитив по преимуществу посредством *-ti*, как в русском: *несу* — *нести*. В славянских же языках глаголы с формантом *-оу-* принадлежат к разряду глаголов, у которых формы настоящего времени и форма инфинитива имеют разные основы: в первом случае за формантом *-оу-* следовал *-је-* (*зим-у-јешь*), во втором случае *-а-* (*зим-ов-а-тъ*).

Таким образом, в литовском и славянских языках глаголы с формантом *-оу-* принадлежат к разным глагольным разрядам. Это значит, что система глагольных основ, представленная соотношением *беседую* — *беседовать*, сложилась в славянских языках самобытным путем и представляет славянское образование, т. е. относительно поздний результат развития глагольных основ.

После того, как постепенные изменения сочетаний гласных с сонантом *-у-* завершились как в положении перед согласными, так и в положении перед гласными, единство указанного сочетания в разных положениях утратилось, единое в прошлом звуковое сочетание распалось на два звуковых комплекса, потерявших между собою связь; так образовалась новая система основ в новом разряде глаголов: *бедую* — *бедовать*, *беседую* — *беседовать*, отличная от прежде созданной системы основ в глагольном разряде типа: *пишу* — *писать*, к которой исторически принадлежали и глаголы с чередованием *-у/-ова-*. В данном случае прежде накопленное в языке служит лишь исходной позицией для новых качественных образований.

Элементы новой структуры языка зарождаются и развиваются в недрах накопленной структуры и образуются из ее материалов. Ввиду этого формирование элементов нового качества в грамматическом строе языка происходит путем их отбора по внутренним законам из материалов накопленных структурных средств языка.

В древнерусских памятниках засвидетельствованы попытки использовать и приспособить разные глаголы для образования формы будущего времени несовершенного вида; в числе их мы находим глаголы — *имать*: *Погании имуть радоватися и возмуть землю нашу* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 6065 г.) «Будут радоваться и возьмут землю нашу»; *начать*: *Аже начеть сне знать у кого купил, то ити по немъ тьмъ видокамъ на тьргу на роту* («Рус. Пр.», Син. сп., 19) «Если не будет знать у кого купил, то ити... на роту»; *хотеть*: *И рече ему: то въси ли, что утро хочеть быть* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 120) «Знаешь ли ты, что скоро будет утро?»

Ни один из этих глаголов не закрепился в роли вспомогательного глагола для выражения будущего несовершенного, между тем как в болгарском языке в этой функции закрепился глагол со значением «хочу» в формах: *направи ща* «сделаю», *направи щеш* «сделаешь», *направи ще* «сделает» и т. д. В южных белорусских говорах закрепился глагол *иму* в формах: *писацьму*, *писацьмеш*, *писацьме* и т. д.

В современном русском языке имеется два способа выражения главного члена придаточных предложений цели: если в главном и придаточном предложениях один и тот же субъект, то в придаточном предложении цели употребляется инфинитив, например: *Пошел в театр, чтобы прослушать новую оперу*. Если в главном и придаточном предложениях разные субъекты, то в придаточном предложении цели употребляется глагол прошедшего

времени, например: *Просил его, чтобы он купил книгу*. Между тем в древних памятниках мы находим употребление инфинитива и прошедшего времени глагола как в односубъектных, так и в разносубъектных предложениях.

Иначе протекал процесс отбора и закрепления форм в рассматриваемых предложениях в словацком языке. Там возобладала форма на *-а*, т. е. форма прошедшего времени, и в разносубъектных предложениях, например: *Роника navštevníkov, aby si posadali* «Приглашает гостей, чтобы они сели», — и в односубъектных предложениях, например: *Kriči Košaj pri Košenovom uchu, aby prehlušil huk strojov* (Граћо Краљ, Буда, ако не боло, 117) «Кричит Кошай над ухом Корня, чтобы заглушить (слов. *aby prehlušil*) шум машин».

При локальных предлогах в древнерусском языке употреблялись формы винительного и родительного, а также отчасти дат. падежа, например: *подле реку Иордан, возле бочку, мимо Новогород, видит против Волгу, посла противу им Бориса* и т. п. В последующей истории из двух или трех падежей, употреблявшихся при том или другом предлоге, был отобран и закреплен род. падеж, например: *возле бочки, мимо дома, против их* и т. п.

Сами локальные предлоги отбирались и закреплялись из многочисленного материала. Многие имена стали предлогами, будучи первоначально формой местного падежа без предлога в пространственном значении, например: *сквозь землю Половецкую*, ср. в современном русском языке *сквозь*; *поставиша и средь двора*, ср. в современном русском языке *среди*. Многие имена использовались в предложной функции, но не закрепились в ней, например: *сьде прямо рая, ста прямо града*; в современном русском языке: *против рая, против города*.

Таким образом, нужно признать односторонним распространенное в лингвистической литературе представление о действии внутренних законов как проявлении унаследованной системы языка в последующем его развитии. Мы допустили бы большую ошибку, если бы при определении внутренних законов подчеркивали лишь моменты формирования вновь накапливаемого в языке по установившимся образцам прежде накопленного. Новые накопления могут формироваться из унаследованного материала по новому типу, образуя элементы нового качества, элементы новой структуры языка.

Г. С. КНАБЕ

(КУРСК)

ОБ ОТМИРАНИИ ЭЛЕМЕНТОВ СТАРОГО КАЧЕСТВА ПРИ РАЗВИТИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА

1. Постановка вопроса

Сформулированное И. В. Сталиным положение о развитии языка «...путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества»¹, неоднократно подчеркнутое им в труде «Марксизм и вопросы языкознания», является одним из центральных в сталинском учении о языке.

Эти процессы — постепенного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества — теснейшим образом взаимосвязаны, образуют диалектическое единство и именно в своей совокупности характеризуют структуру языка в данном ее состоянии. Ясно, например, что становление ныне действующей системы времен русского глагола предполагало распадение и отмирание старой системы глагольных времен, характерной для древних периодов развития нашего языка, и было теснейшим образом с ним связано. Но в то же время не менее ясно и то, что это — два отдельных явления, что они диалектически едины в общем процессе развития русского языка, но отнюдь не тождественны друг другу. Таким образом, если не упускать из виду диалектического единства обоих упомянутых процессов, их постоянного взаимодействия в истории языка, то в методическом отношении представляется допустимым и целесообразным рассмотрение их там, где это возможно, по отдельности.

Поскольку понятие отмирания элементов старого качества связано с изменением существующей в данное время структуры языка в целом, то оно может охватывать все области, эту структуру составляющие, — и грамматику, и лексику, и фонетику. Так, постепенное отмирание флексивной системы в ходе развития английского языка (явление грамматическое, но имеющее ясный фонетический аспект) связано со способностью английских слов выступать без изменения формы в роли различных частей речи (так называемая «конверсия»), т. е. с явлением лексико-грамматическим; конверсия же в свою очередь обуславливает (наряду с другими факторами) характерные формы словослияния в английском языке, т. е. взаимодействует с процессами, характеризующими жизнь словаря.

Из всего этого сложного и обширного круга вопросов мы выделяем сравнительно узкий участок. Темой настоящей заметки является один из двух взаимосвязанных процессов — процесс отмирания элементов старого качества. Поскольку, однако, производимое, так сказать, «в лабораторном порядке», из методических соображений отделение процесса отмирания элементов старого качества от процесса становления элементов нового качества далеко не всегда возможно, то нам придется рассмотреть и некоторые случаи взаимодействия обоих процессов. В отмирании элемен-

¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 28.

тов старого качества нас интересуют прежде всего явления грамматические в собственном смысле слова, т. е., по возможности, освобожденные от своих фонетических и лексических сторон.

2. Основные виды отмирания элементов старого качества в грамматическом строе языка

1. Наиболее ясным видом постепенного отмирания старого качества в грамматическом строе языка является простое выпадение из языка той или иной формы или конструкции. Примером этого в русском языке может служить исчезновение старых глагольных форм времени. Как известно, имперфект, а за ним и аорист начинают вытесняться из языка уже в эпоху создания таких памятников, как «Повесть временных лет» или Суздальская летопись, т. е. в XII—XIII вв., а к XV в. этот процесс можно считать законченным; документы XVI в. дают нам ясные примеры того, что в это время люди уже не понимали форм аориста.

Приведем несколько примеров этого вида отмирания элементов старого качества в западноевропейских языках. Категория рода существительных была четко выражена в древнеанглийском, — она бесследно исчезла в ходе дальнейшей истории этого языка. В своих древних памятниках французский язык знает склонение существительных из двух падежей, а английский — из четырех; как известно, падежные флексии существительных отмерли в процессе развития обоих этих языков.

Отмирать путем простого выпадения могут не только формы или категории, но и определенные синтаксические конструкции, представляющие старое, изживаемое качество данного языка. Так, родительный частичный, широко распространенный в средневерхненемецком, у Гете встречается лишь спорадически, а в современном языке вообще не употребителен. Причастный оборот с именем существительным, стоящим в дат. падеже, заменяющий придаточное предложение (так называемый дателъный самостоятельный), нередок в русских летописях; у Радищева он имеет уже характер искусственного архаизма, а в языке XIX—XX вв. не встречается вообще. Примеры такого рода могут быть найдены в истории каждого индоевропейского языка.

2. Вторым путем, которым старое качество может отмирать в языке, является сокращение сферы употребления данной формы. Ясно, что этот случай тесно связан с предыдущим, так как полному исчезновению формы предшествует, как правило, сокращение ее функций. Представляется все же правильным рассматривать его отдельно. Во-первых, потому, что далеко не всякое сужение сферы действия формы неизбежно оканчивается ее отмиранием. Во-вторых, потому, что в силу крайне медленного, эволюционного характера развития грамматического строя процесс сужения функций данной формы может быть настолько длительным, что для наличного состояния структуры языка говорить о завершении его, о полном отмирании формы, нет никаких оснований. Для языка в данном его качестве может быть характерен именно факт сокращения функций определенных его форм, а отнюдь не окончание этого процесса.

Так, общеизвестно, что будущее время глагола как самостоятельная форма сложилось в языках индоевропейской семьи сравнительно недавно. В более древний период оно отчасти не выделялось из имевшихся в языке средств выражения модальности, отчасти же для его обозначения использовали формы настоящего времени, функция которого, таким образом, была шире, чем она есть сейчас. Именно такое положение отмечается в древних памятниках германских и, отчасти, славянских языков. Первый же стих в дошедшем тексте Ульфилы звучит так: *Aþ þan ik in watin izwis dauþja*

(*baptizo*, βαπτίζω)...*sah pan izwis daupeip* (*baptizabit*, βαπτίσει) *in ahmin weihamma* (Math. 3, 11). (Ср. ст.-слав.: *Азъ оубо крѣпѣмаѣ вы водонъ въ покаянѣхъ, ...тъ вы крѣстѣмъ доухомъ свѣтымъ.*) По самому смыслу мы здесь имеем противопоставление настоящего действия будущему, отмеченное в греческом и латинском текстах противопоставлением соответствующих временных форм; в славянском же и готском этот контраст никак не отмечен, и оба действия выражены одной и той же формой настоящего времени. Дальнейшее развитие языков, в частности славянских и германских, шло по линии выработки особого глагольного оборота для выражения объективного будущего. Параллельно и в теснейшей связи со становлением этого нового качества шло отмирание качества старого, выразившееся в данном случае в сокращении функций формы настоящего времени. В то же время ясно, что на этом основании нельзя говорить ни об отмирании настоящего времени, ни о том, что такое отмирание когда-нибудь наступит.

По этому же пути сокращения сферы своего употребления развивается во многих языках сослагательное наклонение. В старшие периоды развития ряда индоевропейских языков его применение было более или менее регулярным и в косвенной речи, и в придаточных временных, относительных, целевых, в косвенном вопросе и т. д., т. е. там, где его употребление сейчас или невозможно, или факультативно. В течение веков произошло сужение области применения конъюнктива (оптатива) и потому многие примеры его употребления, взятые из старых памятников и содержащие предложения с глаголами в сослагательном наклонении, в современном языке возможны только при изменении глагольной формы.

3. Отмирание элементов старого качества в истории индоевропейских языков выражается также в утрате некоторыми формами своего содержания при сохранении в языке самих этих форм. Возникают реликтовые образования, содержание которых отмерло как не соответствующее новому качеству языка.

Наиболее ярким примером этого процесса может служить история категории рода. Как было давно предположено в лингвистике и как это подтверждается данными одного из древнейших индоевропейских языков — хеттского, первоначально имена подразделялись по роду не на три, а на две группы. Сейчас трудно определить основания, по которым эти группы противопоставлялись друг другу. Это могло быть и разделение на одушевленные и неодушевленные предметы, и на активные, с той или иной точки зрения, противопоставленные инертным, и на «разумные» и «неразумные» и т. д. Каковы бы ни были основания этой классификации, пока что не установленные, важно то, что они существовали и были вполне реальны. На заре истории индоевропейских языков говорящие, очевидно, прекрасно понимали, почему, скажем, названия деревьев оформлялись по одному роду, а абстрактные отглагольные имена — по другому. С тех пор категория рода практически утратила свое значение. Вряд ли сейчас говорящий по-русски может объяснить, почему слово *сосна* — женского рода, а *бук* или *дуб* — мужского, почему *тень* — женского рода, а *день* — мужского и т. д. Значение, смысл категории рода — отмерший элемент старого качества. Факт же сохранения самих родовых форм в языке придает этому виду отмирания старого качества особый, очень своеобразный характер.

На основе отмирания элементов старого качества сложились, повидимому, такие общеиндоевропейские явления, как супплетивность падежных форм личного местоимения 1-го лица ед. числа или супплетивность при образовании степеней сравнения некоторых прилагательных и наречий. Возникновение супплетивных рядов, согласно наиболее вероятной гипотезе, происходит следующим образом. *Хорошо* и *лучше* или *я* и *меня* воспринимались

на ранних этапах развития языка не как грамматические разновидности одного понятия, а как совершенно отличные друг от друга, в принципе разные качества (*хороший — лучший*) или разные лица (*я — меня*). Использование для их обозначения слов, построенных от различных корней, имело поэтому определенный, ясный каждому говорящему смысл. С дальнейшим же развитием языка и мышления люди поняли, что о д н о качество может иметь р а з н ы е степени интенсивности, что о д и н человек может выступать в р а з н ы х отношениях к глагольному действию. *Хорошо и лучше, я и меня* стали восприниматься как грамматические разновидности одного явления, т. е. как члены грамматически однородного ряда форм, аналогичные, например, с *умно — умнее, красно — краснее* или *стол — стола, земля — землю* и т. д. Но при таком положении супплетивность указанных рядов утратила свои жизненные основания. Реликтовая форма не скрывает больше никакого реального содержания, которое и явилось в данном случае отмершим элементом старого качества.

4. Одним из наиболее сложных видов отмирания элементов старого качества является такой тип развития, при котором не только исконное содержание данной формы отмирает, не только сама эта форма сохраняется в языке, как было в предыдущем случае, но сохранившаяся форма наполняется новым содержанием. Трудность этого случая заключается в том, что здесь мы больше не имеем дела с процессом отмирания старого качества как таковым и сталкиваемся с диалектическим переплетением обоих процессов — отмирания старого и становления нового, во всей их подлинной сложности. Не приходится говорить, что этот тип развития — несравненно более живой и распространенный, чем рассматривавшиеся нами до сих пор довольно элементарные случаи «чистого» отмирания старого качества.

Рассмотрим для начала две современные русские формы — частицу сослагательного наклонения *бы* и частицу-глагол *было*, служащую при глаголах совершенного вида (в прошедшем времени) для выражения начавшегося, но неожиданно прерванного действия (ср. *он, было, открыл рот, но тут же замолчал*). Каждое из них имеет свою функцию в современном языке, свое определенное содержание. История данных форм показывает, однако, что это теперешнее их содержание является вторичным, что некогда им было присуще другое содержание, другие функции, отмершие как элемент старого языкового качества.

Модальное *бы*, например, представляет собой окаменевшее 2—3-е лицо ед. числа от глагола *быть*, и прежде выражавшее сослагательное наклонение, но не само по себе, а в сочетании с согласуемым причастием на -л определенного глагола: *он бы пошел, но я бых пошел, вы бысте поили* и т. д. *Бы*, таким образом, сохранило свою форму и отчасти даже сферу своего употребления, но из глагола стало частицей, из личной формы — нейтральным в отношении лица показателем модальности.

Сходный процесс пережила и частица-глагол *было*. Изначально это — особого происхождения согласуемый вспомогательный элемент при образовании давно прошедшего времени: *...И к тебе, государю, мы, нищие богомольцы, из Ярославля поехали были, и, недоехав, государь, до Ростова, стретили нас Иван Иванович Вольнский до пан Петр Головин, и по твоему государеву слову нас воротили*². Постепенно давнопрошедшее время отмерло, а вместе с ним и исконное значение элемента *было*, форма же эта, сохранившись в том же виде, если не считать утраты способности

² Письмо архимандрита ярославского Спасского монастыря Феофила гетману Яну Сапеге, 1609 г. — Цит. у Л. А. Булаховского (см. его «Исторический комментарий к русскому литературному языку», Киев, 1950, стр. 221).

к согласованию, наполнилась новым содержанием и стала употребляться для выражения несостоявшегося действия.

Другой хорошей иллюстрацией этого же вида отмирания элементов старого качества может служить эволюция оборотов, употреблявшихся для выражения будущего времени. Нам уже приходилось упоминать об изначальной передаче будущего действия с помощью модальных (иногда видовых) конструкций. Русское *буду*, в древнейших памятниках вообще не встречающееся, употребляется в старом языке для выражения будущего времени наряду — и практически синонимично — с такими вспомогательными глаголами, как *иму*, *хочю*, *начьну*, *стану*, т. е. глаголами явно модальными или видовыми. Общеизвестно изначальное модальное значение английских *shall* (< *sculan* «долженствовать») и *will* (< *willan* «хотеть»), служащих сейчас в сочетании с инфинитивом для образования вполне объективного будущего. Свидетельствуемый у классических латинских авторов модальный оборот *habeo* + инфинитив глагола (ср. русск. *иму*, чеш. *jmat* с инфинитивом в том же значении) в поздней народной латыни становится средством выражения объективного будущего. Каков путь, проделанный всеми этими оборотами? При сохранении внешней формы они все утрачивают свой модальный смысл и приобретают новое значение показателей объективного будущего.

3. Особый вид отмирания элементов старого качества

Развитие того или иного явления в истории языка не всегда протекает в виде непрерывного процесса. Бывают случаи, когда определенный языковой факт, отмерший, исчезнувший из языка в связи с постепенной перестройкой его структуры, вновь появляется много столетий спустя и в новом грамматическом окружении, в условиях изменившейся структуры переживает как бы второй расцвет. Вульгарная латынь, например, и романские языки с самых ранних периодов своего развития характеризуются тенденцией к замене флексивных форм времен глагола описательными, в частности, со вспомогательным глаголом *быть*. Эта тенденция противостоит ярко выраженной флексивности глагола в памятниках архаической и классической латыни. Между тем, реконструируя сравнительно-историческим путем древнейшее, предшествующее памятникам состояние латинского языка, мы убеждаемся в том, что в ту отдаленную эпоху ему было присуще то же тяготение к описательным формам, которое мы отмечаем для романских языков. Так, имперфект на *-bā* и простое будущее на *-bo* возникли из комбинации чистой глагольной основы, выступавшей в роли своего рода глагольного имени, и вспомогательного элемента, связанного с корнем **bhewā/*bhū* «быть».

Этот вид языковой эволюции внутренне диалектичен. Несмотря на сам факт «возрождения» формы, мы здесь не имеем никакого циклизма, никакого сведения языкового развития к круговращению одних и тех же отмирающих и возрождающихся форм. При ближайшем рассмотрении оказывается, что «возрождение» формы не означает возвращения ее в язык в том виде и в той роли, которые были ей присущи в период первоначального ее использования. «Прежде созданное в языке, — говорит А. Потебня, — двояко служит основанием новому: частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью же изменяет свой вид и значение в целом единственно от присутствия нового»³. Каждый языковой факт имеет не какое-то, раз навсегда данное значение, а то, которое оказывается органичным в данной языковой структуре, и архаические формы

³ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, II, Харьков, 1874, стр. 1.

или обороты, попадая в язык, приобретают в нем новое значение «единственно от присутствия нового». Аналитизм глагольных форм в романских языках не тот же аналитизм, что в доисторическом латинском глаголе; бессвязочное предложение в современном русском языке отлично по своему внутреннему содержанию от безглагольного предложения в санскрите и т. д.

В древних индоевропейских языках имелся ряд глаголов, которые были как бы безразличны в отношении переходности; они могли выражать и переходное действие, и непереходное. Таковы греческие глаголы $\epsilon\chi\omega$, «иметь», и «находиться в каком-либо состоянии» (ср. лат. *habeo* с теми же значениями), $\epsilon\lambda\acute{\alpha}\nu\omega$ «гоню» и «еду», $\theta\rho\acute{\iota}\nu\omega$ «побуждаю» и «двигаюсь», $\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\tau\acute{\omega}$ «кончаю» и «умираю» и т. д.; латинские — *veho* «везу», «веду» и «меня ведут», «я еду», *moveo* «двигаю», «привожу в движение» и «двигаюсь», *doleo* «горюю» и «оплакиваю» и т. д. Такие глаголы встречаются и в современном русском языке; мы говорим, например, *свернуть чертеж в трубку* и *свернуть в переулок*. Это безразличие в отношении переходности, бывшее характерной, хотя и не универсальной⁴ чертой глагольной системы древних индоевропейских языков, как известно, отмерло в ходе дальнейшего развития нашей языковой семьи.

Однако в некоторых современных языках, в частности в английском и французском, мы наблюдаем процесс, который внешне выглядит как возвращение к этой изжитой черте греческого, ведического, латинского глагола. Во французском языке переходный глагол может почти всегда строиться непереходно либо путем придания ему этимологически и семантически близкого объекта (*dormir son sommeil, pleurer ses larmes, aller son train, peiner sa peine* и т. д.; образцы такой конструкции встречаются уже в старофранцузском — *li veneor lor cors cornant* — Рен. 5497), либо путем сообщения ему каузативного значения (*rentrer le foin, descendre des machines dans des mines, sortir le pain de l'armoire; ses aventures l'ont vieilli; cette robe la grossit* и т. д.).

В английском языке, во-первых, существует несколько глаголов, уже в средне- и новоанглийский период развивших у себя переходное и непереходное значения (*to boil, to burn, to open*). Во-вторых, ряд глаголов начал развиваться в том же направлении сравнительно недавно, и в них этот процесс еще не завершен; таковы *to sell, to cut, to read* и т. д. Наконец, самой важной в этом плане является тенденция современного английского языка к употреблению каузативов в качестве непереходных глаголов и обратно — непереходных в роли каузативов. Так, *to stop* может означать «останавливаться» и «останавливать», *to hide* — «прятаться» и «прятать», *to wash* — «мыть» и «мыться», *to walk* — «гулять» и «водить на прогулку» и т. д.

Внешнее совпадение между поведением в отношении переходности древнегреческого или латинского глагола, с одной стороны, и современного французского или английского глагола, с другой — налицо. Означает ли это, что безразличие древнеиндоевропейских глаголов в отношении переходности не принадлежит к элементам отмершего качества, что оно вернулось в язык, что французский повторяет греческий? Конечно, нет. Между «нейтральностью» глагола в древних и новых языках есть принципиальная разница, обусловленная различием тех языковых структур, в которых эта «нейтральность» проявляется.

Отмеченная способность греческих и латинских глаголов объясняется скорей всего следующим образом. Сравнительно-историческое изучение языков позволяет утверждать, что в некоторую весьма отдаленную эпоху

⁴ Ср., впрочем, мнение А. Мейе (см. его «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», русский перевод, М.—Л., 1938, стр. 213).

глагол этих языков не обладал двумя рядами окончаний — активными для выражения действия в собственном смысле слова и медиальными — для выражения состояния. Между тем потребность в противопоставлении активно-переходного и медиально-непереходного значений одного и того же корня уже существовала, и для удовлетворения ее использовались различные лексические средства при сохранении самим глаголом своей формы в обоих случаях. В дальнейшем язык выработал формальные приемы такой дифференциации, и лишь определенная группа глаголов сохранилась в старом состоянии. Разбираемая способность греческого и латинского глаголов есть, таким образом, проявление недифференцированности, имевшей место в древнейшем состоянии индоевропейских языков, и связана она с архаическими чертами индоевропейского языкового строя.

Тенденция же к безразличию в отношении переходности современного французского или английского глагола имеет совершенно иные корни и проявляется в совершенно иной языковой среде. Разложение флективной системы, связанный с ним рост конверсионной способности слова, общая тенденция не сопровождать изменение синтаксической позиции слова соответствующими формальными изменениями — вот те черты, сложившиеся сравнительно недавно и продолжающие складываться в наше время, которые лежат в основе «нейтральности» английского или французского глагола. Как видим, безразличие в отношении переходности ряда греческих и латинских глаголов отмерло в свое время как черта архаическая, не соответствовавшая новым потребностям языкового развития; появление же сходной тенденции в некоторых новых языках не означает никакого «возрождения» отмершего языкового качества, оно только придает этому виду отмирания элементов старого качества особый характер. С точки зрения методической, из анализа данного типа языкового развития можно сделать вывод о необходимости изучения определенного языкового факта не только по линии связей его с другими сходными явлениями в другие эпохи и в других языках, но и по линии возможно более полного определения его места в данном языке, в данный период его развития.

Другой разновидностью того же особого типа отмирания элементов старого качества, отличающейся от первой, только что разобранный, не принципиально, а технически, является такой род языкового развития, при котором между первым и вторым использованием формы лежит не период полного ее выпадения, а период ослабленного ее использования. Форма, таким образом, живет и используется все время, но более интенсивно в древнейшем и в новом ее состоянии и менее интенсивно в средний период. Наиболее ясным примером такого развития является история категории вида.

Категория вида, как известно, предшествует категории времени в истории индоевропейского глагола. Противопоставление трех разновидностей корня одного и того же глагола — презентной, перфектной и аористной — означало первоначально противопоставление трех видов действия — длительного, состояния, возникающего в результате данного действия, и недлительного. Основным средством выражения этого вида было чередование корня по ступеням аблаута (наиболее наглядно в форме *e-o-ноль*, ср. греч. *ἑρх-οιαι* «смотрю», *ἑ-δωκ-α* «вижу», *ἑ-δρακ-ον* «увидел»). В ходе дальнейшего развития индоевропейских языков категория вида стала все больше отступать на задний план перед развивающейся системой времен. В классическом греческом языке или в засвидетельствованном в памятниках древнерусском мы наблюдаем вместо бывшего безраздельного господства вида преобладание категории времени, более или менее осложненной видовыми значениями. Постепенно, однако, в этих языках начался процесс утраты многочисленных времен, шедший параллельно

с приобретением видами все большего и большего значения. Роль этой последней категории в новогреческом языке больше, чем в древнегреческом, в современном русском — больше, чем в древнерусском.

Имеем мы здесь дело с отрицанием старого качества или с простым колебанием в употребительности формы? Несомненно, первое. Старый индоевропейский вид — отнюдь не то же самое, что вид, скажем, в современном русском языке. Основанный на чередовании звуков корня, распространенный в эпоху, когда язык не знал категории времени, индоевропейский вид представлял собой один из примитивных способов дифференциации значений глаголов. Этот вид был органичен в древнейшей индоевропейской языковой структуре, но он должен был отмереть по мере перехода языка к более высокой ступени развития. Напротив, современный русский вид, основанный на способности глагольного корня присоединять префиксы, обрастая дополнительными грамматическими и лексическими значениями, тесно взаимодействующий с категорией времени, органичен в сложнейшей, разносторонне развитой системе современного русского языка. Ясно, что при изучении вида современного русского глагола нужно, конечно, учитывать и первоначальную примитивную форму категории, но основным для ее понимания является ее положение в системе современного русского языка.

История индоевропейских языков дает немало примеров подобного развития, идущего через отмирание (или снижение употребительности) формы при последующем ее возвращении в язык (или оживлении ее употребительности) с насыщением ее в этот второй период ее существования новым содержанием. Анализ явлений, проделавших такой путь, показывает нам совершенно ясно, что изучение того или иного языкового факта приводит к его раскрытию только в том случае, если мы не ограничиваемся установлением его исторических прототипов, но и обращаем внимание на его роль и положение в данном языке и в данное время. Этот методический принцип, необходимость приложения которого здесь выступает особенно наглядно, вообще помогает раскрыть многое в языке, даже в таких явлениях, развитие которых идет ровно, без перерывов в употребительности формы. Скажем, сочетание глагольной формы на *-л* непосредственно с субъектом действия, обозначенного основой этой формы, встречается в русском языке на всем протяжении его истории. Фраза из древнейшей русской надписи (1068 г.) *Гльбъ кн Азь мърилъ ѿ по леду* внешне ничем не отличается в структурном отношении от современной: *Глеб князь мерил море по льду*. Между тем в первом случае мы имеем перфект, состоящий из причастия на *-л* и опущенной связки, а во втором — личную форму глагола в прошедшем времени несовершенного вида. В данном примере вполне очевидно, что причастие на *-л*, в частности в бессвязочном его употреблении, отмерло много веков назад, что оно было связано с определенной изжитой ступенью в развитии русского языка и что современное прошедшее время на *-л* должно рассматриваться в системе современного личного глагола, а не древнего причастия. Между тем во многих случаях, по сути дела мало чем отличающихся от данного, традиционное рассмотрение строится на прототипе формы, а не на ее реальном значении.

Так, во французских грамматиках исключительно живой и все больше распространяющийся оборот типа *tour Eiffel, maison Duval* и т. д. объясняется как генитивный с неупотребленным предлогом *de* на том основании, что сходная конструкция была в латыни и в старофранцузском, хотя в современном языке он скорее связывается со словообразованием типа *bateau-mouche, timbre-poste*, чем с представлением о падеже. Так, в современных пособиях по английскому языку формы *should* и *would* рассматриваются как прошедшее время соответственно от *shall* и *will*, что основано

всецело на истории вопроса и игнорирует современное употребление этих форм, согласно которому разница между ними в основном не временная, а модальная. Так, в основе наименования в немецкой грамматике оборотов типа *fliegendes Haares laufen, folgender Maßen reden* и т. п. абсолютными лежит то же перенесение древнего значения формы в современность. Такое объяснение указанных явлений мало чем отличается от признания современных русских *ходил, играл, писал* причастиями. Это механическое перенесение исторического значения формы на ее современное состояние основано на том, что недостаточно учитываются типы и пути отмирания элементов старого качества в грамматическом строе языка, их сложность, их диалектическая связь со становлением нового качества, их роль в развитии языка.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

ОТ РЕДАКЦИИ

Статьи Н. К. Дмитриева, Ю. Р. Гепнера, Н. А. Слюсаревой и Е. И. Шендельс печатаются редакцией в порядке обсуждения вопроса о характере курса «Введение в языкознание» (начало обсуждения см. в № 4 «Вопросов языкознания» за 1952 г.). Редакция просит читателей высказаться по данному вопросу.

Н. К. ДМИТРИЕВ

ПОСТАНОВКА КУРСА «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ»
В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВУЗАХ СССР

Труды И. В. Сталина по языкознанию произвели коренной переворот как в самой этой науке, так и в практике ее преподавания. В соответствии со сталинскими установками были заново пересмотрены и полностью переработаны программы по курсу «Введение в языкознание», принятые в наших университетах и педагогических институтах. Однако в ожидании новых пособий, которые пока еще не появлялись¹, преподавание этой дисциплины может опираться только на учебные руководства, изданные еще до 1950 г. Здесь, если откинуть руководства явно марристского типа, речь может идти о пособиях, написанных в разное время В. А. Богородицким, Д. Н. Ушаковым, А. И. Томсоном и В. К. Поржезинским, книга которого, выдержавшая 4 издания, была особенно популярна в московских вузах; работы И. А. Бодуэна де Куртенэ и некоторых его учеников, равно как проф. Д. Н. Кудрявского и других, были, пожалуй, менее популярны. Наибольшее распространение в советское время имела книга Д. Н. Ушакова.

Конечно, пользоваться в наше время работами названных лингвистов можно только с большой осторожностью, но, кроме затруднений чисто теоретического характера, преподающему (и изучающему) курс «Введение в языкознание» по этим пособиям придется столкнуться еще с одним осложнением, зависящим от характера того фактического языкового материала, который привлекался авторами для подтверждения их основных теоретических положений. Ни для кого не секрет, что источником «примеров» для авторов неизменно служил один из следующих языков: санскрит, древнегреческий, латинский, старославянский, готский, новый романско-германский язык и, только в известной степени, русский. Когда студенты-филологи так или иначе знали, кроме русского, классические (греческий и латинский), новые романско-германские и, пожалуй, старославянский языки, тогда известную трудность представляли для них только

¹ Статья написана до выхода в свет пособий по курсу «Введение в языкознание»: А. С. Чикобава, ч. I курса (на русск. яз.); его же: полный курс (на груз. яз.); Э. Б. Агамян, полный курс (на арм. яз.). — *Ред.*

санскрит и готский, которых они не могли изучать в средней школе и с которыми встречались уже в университете. Для таких студентов названные курсы «Введения» в какой-то мере были доступны.

Как же обстоит дело теперь? Большинство студентов даже русской национальности не изучает древнегреческий и латинский, поэтому примеры на этих языках (да еще если учесть, что другая часть примеров дана на санскрите, готском и старославянском языках) превращают для русских студентов, не говоря уже о студентах других братских национальностей, пособия Поржезинского, Томсона и др. в какое-то «чудище обло», способное только разочаровать молодого человека и отпугнуть его от такого по существу увлекательного предмета, как советское языкознание.

Наблюдения над тем, как преподается «Введение в языкознание» в союзных и автономных республиках, всецело подтверждают наши опасения. В узбекской, азербайджанской, туркменской, казахской, киргизской, татарской, башкирской, хакаской, якутской и других аудиториях этот курс преподается скучно, непонятно. Важное дело превращается в гнетущую проформу, от которой студенты сбежали бы, если бы это не было «так неудобно». Можно привести много примеров, подтверждающих этот факт.

Какой же может быть выход из создавшегося положения? Он, как нам кажется, заключается в следующем. Необходимо освободить курс «Введение в языкознание» от монополии романо-германистики и перестроить его в союзных и автономных республиках СССР так, чтобы в основном он иллюстрировался примерами из языков народов этих республик. Ведь все положения современного советского языкознания могут быть прекрасно подтверждены фактами из родного языка учащихся. А если так — все будет понятно, увлекательно, интересно. Исчезнет всякий намек на механическое зазубривание, наоборот: слушатель привыкнет смотреть на свой родной язык по-новому — более глубоко и разносторонне. И за это «прозрение» он сторицей вознаградит своего преподавателя-языковеда: сколько нового, неизвестного лингвистического материала получит этот последний! И какими убогими и трафаретными покажутся ему единичные примеры из «восточных языков» (иногда и неверные), которые приводят старые пособия! Нам кажется, что внесенное нами предложение действительно способно оживить преподавание языкознания и поднять его на соответствующую современным требованиям высоту.

Итак, мы предлагаем построить дифференцированный курс «Введение в языкознание», т. е. дать национальные варианты этого курса для национальных вузов: тюркский (для «тюркоязычных» республик и областей СССР), финно-угорский, иберийско-кавказский, северный и другие по числу главнейших языковых групп. При этом необходимо, чтобы не столько основное изложение, сколько иллюстративный материал книги (примеры) был представлен именно на языках данной группы и, само собой разумеется, на русском языке, значение которого для наших республик теперь уже не нужно доказывать.

А как же быть с вариантами курса, основанными на санскрите, античных и романо-германских языках? Их можно было бы оставить для таких вузовских аудиторий, для которых эти языки доступны. Мы имеем в виду педагогические институты иностранных языков и, может быть, отдельные студенческие группы МГУ и ЛГУ. Для нас также совершенно ясно, что необходимо иметь русско-славянский вариант курса.

Возможно, что некоторые частные замечания, высказанные нами, встретят возражения, тогда их надо обсудить, но центральная мысль этой заметки кажется нам настолько несомненной, настолько аксиоматичной, что мы позволили себе обратиться на нее внимание читателя.

Ю. Р. ГЕПНЕР

(ХАРЬКОВ)

О ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

1

Содержание, принципы и методы изложения курса «Введение в языкознание» целиком определяются тем местом, которое он занимает в системе марксистского филологического образования. Акад. В. В. Виноградов справедливо указывает, что курс «Введение в языкознание» призван дать о с н о в ы филологического образования, «...заложить в сознании студентов фундамент марксистско-ленинского понимания языка, как общественного явления, в его историческом развитии, внушить им ясное и точное понимание всех сторон и элементов языка, как системы, раскрыть перед ними содержание и задачи общего языкознания и отчасти научить их „мыслить лингвистически“»¹.

Разрешить все эти задачи образовательного и воспитательного характера в элементарном курсе общего языкознания (а «Введение в языкознание» может быть только таким элементарным курсом) — дело трудное, сложное и в высшей степени ответственное. Здесь больше чем в какой-либо другой лингвистической дисциплине требуется сочетание высокой квалификации преподавателя с его методическим мастерством: нужно в доступной форме, на высоком идейно-теоретическом уровне дать основы общего языкознания, составляющие базу для усвоения всех дисциплин языковедческого цикла, связанных со специальностью студента. Кроме того, не следует забывать, что языкознание как общественная наука, назначение которой — изучение внутренних законов развития языка, связано с историческими и философскими науками, а отчасти (по линии фонетики) — с науками естественными. Поэтому перед преподавателем курса «Введение в языкознание» (как и курса «Общее языкознание») стоит ответственная задача — показать студентам с п е ц и ф и к у языкознания как общественной науки, место языкознания в системе общественных наук. Без разрешения этой задачи нельзя научить студентов «мыслить лингвистически», нельзя возбудить интерес к общему языкознанию и к той его отрасли, по которой специализируется студент.

Наряду с трудностями, вытекающими из содержания и задач курса, необходимо отметить и те, которые имеют своим источником недостаточную подготовку студентов-первокурсников по русскому, а в национальных республиках и областях — и по родному языку, а также по тому иностранному языку, который изучается в школе. Материалом для обобщений на I курсе могут служить факты, привлеченные из указанных языков, а круг вопросов, охватываемых общим языкознанием, включает в себя данные языков самого различного строя. Школа призвана дать о с н о в ы науки о языке, но существующие школьные учебники и программы решают эту задачу далеко не

¹ В. В. Виноградов, Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам..., сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1950, стр. 199.

в полной мере. Разрыв между научной и школьной грамматикой существует не только в таких вопросах, как отношение письма и языка или анализ морфологического состава слова, и, несомненно, не прав А. А. Реформатский, усматривающий наибольшие затруднения в смысле «разрыва» именно в них².

Фонетику и морфологический состав слова студенты усваивают сравнительно легко, и в этом школьная традиция не является сильной помехой. Гораздо сложнее обстоит дело с понятием грамматической категории и грамматической формы, с анализом категорий имени и глагола, с теорией предложения и его типов, с вопросом о соотносительности предложения и суждения, с критикой логической, психологической и морфологической концепций предложения и его членов, с вопросами о природе грамматической абстракции, о морфологической классификации слов и частях речи, о соотношении членов предложения и частей речи и др. Известные трудности имеются и при изложении классификации языков, если не ограничиваться одним лишь перечнем языковых семей и групп, а давать хотя бы самую общую характеристику грамматического строя отдельных языков, входящих в ту или иную семью.

Разрыв между научной и школьной грамматикой — факт несомненный, и последствия этого разрыва сильно ощущаются в вузах. Помимо «упрощений», явно идущих вразрез с наукой (определение сложного предложения, схема второстепенных членов предложений и др.), преподавание грамматики в школе не подготавливает еще студента к пониманию языка как системы, к уяснению взаимодействия и взаимосвязи всех элементов этой системы.

К сказанному надо добавить, что и сведения по логике и психологии у первокурсников недостаточны для того, чтобы преподаватель мог опираться на материал этих дисциплин в соответствующих разделах курса «Введение в языкознание». Все это в значительной мере усложняет чтение указанного курса, так как обязывает преподавателя часто перестраивать понятия, вынесенные учениками из школы, выходить за чисто языковедческие рамки, не забывая ни на минуту, что центральная задача — дать о с н о в ы я з ы к о з н а н и я как науки о языке.

2

Какова должна быть архитектура курса? А. А. Реформатский, полагая, что изложение всех общих вопросов в н а ч а л е к у р с а может оказаться догматичным, что масса непонятных терминов «оглушает» студентов, рекомендует начинать с тех вопросов об общественной сущности языка, которые не требуют от слушателей специальных лингвистических знаний (отношение языка к базису и надстройке; язык — не классовое явление; связь языка и мышления). Далее, по мнению этого автора, должен быть дан специальный раздел «...о системе языка и ее структурных элементах с разъяснением функций каждого элемента и их взаимосвязи в структуре»³. За этим следует изложение разделов лексики, фонетики и грамматики, после чего, согласно схеме «рамочной конструкции», нужно снова возвращаться к общим вопросам, но используя уже факты из предыдущих разделов. К таким завершающим курс общим вопросам А. А. Реформатский относит следующие: характер исторических изменений в языке, внешние факторы и внутренние законы развития языка, скрещивание языков, классификацию языков (с предварительным изложением основ сравнительно-

² См. А. А. Реформатский, Курс «Введение в языкознание»..., «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 59 и сл.

³ Там же, стр. 61—62.

исторического метода), происхождение языка. Последний раздел курса должен освещать вопросы о развитии языков и диалектов в условиях различных общественных формаций и о тенденциях развития национальных языков в условиях окончательной победы коммунизма. Завершает курс тема «Место языкознания в системе наук».

Итак, по схеме А. А. Реформатского, общие вопросы курса разбиваются на две части, из которых первая излагается до специально лингвистических вопросов, а вторая после них. Такой разрыв нанес бы несомненный ущерб как общей, так и специальной части курса. В самом деле, уже анализируя признаки, отличающие язык от надстройки, преподаватель должен сказать, что развитие языка происходит не так, как развитие надстройки, что язык есть продукт ряда эпох и т. п. Возможно ли, учитывая это, перенести вопрос об исторических изменениях в языке на конец курса? Не будет ли тогда все изложение сущности языка догматическим? Или как можно говорить о том, что язык был общим и единым для всех членов общества на всех этапах развития языка, и отложить на долгое время общую характеристику этих этапов? Как можно доказывать, что национальные языки, вопреки утверждениям акад. Н. Я. Марра, являются не классовыми, а общенародными, а анализ самого понятия «национальный язык как историческая категория» перенести на конец курса? Не будет ли это тем же догматизмом, которого справедливо опасается и сам А. А. Реформатский?

Вообще надо сказать, что трудно провести грань между вопросами курса, которые требуют от студентов специальных лингвистических знаний, и вопросами, которые якобы таких знаний не требуют. «Специальные» вопросы должны пронизывать «общие» — и наоборот. Нельзя говорить, например, о разворачивании и совершенствовании основных элементов существующего языка, не показывая на фактах из истории конкретных языков, в чем именно заключается это совершенствование (стремление к унификации форм, устранение параллелизма и т. п.). И, с другой стороны, нельзя, характеризуя язык как систему («специальный» вопрос), не сказать не только о специфике системности в лексике, фонетике, грамматике, но и о том, что система языка претерпевает исторические изменения. И разве можно, говоря об элементах структуры языка, «отложить» на несколько месяцев изложение вопроса о внутренних законах развития языка, охватывающих все элементы этой структуры и своеобразно проявляющихся в каждом из этих элементов? Историзм в подходе к фактам языка, к языку как общественному явлению, к языку как к системе требует целостного изучения вопросов о сущности языка, его происхождения и развитии. Да и с чисто методической точки зрения, например, анализируя положение, что «язык есть достояние коллектива», необходимо раскрыть конкретно-историческое содержание понятия «коллектив» (род — племя — племенной союз — народность — нация; в условиях окончательной победы коммунизма — все человечество).

Разве не ясно, далее, что вопрос о диалектах всплывает на первых же лекциях, когда речь идет о сущности языка как явления неклассового? ⁴ Неужели же о диалектной дифференциации языков, о взаимоотношении диалектов и общенационального языка надо говорить только после того, как пройдены разделы лексики, фонетики, грамматики? А на такой именно точке зрения стоит А. А. Реформатский⁵. Примеры из лексики и других разделов можно приводить и до их изучения. Вся суть в подборе этих примеров, в их понятности, доступности для студентов.

⁴ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 14—17.

⁵ См. А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 61.

Если следовать схеме А. А. Реформатского, то о предмете языкознания как науки, об основных проблемах, которые ставит и разрешает эта наука, можно говорить только лишь в конце курса. Действительно, и проблема сущности, происхождения и закономерностей развития языка, и проблема специальных методов изучения языков, и проблема содержания основных языковедческих понятий и др. могут быть освещены должным образом лишь на базе фактов—языковых, исторических, философских и пр. Но в о б щ е й п о с т а н о в к е эти проблемы могут быть даны во вступительной лекции, ибо надо же ознакомить студентов с предметом той науки, которую они начинают изучать.

В ы в о д ы: 1. Общие вопросы курса «Введение в языкознание» (сущность языка; его происхождение; закономерности его развития; язык — система; национальный язык и диалекты; понятие литературного языка; возникновение и развитие литературных языков; интеграция и дифференциация языков и др.) должны излагаться в развернутом и связанном виде до разделов, трактующих о структурных элементах языка. Тема «Происхождение языка» должна предшествовать темам, трактующим о развитии языка. Марксизм требует, чтобы все явления изучались в их в о з н и к н о в е н и и и р а з в и т и и. (А между тем, хотя второй раздел программы курса «Введение в языкознание» правильно озаглавлен: «Язык, его общественная сущность, п р о и с х о ж д е н и е и р а з в и т и е», но дальше изложение почему-то построено по принципу: р а з в и т и е языка, его происхождение.)

2. Такой общий вопрос, как классификация языков, методологически и методически целесообразно освещать в конце курса, когда у студентов уже накоплен фактический материал, дающий возможность понять суть типологической классификации, характеристику (самую общую) грамматического строя языков различных семей, принципы сравнительно-исторического метода изучения родственных языков, приемы реконструкции языковых фактов прошлого, предпосылки и сферы применения этого метода и т. д.

3. Структурные элементы языка следует излагать, начиная с лексики. В этом А. А. Реформатский прав. Не только учение о фонеме должно опираться на лексикологию (система фонем каждого языка должна изучаться не «в себе», а на словарном материале; спор о вариантах и вариациях может быть решен опять-таки в плане лексико-морфологическом и т. д.), но и такие категории фонетики, как слог, ударение и его типы, фонетическое членение речи, звуковые изменения и т. п., находят свое раскрытие только в слове, в речи.

3

В заключение сделаем некоторые частные замечания по отдельным разделам курса.

1. В разделах, трактующих о сущности и происхождении языка (они должны тесно примыкать друг к другу), по моему мнению, нужно изложить учение акад. И. П. Павлова о второй сигнальной системе.

2. Необходимо с п е ц и а л ь н о выделить вопрос о внутренних законах развития языка (в существующей программе даже не упоминается это понятие, хотя много говорится о развитии языка). Ввиду сложности проблемы надо очертить рамки ее изложения в элементарном курсе общего языкознания. Наиболее существенными, на наш взгляд, являются следующие положения: а) изучение внутренних законов развития языка — главная задача языкознания⁶; б) познать внутренние законы развития языка — значит изучить законы, свойственные языку как специфическому общественному

⁶ См. И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

явлению, значит изучить законы, свойственные данному языку; в) в задачу языкознания входит исследование путей и форм связи законов развития языка с законами развития общества, с историей народа — творца и носителя языка; г) марксизм-ленинизм признает относительную самостоятельность в развитии отдельных фактов языка; нельзя объяснять все изменения в структуре языка прямо и непосредственно общественными причинами; нельзя игнорировать внутреннюю логику развития тех или иных грамматических форм, категорий и т. п.; д) закономерные связи между развитием языка и развитием общества прослеживаются на следующих фактах: формирование и развитие национальных языков в эпоху капитализма и социализма; связь языкового родства с общностью исторического развития; связь путей и форм создания литературного языка с историей народа; взаимоотношение литературного языка и диалектов; связь явлений интеграции языков с историей общественного развития и др. (все это должно быть иллюстрировано примерами); е) в разных элементах структуры языка (в фонетическом строе, лексике, грамматическом строе) внутренние законы проявляются по-разному; ж) признать относительную самостоятельность в развитии отдельных элементов структуры языка — не значит элиминировать их от связи с развитием общества.

Специальная тема: «Внутренние законы развития языка» должна быть заключительной для второго раздела программы, содержащего общие вопросы курса. Тема эта одновременно явится установочной для последующих разделов. От основных положений этой темы надо исходить и к ним же надо возвращаться при изучении звуковой системы и звуковых изменений языка, при изучении лексики, грамматики.

3. Раздел грамматики должен начинаться (а не заканчиваться, как это имеет место в программе) с анализа сталинского определения ее сущности, структуры, с выяснения вопроса о равноправии и взаимосвязи морфологии и синтаксиса. Далее выясняются соотношения понятий «грамматика» (раздел науки о языке) и «грамматический строй». Среди основных понятий грамматики на первое место должны быть поставлены грамматические категории и формы их выражения, так как они определяют тип грамматического строя языка. Грамматические категории являются результатом исторического развития грамматического строя. В языках нет «таблицы категорий» как застывших общих грамматических понятий. Система грамматических категорий подвижна, исторична и обусловлена в своем движении изменениями в грамматическом строе языка. Поэтому совершенно необоснованно утверждение А. А. Реформатского, что путь изучения материала грамматики «от категорий» чреват опасностью «...примыслить в язык то, чего в нем на самом деле нет»⁷: не обоснована боязнь «скатиться» от грамматических категорий к «понятийным категориям». У Реформатского речь идет о двух методических приемах — «от категорий» или «от грамматических способов». Грамматические категории не станут источником всякого «примысливания» в язык того, что в нем не существует, если рассматривать их не изолированно, а в связи с грамматическими значениями и формами слов, т. е. так, как они только и могут функционировать в языке.

Нельзя согласиться и с тем, что, по системе Реформатского, круг морфологических категорий в курсе «Введение в языкознание» должен быть ограничен частями речи и категориями времени и наклонения. Последним двум автор отводит только роль средства объяснения предикации в синтаксисе. А время и наклонение — как раз пример наиболее

⁷ А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 64.

многозначных грамматических категорий, и сопоставление их с другими категориями глагола имеет большое образовательное значение.

Подробный анализ морфологических и синтаксических категорий, их связи и различия с категориями логики показывает студентам природе грамматической абстракции, различную степень ее, обнаруживающуюся в разных грамматических категориях (например, в категории падежа имени существительного по сравнению с категорией рода и числа; в категории вида глагола по сравнению с категорией времени и т. п.). Отграничение грамматических категорий от логических создает базу для понимания студентами различия между предложением и суждением, между частями суждения и членами предложения и т. д.

То, что в средней школе воспринималось чисто догматически (род, число, падеж, наклонение и др.), на фактах лишь тех языков, которые изучаются по программе, в вузе раскрывается во всей глубине и демонстрируется на разностороннем языковом материале. Опыт показывает, что при умелом подборе такого материала⁸ студенты усваивают суть вопроса достаточно глубоко.

4. Серьезным недостатком существующей программы по курсу «Введение в языкознание» является отсутствие в ней раздела, посвященного критике реакционной зарубежной лингвистики, в первую очередь американо-английской. Раздел этот должен даваться в к о н ц е к у р с а и содержать развернутый критический анализ основных «течений» и «направлений» реакционного зарубежного языкознания. В курсе «Общее языкознание» вопрос этот ставится более глубоко и широко. Далее, в программе слабо отражен вопрос о приоритете отечественной лингвистики. А между тем в разных разделах курса следовало бы предусмотреть указание на роль выдающихся представителей дореволюционного и советского языкознания в разработке отдельных проблем науки о языке (Ломоносова, Востокова, Потебни, Срезневского, Шахматова, Виноградова, Булаховского и др.). Более углубленное рассмотрение этих вопросов должно иметь место опять-таки в курсе «Общее языкознание».

⁸ Образцы его применительно к категориям рода и числа приводит Р. А. Б у - д а г о в (см. его статью «К постановке курса „Введение в языкознание“...», «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 70—83).

Н. А. СЛЮСАРЕВА и Е. И. ШЕНДЕЛЬС

К ОБСУЖДЕНИЮ КУРСА «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

Редакция журнала «Вопросы языкознания» совершенно правильно поступила, своевременно открыв на своих страницах дискуссию по вопросам преподавания курса «Введение в языкознание», так как значение этого курса очень велико. От его успешной постановки зависит во многом усвоение студентами всех теоретических языковедческих дисциплин.

На основании чтения курса «Введение в языкознание» в 1 Московском государственном педагогическом институте иностранных языков мы пришли к некоторым выводам по поводу построения этого курса, которыми и хотим поделиться здесь в порядке обсуждения. Характеризуя некоторые вопросы, мы, естественно, будем критиковать и существующую программу данного курса¹.

В статье А. А. Реформатского совершенно правильно отмечается, что курс в основном состоит из двух частей — общей и специальной. Они не равнозначны ни по своему составу, ни по характеру, ни по объему. Если общая часть не требует от слушателя специальных знаний, то вторая вводит студента-языковеда в специальность, знакомит его с лингвистической терминологией, раскрывает содержание основных понятий, с которыми ему придется иметь дело как исследователю или как преподавателю языка.

Однако мы не можем согласиться с предложенным А. А. Реформатским распределением материала. Общая часть знакомит с основными положениями сталинского учения о языке, определяет методологический подход к исследуемому материалу, и потому ее нужно читать первой. Проблемы, поднятые И. В. Сталиным в его гениальных трудах по языкознанию, излагаются им в столь простой и ясной форме, что усвоение их в начале курса нисколько не затрудняет студента, тем более, что школа дает минимум необходимых знаний в области общественных наук.

После вводного раздела, включающего характеристику науки о языке, изложение этапов ее развития и освещение значения работ И. В. Сталина, необходимо перейти к ознакомлению студентов с отдельными сторонами сталинского учения о языке.

В педагогических институтах при изложении этого раздела следует остановиться на значении теоретического изучения как родного, так и иностранного языка для их преподавания; специфика этого типа вуза должна быть отражена во всех теоретических курсах.

1

В первый раздел курса мы предлагаем включить следующие темы, расположив их в указанном порядке.

1. Язык как общественное явление.

В связи с этой темой дается проблема взаимосвязи языка и мышления,

¹ См. «Программу по введению в языкознание», М., 1951.

которая может вызвать некоторые трудности при изложении. Однако не надо преувеличивать эти трудности, так как студенты еще со школы знакомы в элементарной форме с основными положениями ленинской теории отражения и с учением академика Павлова.

2. Отличие языка от других общественных явлений.

3. Общепородный характер языка.

4. Происхождение языка.

Нет смысла эту тему относить на конец курса, как это предлагает А. А. Реформатский, или помещать ее в конце второго раздела, как это сделано в «Программе», так как ее освоение не представляет особых трудностей для студентов, знакомых с вопросами происхождения человека. Работы Ф. Энгельса и И. В. Сталина, связанные с этой проблемой, также знакомы учащейся молодежи.

5. Развитие языка от племенных языков к языку народности и далее к языку нации.

6. Основные тенденции развития языков в будущем коммунистическом обществе, указанные И. В. Сталиным.

Все эти темы (четвертая, пятая и шестая) трактуют общественные условия развития языка в разные, но следующие один за другим периоды развития человечества. Поэтому они не могут быть разобщены, оторваны друг от друга, как предусмотрено «Программой».

Основные процессы развития языков (дифференциация и интеграция)² должны рассматриваться в связи с предыдущими темами. Выделение их в самостоятельный параграф (см. «Программу») приводит к неизбежным повторениям. Изложение сущности скрещивания, являющегося частным случаем интеграции, должно предшествовать шестой теме, так как это даст возможность показать особенности скрещивания при развитии языков до эпохи коммунизма и характерные черты слияния языков в будущем коммунистическом обществе.

7. Диалектная дифференциация живых языков. Лингвистическая география.

8. Литературный язык, его возникновение и развитие.

Темы седьмая и восьмая также представляют собой определенное единство. Мы считаем неудачным помещение их в «Программе» до тем, освещающих развитие языка, потому что это приводит к отрыву процесса возникновения диалектной дифференциации и создания литературного языка от породивших их общественных условий. Однако общее понятие о диалектах, классовых и территориальных, должно быть дано значительно раньше в связи с темой об общепородном характере языка.

9. Генеалогическая классификация языков.

Нам представляется целесообразным поместить эту тему до специальных языковедческих вопросов, так как при изложении последних мы неминуемо сталкиваемся с распределением языков по группам, с понятием родства языков. Конечно, генеалогическую классификацию приходится давать в общих чертах, без лингвистических обоснований, относимых нами на завершающий этап курса. При предлагаемой нами последовательности в распределении материала лектор получает возможность ссылаться на факты из истории разных языковых групп, не объясняя каждый раз их состава. Так, например, при изложении сингармонизма достаточно будет дать справку о том, что с этим явлением мы встречаемся в тюркских языках, и обойтись без пространного объяснения того, какие языки называются

² Термины *дифференциация* и *интеграция* явно неудачны, их лучше было бы заменить терминами *дробление* и *слияние*, тогда скрещивание будет рассматриваться как частный случай слияния языков.

тюркскими, что мы вынуждены были бы сделать, вводя новый термин. Мы уже не упоминаем о том, что на протяжении всего курса оперируем терминами *индоевропейский, славянский, романский, германский* и т. п. Еще А. И. Томсон и В. К. Поржезинский считали, что необходимо знакомить студентов с генеалогической классификацией языков до освещения специальных вопросов; это отражено в их курсах.

Закончить эту тему следует вопросом о наиболее распространенных языках современности и о роли русского языка как общесоюзного языка межнационального общения первого в мире социалистического государства.

После вышеизложенных тем мы считаем возможным перейти к специальным проблемам курса, перенося в заключительную часть наиболее сложные темы, требующие большего запаса лингвистических знаний: «Язык как система» и «Внутренние законы развития языка».

2

Вопрос о том, в каком порядке излагать структурные элементы языка, является несколько спорным. По нашему мнению, целесообразнее начинать с фонетики. В этом же убеждает нас опыт многих старых курсов. Постараемся привести некоторые соображения по этому поводу. Слова являются как бы строительным материалом нашего языка, но они состоят из звуков. Поэтому, прежде чем перейти к изучению слова, необходимо познакомиться со звуковым составом языка, его особенностями, способностью к изменению и т. п. Знакомство студента со звуковыми изменениями облегчит ему усвоение как раздела об изменении значения слов, так и раздела о грамматических средствах языка.

Разделы «Программы», посвященные учению о словарном составе (лексикология) и грамматическом строе (грамматика), должны излагаться один вслед за другим, так как именно в этих разделах студенты получают представление об основе звукового языка, сущности его специфики. Введение между ними раздела фонетики создало бы искусственный разрыв.

Необходимо более ясно, чем это сделано в «Программе», определить положение и очертить границы раздела «Словообразование». Он должен быть помещен между лексикологией и грамматикой в качестве своеобразного связующего звена. Кроме того, в «Программе» следует больше места уделить вопросам синтаксиса. Разумеется, что каждый специальный раздел курса нужно начинать с основополагающих высказываний И. В. Сталина по данному вопросу.

3

Заключительный раздел курса мы рекомендуем начинать с темы «Язык как система». Показ системного характера языка, взаимосвязи и взаимообусловленности его сторон требует привлечения большого иллюстративного материала, который лишь к этому времени накапливается у студента. На его основе можно привлечь и новый материал. Таким образом, эта тема не только пополнит знания студентов, но и подытожит и обобщит все пройденное.

От системы языка легко перейти к освещению проблемы внутренних законов развития языка. Опыт показывает, что если затрагивать эти вопросы вначале, то они остаются в большинстве случаев непонятными для студентов. Совершенно естественно, что при изложении этих проблем еще раз будут повторены основы сталинского учения о языке. Курс получает, вследствие этого, закономерное завершение. Тему «Место языкознания в системе наук» мы рекомендуем перенести во вводный раздел, где дается общая характеристика языкознания как науки.

4

В заключение нам хотелось бы затронуть некоторые вопросы, не обсуждавшиеся в статьях А. А. Реформатского и Р. А. Будагова. Во-первых, следует подумать о том, в какой мере и в каких разделах надо касаться критики «теории» акад. Н. Я. Марра.

Совершенно бесспорно, что перед студентами должна быть развернута критика тех положений так называемого «нового учения» о языке, которые с гениальной простотой были охарактеризованы И. В. Сталиным как ошибочные, антинаучные и немарксистские. К ним прежде всего относятся высказывания Н. Я. Марра о «надстроечном» характере языка, о «классовости» языка, теория взрывов и скрещения языков (именно эти положения нанесли наибольший вред языкознанию и от них не свободны были работы даже некоторых противников Марра). Критику теории ручного языка нужно давать в связи с характеристикой роли звукового языка в истории человечества.

В курсе «Введения» можно совершенно опустить рассуждения Н. Я. Марра о «трудмагическом действии» и элементарном анализе, потому что даже критическое освещение этих рассуждений предполагает более или менее подробное их изложение, что вызывает законное недоумение студентов и загромождает курс. Нам представляется более целесообразным перенести критическое рассмотрение этих положений из элементарного курса «Введения» в курс «Общее языкознание».

Критике стадильной классификации отведен в «Программе» самостоятельный параграф. Это не оправдывает себя, так как в целях стройности изложения лучше касаться данного вопроса в связи с критикой теории взрывов и в связи с характеристикой морфологической классификации языков. Эти последние положения марровской «теории» не нашли широкого освещения в лингвистической литературе, с которой студенту придется столкнуться в процессе работы над теорией языка. Поэтому мы и предлагаем перенести критику их в курс «Общее языкознание», который студенты слушают перед выходом на широкую дорогу самостоятельной работы. Нельзя забывать и того обстоятельства, что дискуссия по вопросам языкознания имела место более двух лет назад, что сегодняшние студенты получили в школе знания по языку на основе сталинского учения. С ошибочными высказываниями Н. Я. Марра и его последователей они, в массе своей, совершенно незнакомы.

Во-вторых, нам хотелось бы обсудить вопрос о подаче позитивного и критического материала. Мы считаем, что лучше всегда давать сначала решение проблемы, основанное на марксистско-ленинской методологии, а затем с этих позиций подходить к критике неправильных положений чуждых нам теорий. Такая методика преподнесения материала безусловно способствует лучшему усвоению предмета. Однако составители программы по «Введению» в некоторых случаях предлагают обратный порядок, в частности, по проблеме происхождения языка, которая начинается с изложения многочисленных идеалистических теорий.

В заключение следует отметить, что интересно было бы обсудить не только построение курса «Введение в языкознание» и разработку отдельных проблем его, но также и содержание и методику проведения семинарских занятий по этому курсу. Высказывания по этим вопросам могут составить предмет особой статьи.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

До революции 1921 г. образование и наука в Монголии находились на самом низком уровне. Не представляло исключения и языкознание. А между тем жизнь с первых же дней революции потребовала от едва зародившегося монгольского языкознания ответа на многие, подчас трудно разрешимые вопросы развития и совершенствования монгольского языка и письменности.

Ученым Монгольской Народной Республики, группировавшимся вокруг Комитета наук, необходимо было прежде всего обеспечить немедленное решение проблемы широкого развертывания народного образования и массовой ликвидации неграмотности — этого наследия феодализма. Нужно было создать учебные пособия по монгольскому языку для учителей и учащихся, организовать подготовку педагогических и научных кадров и т. д. Другая неотложная задача — сближение письменного языка с современным общенародным языком монголов, ликвидация двуязычия, тормозившего развитие национальной культуры, — также требовала серьезных усилий со стороны монгольских языковедов.

Коренные изменения в политической жизни страны, быстрое развитие ее экономики и культуры вызвали большие изменения в словарном составе монгольского языка. В связи с этим лингвистам МНР пришлось проделать большую лексикографическую и терминологическую работу.

К числу самых насущных задач относилась и задача реформы старой вертикальной письменности, заимствованной монголами от уйгуров еще в XIII в. Эта письменность серьезно затрудняла дело обучения современному монгольскому языку народных масс, поскольку она была неспособна передавать фонемы живой речи и графически была очень несовершенна. Над решением всех этих задач и работали монгольские лингвисты Комитета наук и Министерства просвещения МНР в довоенный период. В те годы вышел в свет ряд учебников и учебных пособий по монгольскому языку для школ и техникумов. Лексикографы составляли словари и терминологические справочники по отдельным областям знаний: географии, математике, физике и т. д.

Большой интерес представляет целая серия трудов, объединенных общим заглавием «Монгол хэл бичгийг сайжруулах бодлогын угуулэл» («Вопросы улучшения монгольского языка и письменности») и имевших целью способствовать развитию и совершенствованию монгольского языка. В 1934—1935 годах вышло девять выпусков этой серии. Все они явились крупным вкладом языковедов в дело разработки проблем национальной культуры Монголии.

Перед войной вышла и грамматика Ш. Лувсанвандана, представляющая собой первую в истории страны попытку дать основательное описание грамматического строя монгольского языка. До революции интересы монгольских филологов не простирались дальше вопросов письменности и орфографии. К тому же их работы не были рассчитаны на массового читателя.

В те же годы проводилась подготовка к реформе письменности. Первая попытка перехода на новый алфавит была предпринята в 1930—1931 годах. Однако практически этот вопрос был поставлен в 1940 г. Инициатива принадлежала покойному маршалу Чойбалсану, который не только указал на необходимость реформы, но и дал ряд руководящих указаний относительно путей ее проведения. Он ориентировал комиссию по реформе письменности не на латинскую основу, как это первоначально проектировалось, а на русскую и рекомендовал при разработке орфографии и новых грамматических правил опираться на нормы современного монгольского языка¹.

¹ См. Ц. Дамдинсүрэн, О принципах новой монгольской орфографии, «Краткие сообщения Ин-та востоковедения», II, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 31—37.

В ноябре 1941 г. комиссия представила проект нового алфавита и орфографии, который и был несколько позже с небольшими изменениями принят для практического применения. Начало же введения в жизнь нового алфавита относится к 1 января 1946 г. На первых порах дело ограничилось преподаванием в школе и применением новой письменности в прессе. А позже на новую письменность было переведено все издательское дело, в середине же 1950 г. — и все делопроизводство в стране.

Таким образом, разработка нового алфавита и орфографии была быстро и успешно закончена. Благоприятный исход столь важного для монгольского народа дела был обусловлен тем, что во главе комиссии нового алфавита стоял Ю. Цэдэнбал — один из ближайших соратников маршала Чойбалсана, ныне премьер-министр Монгольской Народной Республики. Ближайшим помощником Ю. Цэдэнбала был Ц. Дамдин урэн — выдающийся монгольский поэт и ученый, возглавляющий в настоящее время Комитет наук МНР.

Ц. Дамдинсурэн у принадлежит ряд пособий и руководств по новой письменности. Самая ранняя из его работ такого рода была опубликована в 1942 г. (еще на основе старой графики и орфографии)². Она является тем проектом нового алфавита и орфографии, который был представлен комиссией в ноябре 1941 г. на утверждение ЦК Монгольской народно-революционной партии и Правительства МНР. Другая работа Дамдинсурэна издана в 1946 г.³, когда новая письменность уже была введена в действие. В этой работе Дамдинсурэн пользуется новой письменностью и излагает орфографию с учетом тех изменений, которые были приняты после 1941 г. В том же 1946 г. был выпущен букварь для начальной школы⁴, составленный Дамдинсурэном по заданию Правительства МНР. Тем самым Дамдинсурэн положил начало обеспечению школьников учебными пособиями. Под редакцией Дамдин урэна и Лувсанвандана в 1942 г. вышел в Улан-Баторе первый в истории монголов «Русско-монгольский словарь»⁵. Выход его в свет явился показателем больших успехов монгольского языкознания. Издан он на основе новой графики и орфографии.

Однако указанные выше пособия не могли разрешить все вопросы, связанные с новой орфографией. Это обстоятельство неоднократно подчеркивал Ц. Дамдинсурэн, рекомендуя при колебаниях и сомнениях в написании того или иного слова обращаться к орфографическому словарю. Но такого словаря до последнего времени у монголов не было. Он вышел лишь в 1951 г. в Улан-Баторе под редакцией Дамдинсурэна и Я. Цэвэла⁶. С появлением этого словаря большинство неясных и спорных вопросов орфографии оказались решенными. Нет, правда, еще достаточной ясности в вопросах пунктуации, орфографии интернациональных слов, обозначения подлежащего и некоторых других. Эти вопросы стоят в центре внимания лингвистической общественности МНР. Впрочем, не в этих вопросах сейчас главное. Главная задача языковедов МНР заключается в настойчивом внедрении новой письменности в жизнь, в реализации задач, поставленных маршалом Чойбалсаном.

В языкознании и художественной литературе МНР наблюдается в настоящее время борьба нового со старым. Большинство писателей и лингвистов последовательно осуществляет указание маршала Чойбалсана о совершенствовании нового литературного языка на основе современного языка монголов. Они правильно и умело сочетают традиции и новаторство. Однако еще имеются писатели, тяготеющие к старине. Крупный монгольский писатель и лингвист Б. Ринчен, например, все время ратует за введение в новый литературный язык в возможно большем объеме элементов старого письменного языка. Такого рода теоретические посылки он реализует и на практике, прибегая в своем творчестве к архаическим формам, чуждым современному литературному языку. Общественность МНР уже отмечала, что перевод Ринченом на монгольский язык стихов Н. Хикмета — одного из лучших поэтов современности, активного борца за дело мира и демократии, осуществлен архаическим, мало понятным арамам языком. То же самое можно сказать и о переводе Ринченом стихов Г. Лео-нидзе, предисланных роману «Зоря в степи». Да и в своем романе «Зоря в степи» он допускает большое количество архаизмов, наличие которых ни нормами современного литературного языка, ни какими-либо литературно-эстетическими мотивами оправдать нельзя.

Совершенно очевидно, что попытки воскрешения старого письменного языка не могут увенчаться успехом: новое непременно победит старое. Монгольские писатели и лингвисты уже сегодня добились больших успехов в области формирования и совершенствования литературного языка.

Решение указанных выше задач требовало проведения большой и глубокой теоретической работы на основе достижений марксистско-ленинского языкознания. Однако

² Ц. Д а м д и н с у р э н, Шинэ усгийн дурэм, Улан-Батор, 1942.

³ Е го же, Монголын шинэ усгийн товч дурэм, Улан-Батор, 1946.

⁴ Е го же, Монгол усэглэл, Улан-Батор, 1946.

⁵ Орос-монгол толь, Улан-Батор, 1942.

⁶ Шинэ усгийн зов бичих тухай толь бичиг, Улан-Батор, 1951.

на этом пути монгольские ученые встретили серьезное препятствие — «новое учение» о языке Н. Я. Марра и его последователей. До 1950 г. в МНР некоторые лингвисты проповедывали марровские или близкие к ним по своей вульгаризаторской сущности концепции. Наиболее типичным представителем этой группы был Б. Ринчен.

В работах Б. Ринчена и некоторых других монгольских языковедов можно было встретить и попытки элементарного анализа, и теорию скрещения языков, и марровское учение о классовом и надстроечном характере языка. Что касается теории скрещения языков, то Б. Ринчен придерживался ее и после выхода в свет трудов И. В. Сталина. В октябре 1950 г. была опубликована его статья «Значение слова»⁷. Лексикологическая часть работы не встретила серьезных возражений, но трактовка вопроса происхождения некоторых европейских языков дала повод Галараву⁸ упрекнуть Б. Ринчена в приверженности к марровской теории скрещения языков, разоблаченной в гениальных трудах И. В. Сталина по языкознанию.

Появление трудов И. В. Сталина по языкознанию было встречено в Монголии с большим удовлетворением. Они тотчас же были переведены на монгольский язык и опубликованы в печати. Члены Монгольской народно-революционной партии и Ревсомола, учащиеся и вся интеллигенция занялись глубоким изучением и пропагандированием сталинских положений, изложенных в работе «Марксизм и вопросы языкознания». Лингвисты МНР развернули энергичную деятельность. Они пересмотрели и исправили программы и учебные пособия по монгольскому языку, подвергли критике марровские ошибки, содержащиеся в работах отдельных ученых, провели ряд сессий и дискуссий.

Лингвистические сессии и дискуссии, проведенные Комитетом наук и Монгольским гос. университетом им. Чойбалсана за последние два года, дали мощный толчок дальнейшему развитию языкознания в МНР. Расширился круг проблем, занимающих монгольских лингвистов, найдено правильное решение ряда спорных вопросов, написаны новые труды и т. п. Перелом намечился решительно во всех областях лингвистики. Гениальные работы И. В. Сталина по языкознанию открыли широкие перспективы монгольским ученым, убедили их в необходимости более тщательного изучения языка, его специфики.

Если раньше терминологические вопросы решались в тиши кабинетов, в отрыве от жизни, языковой практики, то сейчас Государственная терминологическая комиссия обратилась к изучению тех реальных процессов, которые происходят в языке. Такой метод безусловно обеспечит плодотворность в работе лексикографов, до сих пор проходившей в значительной мере на холостом ходу. Это признают и монгольские ученые, получившие возможность после выхода в свет трудов И. В. Сталина по-новому оценить пройденный ими путь. Недавно Б. Содном, отчитываясь за работу Кабинета языка и литературы Комитета наук МНР, проделанную в течение 30 лет, указал, что в довоенных терминологических справочниках было много архаизмов⁹.

В таком же духе, т. е. без достаточного учета специфики языка, вели свою работу и некоторые грамматисты. Они, как и лексикографы, отгораживались от языка, искали закономерности не в конкретных фактах, а в готовых схемах.

В настоящий момент монгольские грамматисты изживают такого рода пороки. Об этом свидетельствуют их новые работы. Ш. Лувсанвандан и Б. Дэмчигдорж написали «Грамматику монгольского языка» (фонетика и морфология)¹⁰. Их книга предназначена для школьников, однако по своему характеру она представляет нечто большее, чем обычный учебник по монгольскому языку. В «Предисловии» авторы кратко излагают основы сталинского учения о языке, грамматическом строе и словарном составе языка. Они не ограничиваются простым изложением сталинских положений, а руководствуются ими при исследовании конкретных языковых фактов. Поворот в сторону более тщательного и конкретного изучения языка, его специфики ощущается во всех разделах книги. В тех местах, где речь идет о лексике, составители учебника впервые в монгольской лингвистической литературе предприняли попытку систематизации и осмысливания разных типов сложных слов, которые получили широкое распространение в монгольском языке, но третиrowались некоторыми авторами, объявлявшими их употреблением признаком плохого стиля¹¹.

Конкретный, соответствующий сталинскому учению о языке подход к грамматическому строю позволил Ш. Лувсанвандану и Б. Дэмчигдорж найти в современном монгольском литературном языке и такие глаголообразующие суффиксы, которые ни-

⁷ Журн. «Шинжлэх ухаан», Улан-Батор, 1950, № 2.

⁸ Газ. «Унэн» от 24 июня 1951 г.

⁹ Б. Содном, 30 жилд монголын хэл бичиг — утга зохиолын талаар хийсэн ажилууд, журн. «Шинжлэх ухаан», Улан-Батор, 1950, № 3.

¹⁰ Ш. Лувсанвандан и Б. Дэмчигдорж, Монгол хэлний зүй. Нэгдүгээр дэвтэр. Авиа ба угсийн зүй, Улан-Батор, 1951.

¹¹ См. Б. Содном, Монголын утга зохиолын хөгжлийн туухчилсэн толов, журн. «Шинжлэх ухаан», Улан-Батор, 1946, № 12—13.

кем доних в научной литературе не выделялись. Авторы фиксируют наличие в литературном языке деепричастий: последовательного (*хлаар*, со значением «как только»), цели (*аар*, со значением «чтобы») и замененного (*хаар*, *лаар*, со значением «вместо того, чтобы»), бывших ранее достоянием говоров. Много нового и интересного содержится и в других разделах книги. Например, указание на отсутствие числа у повелительно-желательных форм глагола, ссылка на происхождение некоторых деепричастных форм от причастных, попытка внести ясность в вопрос о настояще-будущем времени глагола и т. д.

За первой частью грамматики вскоре последовала и вторая (синтаксис). Она целиком написана Ш. Лувсанванданом¹². Теоретические основы и метод исследования автора синтаксиса тот же, что и в только что разобранный морфологии. Поэтому все сказанное об общем характере учебника по морфологии относится и к учебнику по синтаксису. И здесь стремление глубже проникнуть в специфику языка позволило Лувсанвандану подметить ряд интересных явлений и найти решение некоторых спорных вопросов в области синтаксиса монгольского языка.

Не вдаваясь в подробности, сошлемся лишь на трактовку вопроса о сложном предложении. До последнего времени в монголистике шел спор о наличии сложносочиненных предложений в монгольском языке. Лувсанвандан с полной категоричностью и во всеоружии фактов утверждает, что в монгольском языке имеются сложносочиненные предложения, и дает четкую характеристику их. К такому решению проблемы о сложносочиненном предложении склоняются в последнее время и многие наши советские лингвисты-монголисты. Однако это вовсе не означает, что Лувсанвандан несамостоятелен в своих выводах. Правильнее будет объяснить такое совпадение во взглядах монгольских и советских лингвистов на один из кардинальных вопросов синтаксиса монгольского языка тем, что они исходили из одних и тех же теоретических предпосылок и пользовались одинаковым методом исследования, указанным нам И. В. Сталиным. Новые успехи в деле изучения грамматики монгольского языка являются, таким образом, следствием применения сталинских положений о языке к конкретному анализу языковых фактов.

Оживление в монгольском языкознании, обусловленное выходом в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», выразилось также и в усилении интереса к истории языка и диалектологии. Это и понятно, если учесть гениальные сталинские положения о законах развития языка и сравнительно-историческом методе в языкознании, дающие четкую программу исследователю. Монгольские лингвисты нашли в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» также конкретные указания по истории развития монгольских языков.

Проблемам истории монгольского языка и диалектологии посвящена, в частности, статья Н. Шарав-Иш «Некоторые вопросы развития языка», опубликованная совсем недавно в монгольской печати¹³. Шарав-Иш выдвигает ряд вопросов исторического развития монгольского языка, ставя их в связь с актуальными проблемами языкового строительства в Монгольской Народной Республике на современном этапе. В заключительной части статьи автор призывает Комитет наук, Государственный университет и Пединститут заняться исследованием говоров, справедливо замечая, что такого рода работа поможет установить правильную точку зрения на процесс формирования национального языка.

В настоящее время монгольские лингвисты заняты всесторонним и глубоким изучением грамматического строя и словарного состава монгольского языка. Коллектив авторов работает над русско-монгольским словарем, включающим 50 тыс. слов. Ввиду того огромного интереса к русскому языку и литературе, какой наблюдается в МНР, этот словарь явится настольной книгой для партийного актива, интеллигенции и учащихся МНР. А интерес к русскому языку велик: недавно две газеты (ревсомольская и профсоюзная) ввели на своих страницах отдел «В помощь изучающим русский язык». Большую работу проделал Ш. Цэвэг, составивший монгольско-русский словарь на 30 тыс. слов. Эта лексикографическая работа представит большой теоретический и практический интерес.

Наконец, нужно отметить толковый словарь, над составлением которого работает Я. Цэвэл. Автор намерен дать с соответствующими комментариями 50 тыс. слов. Выход в свет подобного словаря монгольского языка явится знаменательным событием в истории монгольского языкознания. Такого словаря до сих пор вообще не было, а потребность в нем большая. Выход его в свет будут горячо приветствовать не только монгольские, но и советские ученые, интересующиеся монгольским языком.

Б. Ринчен еще в 1950 г. написал грамматику монгольского языка. Это — первая теоретическая грамматика, созданная в МНР. Она содержит богатый и интересный языковой материал и оригинальные концепции. Ш. Лувсанвандан в послесловии

¹² Ш. Л у в с а н в а н д а н, Монгол хэлний зүй. Хоёрдугаар дэвтэр. Угуулбэрийн зүй, Улан-Батор, 1951.

¹³ Н. Ш а р а в - И ш, Хэлний хөгжлийн тухай зарим асуудал, газ. «Унэн» от 17 мая 1952 г.

к «Грамматике монгольского языка», о которой речь шла выше, пишет, что Б. Ринчен тщательно разработал грамматическую терминологию, бывшую слабым местом у его предшественников, поднял ряд вопросов, которых до него никто не касался, и собрал хороший иллюстративный материал. Однако Б. Содном в отчете о работе Кабинета языка и литературы Комитета наук МНР¹⁴ указывает, что Б. Ринчен не учитывает последних достижений науки и тех новых явлений, которые наблюдаются в современном литературном монгольском языке. Комитет наук МНР провел широкое обсуждение грамматики Б. Ринчена, которое вскрыло в ней ряд крупных ошибок, включая и ошибки марровского толка. Иными словами, грамматика Б. Ринчена требует серьезного и тщательного редактирования, после которого она будет напечатана.

Таковы пути развития монгольского языкознания за годы существования народно-демократического строя в стране. Из многих достижений освобожденного монгольского народа одним из важнейших следует считать создание отечественной науки. Гениальные сталинские труды по языкознанию позволили лингвистам МНР достичь новых теоретических высот. Монгольское языкознание вышло на правильный путь. Влияние марровских теорий, сказавшееся, в частности, в игнорировании специфики языка, успешно изживается. Уже первые попытки применения сталинских положений в научно-исследовательской работе дали блестящие результаты, серьезные сдвиги наметились во всех областях монгольской науки о языке. Дальнейшее изучение и творческое применение сталинского учения о языке обеспечат ученым Монгольской Народной Республики достижение новых успехов.

Г. И. Михайлов

¹⁴ Журн. «Шинжлэх ухаан», Улан-Батор, 1951, № 3.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Грамматика русского языка. Редколлегия: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. Т. I. Фонетика и морфология. — М., Изд-во АН СССР, 1952. 720 стр. (Ин-т языкознания.)

Выход в свет академической «Грамматики русского языка» явился значительным событием в советском языкознании.

Потребность в нормативно-стилистической грамматике русского языка ощущалась уже давно. С мощным ростом социалистической культуры, когда миллионы рабочих и крестьян овладевают литературным языком, вопросы культуры речи приобретают особо важное значение. В нормативной грамматике нуждаются школа, печать, радио, театр, звуковое кино. Не только в институты Академии наук, но и на кафедры русского языка высшей школы постоянно поступают запросы о том, какие грамматические формы следует считать правильными, литературными. Советская общественность давно ожидала появления этого труда. Но выход его в свет задерживался.

Господство так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра, засилие арачьевского режима, созданного его «учениками», на протяжении целого ряда лет препятствовали быстрейшему и плодотворному разрешению проблем грамматики. Только труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, давшие всеобъемлющую, стройную теорию марксистской науки о языке, призвали советских языковедов к кипучей целенаправленной деятельности. И теперь коллектив сотрудников Института языкознания Академии наук СССР осуществил издание полезного пособия по развитию культуры речи, по усвоению литературной формы языка, обеспечил советскую интеллигенцию авторитетным справочником по вопросам грамматики современного русского литературного языка.

Настоящая грамматика несомненно поднимет теоретический уровень преподавания языковедческих дисциплин в высшей школе. Нигилистическое отношение Н. Я. Марра и его «учеников» к вопросам грамматики имело широкий резонанс на протяжении 30-х и 40-х годов и выразилось, в частности, в том, что многие специалисты свободно и очень субъективно пользовались основными грамматическими понятиями: употребляя термины «грамматическая категория», «грамматическая форма», «часть речи» и т. п., каждый вкладывал в них свое содержание. Авторитет грамматики, изданной Академией наук, поможет устранить беспорядок в пользовании грамматической терминологией.

Вместе с тем труд этот будет полезен для языковедов национальных республик как образец описательных грамматик родного языка. В качестве авторитетного справочника немаловажное значение грамматика будет иметь для языковедов-русистов, учителей русского языка, а также для всех изучающих русский язык за рубежом, в частности в странах народной демократии.

Первый том «Грамматики русского языка» состоит из «Предисловия», «Введения», «Фонетики» и «Морфологии». Материалы тома расположены в 1619 параграфах. Приложен список цитируемых авторов и условные сокращения фамилий. Детально разработано оглавление.

В «Предисловии» (стр. 3—6) указывается, что грамматический строй языка является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он, хотя и медленно, постепенно изменяется; наряду со старыми явлениями в нем возникают, живут и развиваются новые, «вследствие чего в языке наблюдаются варианты произношения, ударения, форм слов, разновидностей в области синтаксического строя. Варианты появляются в литературном языке также в результате постоянного общения и взаимодействия литературного языка с народными говорами, особенности которых в той или иной степени всегда проникали и продолжают проникать в литературный язык» (стр. 3). Поэтому научно разработанная нормативная грамматика «имеет большое практическое значение для широких кругов говорящих и пишущих» (стр. 3).

Далее сказано, что настоящая грамматика, взяв за основу установившуюся грамматическую систему, принятую средней школой, не пытается разрешить спорные и сложные теоретические вопросы. Основное ее назначение состоит в том, чтобы установить нормы русского литературного языка и вместе с тем показать богатейшие возможности, которыми язык располагает. В этом отношении нормативная грамматика дополняет собою издаваемый Академией наук СССР «Словарь современного русского литературного языка». Но, как покажет рассмотрение специальных разделов, академическая грамматика на самом деле тщательным изучением и описанием колоссального материала не только поставила, но и разрешила ряд теоретических вопросов, например, учение о двух стилях произношения, учет напряженности мускулатуры органов речи при характеристике звуков речи, выдвинула новую теорию слога, определила место словообразования и состав частей речи и т. п.

Во «Введении» (стр. 7—45) в очень ясной, четкой, общедоступной форме на основе учения И. В. Сталина о языке раскрыты понятия словарного состава языка, грамматики и их взаимоотношение. Выделены основные языковые единицы: предложение, словосочетание, слово, морфема, слог, звуки речи, или фонемы. Определены отделы грамматики — морфология и синтаксис. Рассматривается фонетика как особая языковедческая дисциплина, смежная с грамматикой и лексикологией, сделаны указания на связь стилистики и грамматики.

«Введение» представляет особую научную ценность, так как в нем заключены основные положения грамматики, дана общая схема ее построения, в четких, простых и общедоступных формулировках определены важнейшие понятия грамматики (грамматические категории, формы слова, части речи и др.), в особом разделе указаны основные способы образования слов и их форм, даны понятия основы и корня, понятия словоизменения и словообразования. Специальные главы в известном смысле являются развитием и иллюстрацией основных положений, данных во «Введении».

Но некоторые общие теоретические положения «Введения» несомненно требуют своего развития и углубления. Во «Введении» необходимо было определить взаимоотношение описательной и исторической грамматики, следовало раскрыть, какое место в нормативно-стилистических разысканиях занимает исторический подход к фактам языка. Современная научная описательная грамматика не может быть противопоставлена грамматике исторической. Исторический подход к языку помогает научно понять, теоретически осмыслить существо языкового явления. Определение литературной нормы не исключает, а предполагает исторический подход к языковым явлениям. Авторы «Введения» обошли этот принципиальный вопрос методологии советского языкознания, и это не могло не сказаться на описании ряда грамматических явлений, например, на способе подачи исторических справок.

Во «Введении» остается не раскрытым и ряд других, принципиально важных положений. Не определены, например, основные признаки литературной нормы — важнейшего понятия данной грамматики, хотя в «Предисловии» и было сказано, что при установлении литературной нормы составители пользовались положениями важнейших грамматических трудов от Ломоносова до современных исследователей. В отдельных разделах нормативность ряда грамматических форм является спорной, принципы ее определения остаются неясными.

Не указано также различие между нормативной грамматикой и стилистикой. В § 15 (стр. 15) сказано, что «стилистика противопоставляется, с определенной точки зрения, и лексике и грамматике, но, с другой точки зрения, входит и в ту и в другую, так что можно говорить о стилистике в фонетике, о стилистике в синтаксисе, о стилистике в лексике и т. п.» Это положение лишь частично иллюстрируется лексическими синонимами, о грамматических синонимах, например, ничего не говорится. Каковы действительные взаимоотношения между стилистикой и грамматикой, стилистикой и лексикологией — остается неясным. Остаются также скрытыми принципы разграничения нормативной грамматики и той части стилистики, которая примыкает к грамматике.

Не найдет читатель в книге и определения стиля языка. Поэтому остаются неясными основные признаки разграничения различных стилей речи. А между тем в специальных разделах составители будут широко и беспорядочно пользоваться различными стилистическими пометами. Определить значение важнейших стилистических помет во «Введении» было совершенно необходимо.

Во «Введении» имеется специальный и очень важный раздел об основных языковых единицах (стр. 9—12), но некоторые определения в этом разделе требуют развития и углубления. Не удовлетворяет определение предложения, так как в словах: «речь расчленяется прежде всего на предложение, каждое из которых, являясь более или менее законченным высказыванием, выражает отдельную мысль» (§ 3, стр. 9) — собственно ничего не сказано о грамматических признаках предложения. Дальше дается только интонационная его характеристика.

Сбивчиво и противоречиво определяется словосочетание. В § 4 (стр. 10) сказано: «Грамматические единства внутри предложения, состоящие не менее чем из двух пол-

позначных (не служебных) слов, называются словосочетаниями». Это определение словосочетания иллюстрируется обычными парными сочетаниями слов с подчинительной связью согласования, управления и примыкания. Но в § 5 (стр. 11) имеется замечание: «Впрочем, в обыкновенной связной речи ясно слышнее чаще всего делимость не на слова, а на более крупные объединения слов, на словосочетания», где словосочетание уже определяется как интонационная группа слов, как синтагма.

О способах выражения синтаксических отношений в русском языке в грамматике сказано следующим образом: «Способы эти весьма разнообразны: порядок слов, интонация, особые вспомогательные слова (так называемые служебные слова) и, наконец, различные видоизменения самих слов, так называемые формы слов» (§ 12, стр. 13). При такой формулировке может создаться впечатление, что для русского языка форма слов в выражении синтаксических отношений имеет наименьшее значение. Между тем общеизвестно, что формы слов и служебные слова являются главными способами выражения синтаксических отношений, а порядок слов и интонация — второстепенными, приобретающими особый вес лишь при отсутствии формы слов, служебных слов.

Когда в § 5 (стр. 10) читаем: «Словосочетания делятся на слова. Слова обозначают отдельные понятия», то неясно, в каком отношении к этому определению находятся служебные слова. Необходимо также более четкое определение фонемы (см. § 8, стр. 12). В § 19 нечетко определено различие сложного слова и неделимого словосочетания. В § 11 дана ссылка на понятие «формальная морфема», хотя в § 6, где читатель впервые встречается с определением морфемы, ничего не сказано о делении их на формальные и неформальные. Остается поэтому неясной фраза: «... отдел аффиксального (т. е. осуществляемого посредством сочетания основ слов с формальными морфемами) словообразования обычно также включается в морфологию». С формобразующими суффиксами, например, читатель встретится лишь в § 21.

Раздел 11 называется «Взаимопереход частей речи» (§ 64, стр. 42). Правильно, что слова из одной части речи переходят в другие. Общеизвестен переход причастий в прилагательные, прилагательных в существительные, существительных в наречия. Однако причем здесь взаимопереход частей речи? Ведь переход прилагательных в причастия неизвестен, как неизвестен переход наречий в существительные или переход служебных слов в знаменательные. Здесь смешано понятие о переходе частей речи со случайным употреблением того или другого слова в необычном синтаксическом положении: междометие может быть употреблено в функции сказуемого, однако от этого оно не становится глаголом, точно так же отдельные случаи субстантивации наречий, например «*Завтра не будет похорон*», «*не позволяю говорить о переходе наречий в существительные*».

Неуместно также преувеличение в таком высказывании, как «разряды слов в современном русском языке... находятся в постоянном движении», так как выражение «в постоянном движении» противоречит положению об устойчивости грамматического строя языка. Несмотря на все «постоянные движения» имя существительное на протяжении веков в массе своей остается существительным, глагол — глаголом и т. д. В § 65 неудачно сказано о числительном и местоимении, которые якобы «всегда являются в то же время либо существительными, либо прилагательными». На самом деле грамматически числительные и местоимения не являются ни тем, ни другим, они лишь по функции приближаются к существительным и прилагательным, всегда, однако, сохраняя свою специфику.

За «Введением» следует «Фонетика» (стр. 49—100). Составители хорошо понимают, что фонетика, занимаясь изучением звуковой стороны языка, является особой лингвистической дисциплиной. Фонетика в известном смысле противопоставляется и грамматике, и лексике. Но специфическая черта грамматики — абстрактный характер ее категорий — свойственен и фонетике. «Фонетика вовсе не занимается индивидуальными словами, а исследует общие правила данного языка в области звуков» (Щерба). Кроме того, фонетика, ее правила и закономерности тесно связаны со словоизменением и словообразованием, т. е. с морфологией. Вот почему фонетику удобно излагать при грамматике.

«Фонетика» в академической грамматике состоит из двух неравных разделов: «Осуществление русского литературного произношения» и «Звуковой состав русского литературного языка».

В первом разделе указано, что для быстрого и легкого понимания устной речи совершенно необходимо единство правил произношения. Особо важное значение приобретает произносительная норма в настоящее время в связи с мощным развитием и распространением публичной речи. До Великой Октябрьской социалистической революции официально признанной произносительной нормой было московское произношение того времени, которое, однако, вполне единым не было, так как рядом с ним уважались произносительные варианты других культурных центров. После Октябрьской революции с созданием новой, народной интеллигенции в произношении появилось еще больше различных вариантов.

Однако этот раздел, занимающий всего две страницы, не может полностью удовлетворить читателя. В оглавлении, где каждый параграф имеет свое наименование, данный раздел выглядит значительнее, чем его действительное содержание.

§ 74, имеющий в оглавлении название «Изменение произносительных норм после Великой Октябрьской социалистической революции», следовало хотя бы снабдить ссылками на те страницы, где дается соответствующий фактический материал.

Раздел «Звуковой состав русского литературного языка» представляет собой фонетическую систему акад. Л. В. Щербы. Классификация гласных звуков создана на основе артикуляционных рядов, которые определяются положением языка по горизонтали; различаются русские гласные переднего ряда (*и, э*), заднего ряда (*о, у, ы*). При классификации согласных звуков основное внимание обращено на активно артикулирующий орган и на способ образования шума.

Произношение звуков, говорится в грамматике, зависит от степени отчетливости и ясности нашей речи. В основном выделяются два стиля речи: полный и разговорный. Полный стиль характеризуется тщательным, несколько замедленным произношением, при котором ударяемые и неударяемые слоги произносятся более отчетливо. Полный стиль свойственен речи в большой аудитории, на собрании, лекции, в речи диктора по радио. Разговорный стиль имеет различные варианты, однако следует различать некий средний вариант, свойственный спокойной беседе. «В этом случае темп речи в той или иной мере убыстряется, а неударяемые слоги подвергаются более или менее сильной качественной и количественной редукции» (§ 96, стр. 57). Редукция гласных, природа ударенных и неударенных гласных зависит от большей или меньшей напряженности речевого аппарата. Учет напряженности мускулатуры всех органов речи при характеристике звуков речи является новым моментом в фонетической литературе.

В § 122—127 дана новая теория слога, которая также основана на учете изменения мускульного напряжения. Оригинальным является и учение о слогоразделе с выделением сильноконечных и сильноначальных согласных. «Начало слога определяется возрастающим усилением, конец слога — постепенным ослаблением. В связи с этим согласные начала слога являются с и л ь н о к о н е ч н ы м и, т. е. усиливающимися к концу, а согласные конца слога — с и л ь н о н а ч а л ь н ы м и, т. е. ослабляющимися к концу» (§ 122). Далее (§ 123—124) даются правила слогоделения в полном стиле внутри слова, на стыке служебного и знаменательного слова (§ 125), в потоке речи на стыке знаменательных слов (§ 126).

Раздел «Фонетика» замыкается таблицей, воспроизводящей правила чтения букв и буквенных сочетаний в полном стиле. Таблица эта явится полезным орфоэпическим справочником и поможет укреплению произносительной литературной нормы.

Весь раздел создан на основе передового советского учения о фонеме. Дано детальное описание системы гласных и согласных звуков и их изменений в живом потоке речи. Указаны все действительно существующие нормы и допустимые варианты современного русского литературного произношения. Подвергнуты пересмотру традиционные нормы старого московского произношения, например, в примечании к § 106 (стр. 63) сказано: «Произношение после шипящих звука, близкого к *ы*, согласно старой произносительной норме, т. е. *эсыр'і, шылу'н*, сейчас уже является архаическим».

Но если помнить о том, что «Фонетика» явится ценным пособием не только для русских, но и для нерусских, изучающих русский язык, следовало бы дать общую характеристику артикуляционной базы русского языка, указать его особенности в составе звуков, слогоделения, ударения, мелодики и т. п. Такими специфическими чертами являются известная вялость органов речи, слабая губная артикуляция, тенденция к подъему средней части языка к твердому нёбу и т. п. Обо всем этом говорится в отдельных параграфах «Фонетики», но необходимо их выделение в специальный параграф.

Наличие двух систем транскрибирования (см. об этом на стр. 63) не может быть признано достоинством книги.

Необходимо также устранить в «Фонетике» замеченные частные недочеты.

В § 79 (стр. 52) сказано, что при негубных «губы не играют особой роли». Что это значит — «не играют особой роли»? В образовании гласных звуков *а, э, и, ы* губы участвуют, но только не вытягиваются и не округляются.

В § 89 (стр. 54), где говорится о палатализации согласных звуков, в конце параграфа сказано: «Таким образом, каждый язычный мягкий согласный характеризуется единым своеобразным положением языка». Это не точно, так как то, что здесь сказано о палатализации язычных, должно быть распространено и на губные, а не только на переднеязычные и заднеязычные.

В § 92 (стр. 55—56) сказано, что переднеязычные согласные в специальной литературе неточно еще называют зубными, среднеязычные — переднепёбными или просто пёбными целевыми, а заднеязычные называют заднепёбными. Следовало бы объяснить, что термины *переднеязычный, заднеязычный* предпочитают потому, что классификация звуков создается по активно артикулирующему органу.

В § 107 (стр. 63—64) говорится о редукции гласного звука *э* и ничего не сказано о редукции начального *э*, хотя в предыдущем параграфе подробно говорится о редукции начального *а*.

Ряд параграфов содержит досадные опечатки (см. стр. 68, второй абзац § 114; стр. 70, § 118, 119, 120; стр. 61, § 102, где слово *сёл* представлено в виде *суол*; и др.). «Морфология» (стр. 103—679) состоит из обследования словоизменения, словообразования, описания частей речи и их грамматических категорий. Общие положения «Морфологии» не вызывают возражения. Созданная на огромном материале, «Морфология», в соответствии со сталинским учением, показывает, как грамматика «...абстрагируясь от частного и конкретного... берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы»¹.

В «Морфологии» принята грамматическая система, выработанная учеными предшествующих поколений. Составители, проявив обдуманную осторожность и осмотрительность, пользуются общепринятой терминологией.

Много наблюдений нормативно-стилистического характера. Впервые в истории грамматической науки составлены списки слов по частям речи с указанием устойчивого и переходящего ударения. Эти списки имеют большое значение как авторитетный справочник для развития культуры речи, для укрепления литературной нормы языка.

Тщательно разработано словоизменение. Это самый разработанный раздел «Морфологии», в нем щедро рассыпаны наблюдения, основанные на колоссальном количестве фактов. И это не случайно. В области словоизменения учеными отечественного языкознания на протяжении двух столетий проделана большая работа по детальному исследованию, классификации и описанию форм, накоплен богатейший фактический материал.

Научное исследование словообразования значительно уступает по своей разработанности словоизменению и представлено в грамматике неоднородно. Прежде всего следует отметить, что суффиксальное и префиксальное словообразование дано значительно богаче и полнее, нежели современные способы образования сложных слов. Суффиксы и приставки также обследованы неодинаково. Хорошо описание словообразования имени существительного и прилагательного. Обильный материал (§ 279—474, стр. 211—280 и § 509—605, стр. 327—367) четко классифицирован. Дан тонкий семантический анализ. Установлены суффиксы и приставки, живые и мертвые, продуктивные и непродуктивные. В системе суффиксального и приставочно-суффиксального образования имен существительных, например, выделены способы образования названий лиц, названий животных, предметов, слов с отвлеченным значением, со значениями уменьшительности, ласкательности, увеличительности и т. д.

Но в глагольном словообразовании особо выделены только хорошо обследованные приставки. Что касается суффиксов, то они частично рассматриваются в связи с анализом категории залога, частично в связи с категорией вида, частично — с установлением продуктивных и непродуктивных классов глагола. В этом, конечно, скрывается специфика глагола как особой части речи. Но у читателя не возникает цельного представления о суффиксальном образовании глаголов вообще и, в частности, об образовании глаголов от других частей речи. Необходимо было обобщить сведения о глагольном словообразовании в особом разделе.

Словообразование наречия дано лишь в виде перечня характерных суффиксов и приставок почти без попытки их семантического анализа. Известно, что образование наречий от основ является морфолого-синтаксическим, по тем важнее было установить специфику суффиксов и приставок этой части речи.

Но и в лучшем разделе словообразования — в словообразовании имени существительного — имеется существенный недостаток: используется пестрая система обозначений области распространения и употребления того или иного словообразовательного элемента. Применяются здесь и обычные, тоже не очень ясные, но более или менее установившиеся в языкознании термины: книжная речь, народная речь, диалектное слово, просторечное, профессиональное, устарелое. Но в § 399 встречается указание на отвлеченно-научную речь, в § 409 — научно-техническую и газетно-публицистическую речь, в § 471 — официально-деловую речь. В каком отношении все это находится к книжной речи — неясно.

В других параграфах встречаем упоминания о профессиональной речи (§ 384), о профессиональных диалектах (§ 356), профессионально-деловых стилях (§ 273). Здесь читатель блуждает между нераскрытыми понятиями — речь, диалект, стиль. Разговорная речь и просторечие пополняются ссылками на фамильно-бытовую речь (§ 270), разговорно-фамильные слова (§ 309) и вульгарное просторечие (§ 322). Опять неясно: слова разговорно-фамильные и слова фамильно-бытовой речи — это одно и то же? Это разные названия одного и того же понятия или это разные понятия?

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 24.

Стилистическое значение словообразовательных элементов, связанных не только с грамматикой, но и с лексикой, безусловно должно быть вскрыто, но читатель ждет от академической грамматики большей строгости и четкости в обозначении области, сферы распространения слова. Между прочим, в разделе словообразования имени прилагательного и префиксального образования глагола нет указанного выше многообразия стилистических помет, из чего возможен вывод, что тема словообразования в многообразии помет острой необходимости не испытывает.

При обилии стилистических помет, однако, целый ряд слов, который, на наш взгляд, не может быть отнесен к нейтральному стилю литературной речи, остается без указания области распространения или употребления, например: *диспутант* (§ 303, стр. 225); *апеллянт* (§ 303, стр. 226); *тараторка* (§ 321, стр. 230); *рдянец* (§ 355, стр. 238); *дохлятина*, *мерзлятина*, *рыхлятина* (§ 374, стр. 245); *брюховина* (§ 377, стр. 245); *сотняга* (§ 389, стр. 249); *перевёсище* (§ 393, стр. 250); *пресно́та* (§ 400, стр. 252); *перхотá* (§ 401, стр. 252); *скуко́та*, *смехотá*, *срамотá* (§ 402, стр. 252) и др.

«Морфология» содержит описание 10 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, частицы, предлог, союз, междометие. Теоретические основы изучения частей речи и их категорий не вызывают возражения. Но в изложении материала имеется ряд существенных недочетов.

Совершенно недопустимо для авторитетного справочного пособия, каким и должно стать настоящее издание Академии наук, расхождение в формулировках «Введения» и специальных глав. А такое расхождение, к сожалению, наблюдается. Так, например, во «Введении» сказано (§ 33, стр. 21): «Принадлежность имени существительного к тому или другому грамматическому роду определяется в современном русском языке почти полностью морфологически» (разрядка моя.— Э. К.). Далее указывается, что для существительных иноязычного происхождения, отличающихся от исконно русских слов своей фонетической структурой (*Тбилиси*, *Миссисипи*), играет большую роль значение слов, что с формой грамматического рода тесно связаны словообразовательные группы, и уже в конце отмечено, что «род имен существительных определяется также синтаксически» (стр. 22). В специальной же главе «Имя существительное» (§ 177, стр. 108) утверждается: «Мужской, женский и средний род имен существительных выражается, прежде всего, синтаксически — той или другой формой прилагательного, сочетающегося с данным существительным» (разрядка моя.— Э. К.), а затем уже прибавляется, что «в подавляющем большинстве случаев» род имени существительного определяется и морфологически (стр. 109).

Так и остается неясным, какой принцип — морфологический или синтаксический — является ведущим в определении грамматической категории рода имен существительных в русском языке.

Во «Введении» имеется указание (§ 57, стр. 37): «Категория времени обнаруживается также и в формах причастий и деепричастий». А в главе «Глагол» в § 665, где дается перечень глагольных форм и свойственных им категорий, деепричастие характеризуется таким образом, как будто категория времени ему не свойственна, хотя из § 813 можно сделать вывод, совпадающий с указаниями «Введения». Подобные противоречия должны быть устранены.

При чтении книги страница за страницей замечаешь в отдельных параграфах отсутствие должной четкости формулировок, заметна их неполнота или спорность, иногда встречаются недосмотры и упущения.

В главе «Имя существительное» (§ 177, стр. 108) сказано, что «грамматическая категория рода служит в современном русском языке основным средством выражения предметного значения имен существительных». Но почему категория рода служит основным средством выражения предметности, не объяснено: в дальнейшем изложении эта мысль не находит своего развития. Следующие фразы не развивают это положение, а в известной мере ему противоречат. Сказано: «Категория рода отчетливо обнаруживается только в формах единственного числа. Во множественном числе родовые различия в современном русском языке оказываются уже в значительной мере стертыми». А разве во множественном числе существительные не служат средством выражения предметности? Есть целый ряд существительных, употребляемых только во множественном числе (*грабли*, *ножницы*, *очки*, *сливки*, *сумерки* и т. п.). Существуют слова общего рода (*брюзга*, *ханжа*, *калека*, *недотрога* и др.), в предметном значении которых, мы, однако, не сомневаемся.

Раздел «Число имен существительных» представлен в четком и стройном виде (§ 182—192). Но богатство значений этой категории далеко не исчерпано. Не дано, например, разнообразие употреблений формы множественного числа, различные значения и оттенки значения которого вскрыты трудами Потемки, Шахматова, Виноградова. Указаны группы существительных, употребляемые только в единственном или только во множественном числе, но не даны переходные случаи, когда, например, существительное с суффиксами *-ин-а*, *-инк-а*, обозначающие единичные предметы, выделенные из состава сложного целого, употребляются в соединении с количественными

числительными: *две-три жемчужины, картофелины, несколько горошинок, соломинок, чаинок* и т. п. Там, где дается перечень имен существительных, имеющих только форму единственного числа, следовало бы, хотя бы в примечаниях, указать, что существительные — названия знаков, выступающие со значением посевных площадей, могут иметь форму множественного числа: *осы, ячмени*; сюда же относится форма *жита* и т. п.

«Склонение имен существительных» открывается громоздким определением значения падежа: «Падеж выражает синтаксические функции существительного, устанавливая отношение существительного в данной его падежной форме к другим членам предложения» (§ 198, стр. 120; разрядка моя.— Э. К.). Во «Введении» об этом сказано гораздо проще и лучше: «Падеж обозначает отношение имени существительного к другим словам в словосочетании и предложении; иначе говоря, он выражает синтаксические функции существительного» (§ 31, стр. 21). Вообще следует отметить, что многие формулировки во «Введении» представлены в более отработанном виде, нежели в специальных главах.

Значение падежей раскрыто на обильном материале. Но имеются отдельные недосмотры. При определении значения именительного падежа (§ 194, стр. 120) не отмечена его роль как обращения. Следовало бы также указать, что родительный материал (§ 195, стр. 122) употребляется только в соединении с прилагательным: *рама красного дерева, кабинет карельской березы*. В сочетаниях типа *бутылка вина, литр молока* неудачно название родительного падежа как родительного меры (§ 195, стр. 122), так как мера здесь выражена именительным падежом; ср. винительный меры — *весить тонну*.

В § 200 (стр. 127) творительный падеж пути или пространства иллюстрирован предложением: *Тучки небесные, вечные странники! Степью лазурною, цепью жемчужною мчитесь вы...*, и выделены оба творительных падежа. В § 203 (стр. 130) при определении значения предложного падежа в соединении с предлогом *при* в пункт а) попадают сочетания *при школе, при фабрике*, а сочетание *при шахте* попадает в пункт б). Такое разделение материала ничем не обосновано.

В § 229 (стр. 161) читаем: «Имена существительные среднего рода с основой на *й* («йот») получают в родительном падеже множественного числа форму с нулевым окончанием (*зданий*) со вставкой беглых гласных перед *й* («йотом»): гласного *е* под ударением (*питёй* — *питей*) и гласного *и* при отсутствии ударения на окончании (*копёй* — *копий, ущельё* — *ущёлий*)». Здесь читателя смущают два момента: термин «беглые гласные» закрепился в грамматической литературе за *е* и *о*, но не за звуком *и*. Затем непонятно грамматическое различие форм родительного падежа множественного числа *зданий* (нуль флексии) и *ущёлий* со «вставкой беглого гласного *и*».

В главе «Имя прилагательное» неудачно выражение «грамматические приметы», употребленное по отношению к морфологической характеристике качественных прилагательных (§ 476, стр. 282). Здесь выступает нечто более основательное, чем «приметы», так как краткая форма степени сравнения и др. — есть грамматическая форма, отличающая качественные прилагательные от относительных.

Нельзя согласиться со следующим толкованием значения уменьшительно-ласкательных и увеличительных суффиксов: в § 476 (стр. 282) сказано: «От качественных прилагательных возможно образование уменьшительных, ласкательных и увеличительных форм, т. е. форм, выражающих оттенки и степени качества». Это неверно, так как уменьшительно-ласкательные и увеличительные суффиксы, например в словах *беленький, тяжёленький, лёгонький, ранёхонький, большущий*, не обозначают ни оттенки, ни степень качества, а служат средством субъективной оценки этого качества.

При определении синтаксической функции кратких прилагательных (§ 482, стр. 288) указывается, что «в современном русском языке они выступают только в роли сказуемого и не могут выступать в роли определения», — здесь упущено из виду, что краткие прилагательные могут выступать в функции обособленного определения. В § 605 рассматривается словосложение имен прилагательных. Перечисляются отдельные типы, и на стр. 366 в отношении шестого типа разряда г) *своевольный, своенравный, своеобразный* и др. и разряда д) *самовольный, самодовольный, самозванный, самочинный* и т. п. сказано: «Оба последних разряда обнаруживают самую тесную связь с соответствующими сложными именами существительными и могут рассматриваться как производные от них». Но разве имеются существительные: *самодоволие, самозвание, самочиние*? Эти примеры следует снять.

Глава «Глагол» разработана в грамматике иначе, чем другие главы. Разделы о залоге, о виде, о классах глаголов представлены как разделы специального исследования, а не справочного пособия для «широких кругов читающих и пишущих», как это было сказано в «Предисловии».

Категория залога — один из сложных вопросов русской грамматики. Здесь переплетаются явления морфологии, синтаксиса и лексики. В главе это учитывается при установлении трех основных залогов: действительного, страдательного и возвратно-

среднего. По отношению к возвратно-среднему залогу даются восемь подвидов: собственно-возвратный, взаимно-возвратный, общевозвратный, косвенно-возвратный, активно-безобъектный, пассивно-качественный, возвратно-пассивный и возвратно-страдательный. Здесь много тонких и глубоких наблюдений, но, думается, что в этом разделе лексический момент преобладает над грамматическим.

Отчетливо выделяются и понятны подвиды собственно-возвратный (тип — *причесываться*), взаимно-возвратный (тип — *обниматься*) и общевозвратный (тип А — *наклониться* и тип Б — *обрадоваться*). Но в чем разница между активно-безобъектным *браниться* и общевозвратным типа Б *обрадоваться* — неясно.

В § 681 (стр. 421) сказано, что «глаголы активно-безобъектного значения называются действия, которые могут переходить на другой предмет (прямой объект), но представляются или вне отношения к объекту или как характеризующие производителя, напр.: *корова бодается, мальчик дерется*». Определение слишком общее и поэтому неопределенное. То же можно сказать и о глаголах общевозвратных типа Б (ср. глаголы *беспокоиться, веселиться, удивляться* и т. п.). Когда читаешь эти страницы грамматики и вдумываешься в оттенки залоговых отношений, точку зрения автора главы улавливаешь, но, закрыв книгу, затрудняешься дать списки глаголов к устанавливаемым подгруппам. Не связано ли это с тем, что автор главы придал слишком большое значение лексическому содержанию глаголов?

Непонятно, почему, например, глагол *отправляться* попадает в группу глаголов общевозвратного значения (стр. 420), а глагол *направляться* оказывается среди возвратно-страдательных (стр. 422). Разве грамматически не одно и то же: *Вы направляетесь на работу туда-то* и *Посылки отправляются с трех до пяти*?

Очень хороши сопоставления возвратных глаголов с соответствующими невозвратными глаголами с тем же лексическим значением (§ 684, стр. 425). Хорошо определена категория вида, дана яркая картина ступенчатого образования видов русского глагола (§ 687—728). Но значение совершенного вида раскрыто с меньшей степенью глубины, чем несовершенного.

В разделе дееспричастия нет желательной точности. В § 816 (стр. 524) отмечаются глаголы, от которых дееспричастия не образуются, однако четкого принципа их классификации не дано. В подаче материала обнаруживается дробность. Например, сказано: «Не употребляется дееспричастие от глагола *лечь*». А можно или нельзя образовывать дееспричастия от глаголов *грызть, ползти*? Ответа на этот вопрос грамматика не даст.

Глава «Глагол» насыщена ценными, тонкими и глубокими наблюдениями, многие из них — нормативно-стилистического характера. Но иногда читатель наталкивается на такие параграфы, которые только регистрируют факт и не выражают авторского отношения к нему. Например, в примечании в § 825 (стр. 532) сказано, что «употребление дееспричастий на *-в, -вши, -ши* от глаголов несовершенного вида без отрицания возможно, но встречается значительно реже», и дальше: «Довольно обычно употребление этих дееспричастий у Маяковского; см., напр.: *каркая, мутив, носивши, совмещав, трунив, умираю*». Но разве употребление этих форм соответствует литературной норме? Почему же нет никаких указаний на необычность их?

К сожалению, не только здесь составитель как бы забывает, что грамматика имеет прежде всего значение нормативно-стилистического справочника. Так, в § 862 по отношению к слову *жрать* — *жрут* указано, что оно просторечно-вульгарное, но глаголы *брезгать, гоготать, лопотать* (§ 865), *блевать* (§ 843), *смердеть* (§ 869), *переть* (§ 706), *распереть, напереть* (§ 816, 888) даны без помет. Неприятна встретившаяся нечеткость в употреблении отдельных терминов. Например, глагольный аффикс *-ся (-сь)* в грамматике обычно называется суффиксом (см. § 675, 679, 683), но в § 665 аффикс *-ся (-сь)* называют то суффиксом, то частицей. В § 666 аффикс инфинитива *-ть (-ти)* назван суффиксом, но здесь же в контексте он называется окончанием.

В главе «Наречие» неясен принцип выделения в промежуточную группу между качественными и обстоятельственными наречиями так называемых качественно-обстоятельственных наречий, «совмещающих в себе значение качественной характеристики действия с указанием на образ или способ его совершения» (§ 931, стр. 610), например: *вброд, вдребезги, вдруг*. Разве наречия, отнесенные к собственно качественным: *бойко, быстро, наскоро* и др., характеризующие действия, не указывают «образ или способ его совершения»?

В § 951 (стр. 624) указано, что «наречиям, образованным от различных косвенных падежей с предлогами и без предлогов, в ряде случаев свойственны уменьшительно-ласкательные формы». Приводятся примеры: *босичком, лешочком, порожнячком, украдочкой, вдогоночку, тихомолочку* и др., по области их употребления не указана. Между тем подобные формы известны прежде всего живому разговорному языку и устному поэтическому творчеству.

В отношении наречия *заподни* в § 946 (стр. 622) указано, что это слово диалектное, но в этом же параграфе без всяких помет даются наречия *навыворот, наутёк, окрест*, а в других местах — наречия *понаслышке, подолём* (§ 948), *задром* (§ 949), *вверх*

тормашками, во всю Ивановскую (§ 953), *впервой, втридцетое, завтра, неспорно* (§ 963). У читателя может создаться впечатление, что составители грамматики считают эти слова принадлежностью нейтрального стиля литературной речи. Уже приходилось указывать, что область употребления и распространения слов дается в грамматике беспорядочно. Следовало бы пометы к отдельным словам, а не к грамматическим формам либо совсем снять, предоставив это дело словарю, либо проводить их систематически.

В § 964 (стр. 639) сказано, что «при известных условиях (в диалогической речи) частица может образовывать целостное высказывание». Это замечание следовало бы уточнить указанием, что это возможно лишь для некоторых частиц: *вопросительных, утвердительных, отрицательных: разве, ну ужели, да, нет.*

Частицы *мол, де, дескать, бишь* определяются в § 979 (стр. 647) как частицы, обозначающие субъективную передачу чужой речи, но что значит «субъективная передача чужой речи», не раскрыто. Такой лаконизм непростителен тем более, что определение отдельных частиц часто дается с ненужной многословностью, например, определение значения частицы *было* представлено таким образом (§ 980, стр. 648): «Частица *было* при прошедшем времени глагола совершенного вида обозначает, что действие началось, но не было закончено в силу каких-то причин, непредвиденных условий, помешавших осуществиться этому действию». Последние десять слов этого определения лишние, так как частица *было* указывает, что действие начиналось, но не было закончено. В § 985 (стр. 650) неправильно определяется значение частицы *бывало*, когда указывается, что она придает глагольным формам «значение действия, нерегулярно повторявшегося в прошлом». Это значение не подкрепляется приводимым примером: *Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице.* Частица *бывало* обозначает повторяемость действия, не указывая, однако, ни регулярности, ни нерегулярности его.

На главе «Предлог» лежит печать общей недоработанности. Как согласовать содержание двух соседних параграфов о предлоге? В § 988 (стр. 652) сказано: «Предлоги как служебные слова не имеют самостоятельного лексического значения...», а в соседнем § 989 удивленный читатель находит следующее положение: «Однако предлоги не совсем лишены лексического значения, хотя степень его у разных предлогов различна». Так и остается неясным, обладают предлоги лексическим значением или нет и насколько это важно для данной части речи. Такая сбивчивость в изложении основных грамматических положений не к лицу академическому изданию.

Значение и употребление предлогов раскрыты только в отношении первообразных предлогов. Значение так называемых наречных, отыменных, отглагольных предлогов не определено, как и не указано, с какими падежами они употребляются. Следовало бы раскрыть на материале и положение о том, что значение предлогов зависит от значения тех существительных и глаголов, в сочетании с которыми они вступают.

Синонимика предлогов представлена крайне скупо. В § 994 (стр. 657) сказано: «Явления синонимии весьма распространены в предложной системе современного русского языка». Но это важное грамматическое положение по существу не раскрыто; приводится иллюстрация употребления предлогов *из, от, с*, синонимичность которых более чем сомнительна. Сочетание *ехали с гор* (стр. 658) по существу не может иметь синонимического ряда *ехали из гор, ехали от гор*. С таким же успехом можно было бы назвать синонимическим ряд сочетаний *ехали у гор, ехали к горам, ехали под горами, над горами* и т. д. Академическая грамматика не должна вызывать такого рода недоумения у читателя.

В главе «Союз» допущена неточность. В § 1009 (стр. 665) сказано, что «значительное количество союзов представляет собою омонимы местоимений, наречий и частиц». Замечание верное, но оно не относится к указанному в перечислении наречию *где*, которое, как известно, никогда союзом не является.

Указание на то, что в разговорном стиле речи междометия, выражающие чувства, могут выступать в значении сказуемого (§ 1015, стр. 674), возможно распространить на междометия волеизъявления и междометия со значением призыва и отгона животных: *И все: горюхи, скамьи, столы, Марш! марш! — все в печку поскакало* (Пушкин, Гусар); — *Няня! дай-ка мне дитя! — На, родной...* (Некрасов, Песня Еремushке); *Гляжусь: под лавкой дремлет кот... я: брысь!... И вот И он туда же за лаванкой* (Пушкин, Гусар).

Необходимо устранить недопустимое в академической грамматике смешение явлений грамматики, фонетики и орфографии, замеченное, правда, в частностях и в единичных случаях. В § 210 (стр. 137) сказано: «... одни и те же окончания твердого и мягкого склонения тоже различаются начертаниями: в дательном, творительном и предложном падежах существительные твердого склонения имеют окончания *-ам, -ами, -ах...*, а существительные мягкого склонения — окончания *-ям, -ями, -ях*». Разве здесь дело только в начертаниях? Или читаем в § 499 (стр. 315): «С орфографической точки зрения некоторыми особенностями в склонении отличаются прилагательные с основой на заднеязычные звуки *г, ж, х*, с основой на шипящие и на свистящий *ц*».

При переиздании книги особое внимание должно быть уделено вопросу расположения материала. Грамматика задумана как справочное пособие. Предполагается, что каждый, обратившись к ней, легко и просто получит нужную справку. Но несмотря на тщательное и подробное оглавление, разыскать нужное грамматическое правило трудно. Расположение разделов и параграфов в специальных главах не соответствует расположению их во «Введении». Внутри разделов материал дан разобщенно, отражается погоня за отдельными, единичными формами. Отчетливая тенденция к объединению материала отсутствует.

В разделе «Колебания в роде имен существительных», например, слово *ботинок* — *ботинка* дано на стр. 111, слово *туфель* — *туфля* — на другой странице; *тополь* в одном абзаце (вместе с *санаторий* — *санатория*), а *чинара* — в другом. На стр. 112 после иллюстраций к *тополь*, -ем, -ю помещается новый абзац: «Сюда же (?) относятся и колебания в роде у слова *кофе* — мужского и среднего (в разговорной речи) рода», а на стр. 113 в отрыве даны замечания к формам *какао* (среднего рода) и *какао* (мужского рода; устар.).

Вообще принцип классификации имен существительных с колебаниями в роде по этому разделу совершенно неясен. Если на стр. 111 дается перечень колебаний в роде имен существительных иноязычного происхождения (*канделябр* — *канделябра*, *санаторий* — *санатория*, *фильм* — *фильма*), то среди них одиноко и не на месте стоит слово *занавес* — *занавесь*. В отношении слова *зал* — *зала* ничего не сказано о третьей встречающейся форме *зало*.

К сожалению, разобщенность материала встречается и в других разделах. Ср. разобщенность наблюдений о творительном падеже существительного со значением населенных пунктов с окончанием -ом, -ем: на стр. 138 *городом Калинином*, *городом Кировом*, а на стр. 157 *под Гунцевом*, *селем Марьином*. Подобная разобщенность материала затрудняет пользование книгой; материал должен быть объединен, а в дальнейшем изложении при надобности должна быть дана лишь ссылка на него.

Вызывает недоумение также следующее расположение материала. На стр. 157, где даются объяснения к особенностям склонения имен существительных среднего рода твердого склонения, после фразы: «Имена существительные с основой на *к* при переходе ударения с основы на окончание во множественном числе имеют окончание -а: *войско* — *войска*, *облако* — *облака*...», дано примечание: «Имя существительное *колено* [это после фразы о существительном с основой на *к* (!)] в значении части тела имеет в именительном-винительном падеже множественного числа форму *колени* (наряду с устарелой формой «колена»), а форма *плечи* — *плеча* дана на стр. 159, и только в отношении к последней (*плеча*) отмечается, что это сохранившаяся в современном русском языке форма двойственного числа. О форме *колена* этого сказано не было. Формы *колена*, *плеча*, общего происхождения и ныне устарелые, следовало бы объединить. Необходимо также отметить, что важные для нормативной грамматики положения часто даются петитом, например, на стр. 576 в примечании сказано о том, что форма *бежат* недопустима в литературном языке.

Подлежит пересмотру распределение материала и в других главах. Например, в главе «Имя прилагательное» в разделе «Способы приставочного образования имен прилагательных» (§ 572 и сл.) материал распределяется по алфавиту, исконно русские и иноязычные приставки идут в одном ряду.

Совершенно неясно, в каких случаях даются исторические справки. Создается впечатление, что они приводятся случайно. В главе «Имя числительное» при описании склонения числительных *два*, *три*, *четыре* даже в примечании ничего не сказано об остатках двойственного числа. Но есть историческая справка в примечании к § 615, где указано, что в древнерусском языке имена числительные *сорок*, *девяносто*, *сто* изменялись по падежам, как соответствующие имена существительные, к § 632 дана справка о появлении в личном местоимении начального *н* после предлогов, в § 747 сказано о происхождении форм прошедшего времени, в § 885 дана историческая справка о чередовании гласного *а* (*я*) с носовыми согласными. И нет исторической справки, как уже было сказано, об остатках двойственного числа, о причинах явления беглых гласных, о переходе орфографического *е* в *ё*. Исторические сведения необходимо давать систематически.

Совершенно необходимы исторические обоснования для существующих в языке дублетных форм. Недостаток в такого рода пояснениях остро чувствуется, например, в главе «Имя существительное» при описании форм: *четыре города*, но *городá*, *три окнá*, но *окна*, *две реки*, но *реки*, при описании флексии -и в именительном падеже множественного числа и в ряде других случаев.

Грамматика по своей установке является нормативной. Но достаточно ли осуществлена эта нормативность? Приходится сознаться, что не всегда. Склонение имен существительных, например, богато иллюстрировано, содержит много замечаний нормативного и стилистического характера. Очень ценный материал дает раздел «Ударение в именах существительных». Разноместное ударение русского языка создает значительную трудность в овладении литературным произношением. Академическая

грамматика, регистрируя литературную норму, приводит обширные списки слов, чем оказывает большую помощь не только школе в развитии культуры устной речи. Особые разделы имеются также об ударении имен прилагательных (§ 503—508), причастий (§ 804—812), деепричастий (§ 813, 814).

Устанавливаются три основных типа имен существительных по ударению: 1) существительные с устойчивым ударением на основе во всех падежных формах; 2) существительные с устойчивым ударением на окончании во всех падежных формах; 3) существительные с разноместным ударением, различающиеся местом в формах единственного и множественного числа или противопоставляющие по ударению прямые падежи косвенным. Однако литературная норма в этом разделе не всегда достаточно строго выдержана. Вызывает возражение, например, замечание о том, что «имя существительное *гром* допускает в поэтической речи форму именительного падежа множественного числа с ударяемым окончанием *-а*» (§ 257, стр. 192, прим. 3). Приводится иллюстрация: *Иль это не голос, а буря сама? Иль это приказ повторяют гром?* (М. Голодный, Матросская легенда). Наверяд ли форма *громá* допустима в поэтической речи с точки зрения литературной нормы.

Можно ли, например, безоговорочно признать нормативной лишь форму *профессора* (стр. 148), признавая *инспекторы* и *инспектора* или допуская колебания *корректора — корректора, бухгалтеры — бухгалтера* (стр. 149)?

Если учитывать нормативную направленность грамматики, то нельзя допускать такие перешителные формулировки, какая, например, дана в примечании на стр. 149: «Не следует поддерживать в письме и произношении формы на *-а*: *аптекаря, консула, месяца, циркуля*». Следовало бы категорически запретить употребление подобных форм в литературном языке.

При указании литературной нормы нет ни достаточной четкости, ни желательной определенности и гибкости, где последняя должна была бы иметь место. Например, вопрос о форме родительного падежа множественного числа для существительных *сапог, чулок* решен безоговорочно в пользу нулевого окончания (стр. 152), но петитом на другой странице указано, что имя существительное *носок* имеет в родительном падеже множественного числа форму с окончанием *-ов* (*носков*). Едва ли безоговорочно для современного языка можно давать в родительном падеже множественного числа только форму *грамм* и не допускать форму с *-ов* (*граммов*). Это тем более странно, что допускаются широкие возможности для флексий *-а* в именительном падеже.

В § 233 (стр. 166) сказано, что окончания *-ей* имеют в родительном падеже множественного числа некоторые имена существительные женского рода мягкого склонения: *букай — булаей, доля — долей*. А как с существительным *капля*? Соответствует норме только форма *капель* или возможна и форма *капель*? Четкого ответа на этот вопрос читатель не найдет. На стр. 168 при слове *свеча* указаны две формы: *свечей* и *свеч*.

Недостаточная четкость в проведении принципа нормативности сказывается и в других главах. Например, в главе «Имя числительное» раздел «Количественные числительные в устной и письменной речи» (§ 610, стр. 371) не дает ответа на вопрос о том, нужно ли склонять сложные количественные числительные, является ли отступлением от общелитературной нормы тот факт, что в сложных количественных числительных в устной речи часто склоняются только последние члены или последний член числительного. Грамматика должна не просто констатировать тот или иной языковой факт, но и давать более определенные решения трудных для практики вопросов.

Выше уже отмечалась чрезвычайная пестрота в употреблении стилистических помет. Используются они, действительно, очень своеобразно. Например, при общелитературной форме *ботинок, глист, лебедь, -я* (§ 181, стр. 111) указывается, что форма *ботинка* употребляется в просторечии, *глиста* — в разговорной речи, *лебедь, -и* — в народно-поэтической. Но почему первая форма является просторечной (*ботинка*), а вторая (*глиста*) — разговорной — остается неясным, как пояснен на протяжении всей книги сам принцип разграничения различных стилей речи. Чем руководствовались составители, в одних случаях давая пометы, в других — нет, тоже непонятно. Например, в § 189 (стр. 119) без всякой стилистической пометы дано образование *тишонки*: создается впечатление, что авторы грамматики считают это слово соответствующим литературной норме.

В главе «Наречие» без стилистических помет даны формы *долу* (§ 944, стр. 621), *навзрыд* (§ 946), *исподу* (§ 947), *отродясь, не обинуясь* (§ 956). О наречиях с суффиксом *-учи* (*-ючи*) (§ 956) сказано, что они в литературном языке непродуктивны. Следовало бы добавить, что область распространения таких наречий, как *глядючи, жалеючи, играючи, крадучись, прилеваючи, умеючи*, ограниченная: они употребляются или в просторечии, или в языке произведений устного поэтического творчества.

Академическая грамматика, нормализуя употребление языковых форм, естественно, должна была опираться на самые авторитетные, тщательно отобранные литературные источники. Грамматика основана на обильном материале. Иллюстрации в каждом разделе представлены богато. Они извлечены не только из произведений художественной и научной литературы XX, XIX, иногда XVIII в.; в отдельных слу-

чаях привлекается материал из произведений устного народного поэтического творчества, даются примеры из газет, примеры живой разговорной речи. Но подача примеров, часто в одном параграфе (например, § 65, 175 и др.), то со ссылкой на автора и произведение, то без всяких ссылок создает впечатление пестроты и отсутствия определенной системы. Если собственные примеры вполне естественны для отдельных слов и словосочетаний, то целые предложения, казалось бы, следовало давать с указанием на источник. Между тем весь раздел «Глагольные приставки» (§ 898—924) иллюстрирован фразами без ссылок, раздел из «Введения» «Взаимопереход частей речи» (§ 64) тоже иллюстрирован собственным материалом, в то время как именно здесь необходимы были авторитетные иллюстрации из языка произведений наших классиков и из лучших образцов советской литературы.

Сами примеры не всегда отвечают требованиям академического издания. Вряд ли можно считать удачными, например, такие иллюстрации: *Сабуров взглянул вверх и увидел... двухфюзеляжный артиллерийский корректировщик «Фокке-Вульф»* (Смонов, Дни и ночи, III) (§ 175, стр. 106) или: *На Одесской станции юных натуралистов научный сотрудник тов. Соловей путем соответствующего воспитания (поздний осенний посев) превратил яровой ячмень «Паллидум» 032 в зимующий в условиях Одесской области* (Лысенко, Творец советской агробиологии) (§ 997, стр. 660).

Замечание вызывает и список цитируемых авторов. Наряду с писателями-классиками, лучшими писателями современности, передовыми учеными прошлого и настоящего, читатель встретит в списке и фамилии начинающих авторов, язык произведений которых нельзя считать образцовым. Вряд ли следовало цитировать и второстепенных поэтов прошлого, например Надсона. Почему в нормативно-стилистической грамматике русского языка цитируется абхазский писатель Гулиа? Не все цитируемые в тексте авторы указаны: в списке пропущены фамилии Рудермана (§ 273), Барсова (§ 766), Лысенко (§ 997).

Устранение указанных недостатков (отсутствие изложения в вводной части ряда принципиально важных для нормативно-стилистической грамматики положений, несогласованность в отдельных параграфах «Введения» и специальных глав, наличие значительного количества нечетких, неполных и даже в единичных случаях неверных формулировок, непоследовательность в подаче исторических справок, недостаточная четкость в проведении принципа нормативности и некоторые другие) должно, на наш взгляд, способствовать улучшению грамматики при ее последующих переизданиях.

Следовало бы несколько сократить общий объем книги, что особенно легко сделать за счет уменьшения иллюстративного материала. Не лучше ли вместо пространного оглавления (изложенного на 40 страницах!) дать предметный указатель?

Академическая грамматика является несомненно ценным и полезным трудом. Учет лучшего научного наследия предшествующих поколений, колоссальный свежий материал, его стройная классификация, богатство тонких и глубоких замечаний, общедоступное изложение дали возможность авторскому коллективу Института языкознания Академии наук СССР создать действительно замечательный труд.

По своему стремлению как можно шире охватить явления живого языка, по тщательной систематизации фактов, нормативно-стилистической направленности грамматика является действительно продолжением развития русской грамматической науки, основы которой были заложены трудами Ломоносова и Востокова.

Грамматика будет способствовать дальнейшему развитию научной мысли, плодотворной разработке вопросов грамматики не только русского языка. Тираж грамматики 10 000 экз. — явно недостаточен. Настоящая грамматика наряду со словарем должна стать настольной книгой каждого интеллигентного советского гражданина.

Э. И. Коротаева

Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. [Сб. статей.] Редколлегия: Г. Ф. Александров, В. В. Виноградов, Г. Д. Сегреев, Б. А. Себегинников и Д. Н. Чеснов. — М., Изд-во АН СССР, 1952. 446 стр. (Ин-т языкознания. Ин-т философии.)

В своих гениальных трудах по вопросам языкознания И. В. Сталин поставил перед советской лингвистикой две взаимосвязанные задачи: скорейшее освобождение нашего языкознания от ошибок П. Я. Марра и внедрение марксизма в языкознание. Первой задаче непосредственно посвящены два сборника Института языкознания АН СССР — «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании» (тт. I—II, 1951—1952). Рецензируемый сборник служит второй задаче — творческой разработке ряда основных проблем сталинского учения о языке.

Сборник содержит 18 статей, посвященных вопросам сущности и специфики языка, языка и истории, языка как системы, грамматике (в особенности словообразова-

нию, отчасти синтаксису), сравнительно-историческому методу, взаимодействию и смешению языков, проблеме национальной специфики языка. Предметом исследования отдельных авторов являются русский и славянские языки, языки западноевропейские (немецкий, английский), языки ряда народов СССР (иранские, тюркские, иберийско-кавказские, северные и др.).

Сборник открывается вводной статьей акад. Г. Ф. Александрова «Великая сила сталинских идей» (стр. 7—21). Статья раскрывает значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития марксизма-ленинизма как революционной науки и направляющую, организующую и преобразующую роль сталинских идей в великом деле строительства коммунизма.

К сожалению, авторское участие Института философии АН СССР в этом сборнике, заявленное на его титульном листе, фактически ограничилось этой статьей. Между тем активное сотрудничество философов с лингвистами в разработке основных философских вопросов языкознания, впервые поставленных в трудах И. В. Сталина на основе марксистско-ленинской теории (язык и мышление, грамматика как «показатель громадных успехов мышления», происхождение языка и др.), крайне необходимо для дальнейшего плодотворного развития нашей науки.

Статья А. С. Чикобава «Об основных задачах и вопросах советского языкознания в свете сталинского учения о языке» (стр. 22—39) намечает основные линии разработки вопросов общего языкознания: предмет языкознания, его специальные методы, строгие языковедческие дисциплины, их взаимоотношение с родственными дисциплинами, уделяя особое внимание основополагающим теоретическим проблемам — сущности и специфики языка как общественного явления, его происхождения и развития, в частности — сравнительно-историческому методу в языкознании. Особенно важное значение имеет принцип историзма, который автор отстаивает в качестве обязательного и для описательных грамматик, как древних, так и современных языков: «статический анализ системы языка ведется с учетом истории данного языка, на фоне истории и с помощью истории, где только это возможно (объяснение отклонений в системе языка ищут ведь в истории)» (стр. 23). Этим преодолевается методологически порочный разрыв между «синхронией» и «диахронией», провозглашенный в зарубежном языкознании де Соссюром и его школой, а вместе с тем дается и принципиально важное указание составителям описательных грамматик, нередко укрывающимся от исторических проблем за эмпирическим перечислением «правил» и «исключений». «Статическая грамматика, — справедливо указывает автор, — должна быть поднята на уровень исторической» (стр. 37).

В вопросе о функциональном определении языка А. С. Чикобава защищает первенство «коммуникативной» функции как «основной» над функцией «воплощения мысли» (которая названа не совсем удачно «экспрессивной», поскольку под «экспрессивностью» языка обычно понимают эмоциональную «экспрессивность»). Нам кажется, что сталинское определение языка не дает основания для такого предположения «коммуникативной функции». И. В. Сталин всегда рассматривает общение между людьми («коммуникацию») как «обмен мыслями», иными словами, как выражение мысли. Согласно классическому определению И. В. Сталина, «язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания»¹. Следовательно, само «общение» предполагает «обмен мыслями»; общение и выражение мысли представляют два аспекта одного и того же явления, не случайно всегда выступающие в предельно четких формулировках И. В. Сталина в том же единстве.

Предметом дальнейшей углубленной дискуссии должен быть и вопрос о так называемой «знаковой теории» слова. Что слово — «условный знак предмета» (стр. 28—29), знали уже философы древности; так, материалист Демокрит (V в. до н. э.) утверждал: «...имена от случая, а не от природы»². Однако есть существенная разница между словом как знаком и светофорами для регулирования движения на городских улицах или флагами международной морской сигнализации — сравнения, которые неизменно повторяются до сего дня учениками де Соссюра, в особенности — структуралистами³. Слово — не просто случайный условный знак предмета, но устойчивое, веками исторического развития народа сложившееся единство знака и значения. Своим значением слово (как и понятие) повернуто к действительности, «отражает» действительность. Слово — грамматически оформлено: его формальные элементы —

¹ И. Сталин, «Марксизм и вопросы языкознания», Госполитиздат, 1952, стр. 22.

² Сб. «Античные теории языка и стиля», под общ. ред. О. М. Фрейденберга, М.—Л., 1936, стр. 33.

³ См. последнюю, написанную по-русски, статью Л. Ельмслева «Метод структурного анализа в лингвистике», «Acta Linguistica», Копенгаген, 1950—1951, vol. VI, fasc. 2—3, стр. 59 и 66.

также знаки, по знакам, имеющие значение, отражающие своим значением определенные реальные категории или отношения действительности и связанные со всей, тоже веками сложившейся, системой грамматических (знаковых) форм данного языка; значение слова со своей стороны связано со сложной семантической системой других родственных слов того же языка (ср. *кусок* — *кусать* и т. п.), которая также по-своему отражает предметы и отношения объективной действительности. Вот почему простое указание на «условный» характер слова как знака предмета, в общей форме справедливое, недостаточно конкретно и подает повод для недоразумений, а в ряде случаев для неправильных — механистических или «агностических» (у зарубежных структуралистов) — теорий.

Специально вопросам языкознания как исторической науки посвящены статьи В. И. Абаева и К. В. Ломтатидзе.

Как учит И. В. Сталин, «... язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁴. В статье В. И. Абаева «История языка и история народа» (стр. 40—55) язык рассматривается как важный исторический источник по вопросам происхождения и формирования народа и его родственными отношениям с другими народами, его быта и культуры в прошлом и его исторических связей с близкими или отдаленными соседями. На примере осетинского языка В. И. Абаев показывает значение этого метода исследования для восстановления истории недавно еще бесписьменного народа.

В области осетиноведения до недавнего времени, как известно, особенно прочно господствовали теории Н. Я. Марра, которые сам В. И. Абаев называет в своей статье «уродливыми», «антинаучными» и «вульгаризаторскими» (стр. 42). Следовало ожидать, что автор подвергнет эти теории принципиальной критике не в общей форме, а именно на материале своей специальности, осетинского языка, указав и на свои ошибки в этой области как ученика и последователя Марра, неоднократно уже отмеченные в печати и в лингвистических дискуссиях⁵. К сожалению, интересная и богатая конкретным материалом статья В. И. Абаева в этом смысле не оправдывает ожидания читателя.

Сомнение вызывает и слишком прямолинейное отождествление автором происхождения языка с происхождением народа, «глуттогенеза» с «этногенезом» (стр. 44—45). Процессы этногенеза в ранние периоды истории общества передко сопровождаются этническим смешением, а между тем при скрещивании языков, которое несомненно наличествует в подобных случаях, не образуется нового, смешанного языка, но один язык, как указывает И. В. Сталин, выходит победителем, а другой постепенно отмирает.

Прямолинейное и упрощенное отождествление процессов «этногенеза» и «глуттогенеза» служило главным основанием для фантастических этногенетических гипотез учеников и последователей Марра среди этнографов и археологов разных специальностей, пытавшихся опереться на исторические процессы этнического смешения при объяснении мнимой стадильной трансформации в этих исторических условиях будто бы «скрещенных» по своему происхождению языков. Было бы неправильно и обратное: по данным сравнительно-исторической грамматики столь же прямолинейно судить об этнической принадлежности того или иного народа — носителя данного языка.

Вызывает возражение и другое, более частное положение В. И. Абаева: о возможности прямого влияния «темпов жизни» на «темпы языковой эволюции», которое иллюстрируется «ассимиляцией» *к* и *г* (т. е. развитием аффрикат) перед передними гласными в иронском диалекте осетинского языка. В. И. Абаев склонен рассматривать этот фонетический процесс, как явление, развившееся в течение последнего столетия и связанное с «нарушением традиционного уклада жизни, вовлечением в торгово-капиталистические отношения и городскую жизнь» и т. п. (стр. 53).

Вряд ли можно, однако, опираясь лишь на фонетически несовершенное описание названных звуков акад. А. Шегреном, утверждать с полной уверенностью, что звуки эти существенным образом изменили свое произношение с 40-х годов XIX в.: как всякие изменения в языке, изменения фонетические представляют гораздо более длительный процесс. К тому же тенденция к развитию аффрикат в результате палатализации представляет собою, повидимому, общую артикуляционную особенность иранских языков с древнейшей поры. Вопрос этот требует проверки специалистами; но в принципе против такого рода гипотез предостерегает известное замечание Энгельса о невозможности объяснить экономическими причинами происхождение верхне-немецкого перебора согласных⁶.

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

⁵ См. «Обсуждение статьи „За творческую разработку проблем языкознания“, помещенной в „Правде“, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 156—159.

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 423.

Общей проблеме историзма в языкознании посвящена и статья К. В. Ломтадидзе «О закономерностях исторического развития языка» (стр. 56—67). Современное буржуазное языкознание, отражая общий упадок исторического мышления реакционного общественного класса, отрицает прогресс в языке, как и всякий прогресс в развитии общества. Напротив, марксистский диалектический метод рассматривает процесс развития «... как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему»⁷. И. В. Сталин учит, что развитие языка есть процесс его «развертывания и совершенствования» по внутренним законам его развития. К. В. Ломтадидзе на ряде примеров из области словарного состава языка и его грамматического строя иллюстрирует одну из важнейших общих тенденций этого процесса — тенденцию «к переходу от сравнительно менее абстрактных категорий к более абстрактным» (стр. 65). Особенно поучительны примеры грамматические, которые автор приводит из области своей специальности — абхазско-кавказских языков: переход от «классного» спряжения к личному, унификация категорий «организмической» и «имущественной» принадлежности, замена в падежных формах имен классных экспонентов общей флексией (стр. 66). Последний пример, думается нам, бросает некоторый свет и на процессы аналогического упрощения и унификации первоначальной множественности основ в древнем индоевропейском склонении.

«Переход к более обобщенным, абстрактным категориям, безусловно, означает развитие мышления и языка», заключает К. В. Ломтадидзе. «А это со своей стороны является результатом развития общества, посетителя этого языка. Идя по этому пути, язык постепенно шлифуется, совершенствуется, обогащается, в общем — развивается» (стр. 66). «Подлинное усовершенствование языка означает освобождение его от той скованности, которая вызвана чрезмерной конкретизацией» (стр. 67).

Разумеется, при всей справедливости этого вывода относительно приведенных примеров, не следует, однако, забывать, что и дифференциация грамматических форм, как и конкретизация специализированных словарных значений, может в других случаях также служить развитию, обогащению и совершенствованию языка.

С историческим изучением языка связана другая основная проблема сталинского языкознания: рассмотрение языка как системы, находящейся в диалектическом развитии. Постановке этой проблемы посвящена статья В. Н. Ярцевой «К вопросу об историческом развитии системы языка» (стр. 68—98).

Понятие языка как системы было чуждо Марру, утверждавшему, что все языки — «мешанные». Господствующее течение зарубежного языкознания, школа де Соссюра (прежде всего, структурализм) понимает системность языковых фактов лишь как абстрактную, статическую «систему противопоставлений» в «синхронном» разрезе языка. Против этой антиисторической концепции В. Н. Ярцева выдвигает историко-диалектическое учение И. В. Сталина о развитии языка «...путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»⁸.

«Системный характер языковых явлений обусловлен самой природой языка как общественного явления», — правильно указывает В. Н. Ярцева. «Назначение языка — быть средством общения людей в обществе — предполагает упорядоченность языковых форм, их взаимное размежевание и, вместе с тем, полноту выражений этими формами содержания мысли» (стр. 68).

Эти общие положения автор иллюстрирует рядом примеров из области своей специальности — истории английского языка. Примеры эти показывают взаимодействие различных сторон языка в процессе их исторического развития. Весьма убедительной иллюстрацией «системного» характера этого процесса является изменение типов словообразования в английском языке, которое автор ставит в связь с общим изменением его морфологической структуры как результатом действия соответствующих внутренних законов (стр. 80). Однако в ряде других примеров речь идет о более частных случаях «взаимодействия» грамматических и лексических явлений (стр. 70—72), а наличие частных «взаимодействий» такого рода, само по себе несомненное, еще не дает права говорить о «системе» языка.

Взаимодействие грамматики и лексики в системе языка рассматривается в большой группе статей, посвященных вопросам словообразования. Принципы этого взаимодействия указаны И. В. Сталиным, сравнивающим словарный состав со «строительным материалом для языка», который «...получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка...»⁹.

Обширная работа акад. В. В. Виноградова «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков)»

⁷ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 102.

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

⁹ Там же, стр. 23.

(стр. 98—152), как и ряд статей на ту же тему, опубликованных тем же автором за последние годы, представляет широкую теоретическую программу монографического исследования по русской лексикологии, оснащенного богатым и разнообразным конкретным материалом и развивающего установки сталинского учения о взаимоотношении грамматики и основного словарного фонда языка. Как обычно, акад. В. В. Виноградов начинает свое исследование с критического обзора богатого теоретического наследия русского языкознания по изучаемому вопросу. Определяя границы между словообразованием и словоизменением, он справедливо отвергает точку зрения акад. Ф. Ф. Фортунатова (стр. 100—101), относившего к словообразованию все несинтаксические формы изменения слов (например, мн. число), и уделяет заслуженное внимание интересным наблюдениям акад. Л. В. Щербы над случаями «переходными, колеблющимися», свидетельствующими о развитии и изменении языка (стр. 107). Сам В. В. Виноградов, как уже в книге «Русский язык» (1947) и в других своих работах, исходит из понятия слова как «системы форм», объединяющей «все формы данного слова — и те, которые образуются окончаниями (флексиями), и те, которые образуются суффиксами (например, — *покрыть*, *покры-ва-ть*, *покры-ва-я*, *покры-ва-ющий*, *покрыва-ю* и т. п.)» (стр. 110), очевидно, включая в формобразование не только множественное число или причастия, но и видовые формы глагола, образованные с помощью суффиксов. «Фактически именно из такого понимания слова исходит каждый носитель современного русского языка» (стр. 110). Таким образом, среди форм одного слова могут быть разные типы форм: «как формы, синтаксически обусловленные или синтаксические, так и формы синтаксически обуславливающие или вообще несинтаксические» (стр. 110). Формообразование изучает формы слова (морфологию) в отличие от словообразования, которое рассматривает образование производных слов; но между ними наличествует «самая тесная связь и взаимодействие» (стр. 110), в особенности, например, в системе русского глагола (стр. 114).

Основой для развития словарного состава языка, как учит И. В. Сталин, является его основной словарный фонд. Словообразование представляет «связующее звено» между основным словарным фондом языка и его словарным составом, с другой стороны — между словарем и грамматикой (стр. 118—119). В отличие от грамматических категорий словоизменения (падежа, числа, времени), словообразовательные категории «никогда не достигают такой широты обобщения и грамматической абстракции» (стр. 123). В них отмечается «отсутствие строгой системности, наличие внешне немотивированных ограничений, многообразие тождественных или близких значений у многих словообразовательных элементов, препятствующее их грамматической обобщенности» (стр. 123). Даже употребление продуктивных суффиксов строго ограничено определенным характером корневого элемента (морфологическим и лексическим), в зависимости от которого находится и их значение (стр. 129 и сл.).

На большом материале, иллюстрирующем эти положения, акад. В. В. Виноградов показывает основные типы словообразования, наличествующие в русском языке: словообразование собственно морфологическое, морфолого-синтаксическое, синтаксическое, лексико-морфологическое и лексико-семантическое. Учитывая многообразие этих форм, автор рекомендует различать *с л о в о п р о и з в о д с т в о* (т. е. образование производных слов с помощью морфологических средств) и *с л о в о о б р а з о в а н и е* (т. е. образование новых слов путем комбинаций уже существующих слов или путем переосмысления их форм) (стр. 144). Это деление соответствует положению словообразования (в широком смысле) как лингвистической дисциплины, тесно связанной и с грамматикой (морфологией), и с лексикологией. Эти общие теоретические положения по-разному развиваются и дополняются на материале других языков в статьях К. А. Левковской, А. И. Смирницкого, Э. В. Севортяна.

Вопрос «О словообразовании и его отношении к грамматике» К. А. Левковская рассматривает на примере немецкого языка (стр. 153—181). Как и русский язык, немецкий обладает богато развитым и исторически развивающимся, продуктивным словообразованием. Как характерную особенность немецкого языка, автор правильно отмечает «возникновение суффиксов из слов» (стр. 155), т. е. на основе словосложения, широкое применение которого несомненно является одним из внутренних законов развития немецкого языка (ср. стр. 160). Следовало бы также отметить особые условия, которые создаются для словообразования в немецком языке в связи с редукцией окончаний. Этим, как нам кажется, объясняется в ряде случаев распространение более «выразительной» формы суффикса (*Schönheit* вместо *Schöne* и т. п.), отмеченное в статье (стр. 159), и многочисленные факты «перераспределения основ» (стр. 155), служащие обычно для укрепления фонетически слабого суффикса.

Мало целесообразной представляется попытка автора, в отличие от акад. Виноградова, установить разграничение между «формообразованием при помощи аффиксов (суффиксов и префиксов)» и «словоизменением (формообразованием при помощи флексий)» (стр. 166). Частично это возвращает нас к точке зрения акад. Фортунатова, поскольку образование множественного числа существительных, степени сравнения, видовые формы глагола автор, по видимому, склонен относить не к словоизменению,

а к формообразованию в более широком смысле (стр. 160—161). В некоторых случаях это приводит к недоразумениям, когда, например, словообразовательный суффикс действующего лица *-er* (*Arbeiter* «рабочий») оказывается как «формообразующий аффикс» в одном ряду с суффиксом сравнительной степени *-er* (*wärm* — *wärmer*) (стр. 165). С исторической точки зрения понятия эти также не могут быть четко разграничены, поскольку, например, тот же старый основообразующий суффикс основ на *-n* может в одном случае превратиться (в словах мужского рода) в падежный признак группы косвенных падежей (им. падеж ед. числа *Herr* — род., дат., вин. падежи *Herren*), в другом случае (в словах женского рода) — в окончание множественного числа (ед. число *Frau* — мн. число *Frauen*).

Обширная работа Э. В. Севортяна «К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках» (стр. 306—367) является в сущности первой попыткой систематического обзора важнейших словообразовательных форм тюркских языков (азербайджанского, турецкого, узбекского), которая заслуживает тем большего внимания, что опирается на основополагающие принципы сталинской теории. Вслед за акад. Виноградовым автор отмечает более общий и абстрактный характер категорий словоизменения по сравнению со словообразованием; поскольку в тюркских (агглютинирующих) языках употребление словоизменительных морфем не зависит от характера основы, их «всеобщее» для каждой части речи значение оказывается совершенно индифферентным к лексической стороне слова (стр. 310). С другой стороны, словообразовательным категориям и здесь свойственны обычные лексико-семантические ограничения. На ряде примеров частных значений словообразовательных суффиксов автор убедительно показывает их связь с лексико-семантическими особенностями значения основных слов.

В отличие от акад. В. В. Виноградова, Э. В. Севортян относит сложные слова тюркских языков к словообразованию «неграмматическому» (стр. 316 и сл.). Между тем связь между элементами сложных слов — различная, и эти различия, как нам представляется, имеют именно грамматический характер; ср., например, следующие грамматические типы: узб. *темирйўл* «железная дорога» (буквально, «железо-дорога»), *оғсоғол* «старец, почтенный человек» (буквально, «белая борода» в значении «белобородый», так называемые «*bahuvrihi*») и *ўринбосар* «заместитель» (буквально, «место-заступающий») и др.¹⁰ Правильной представляется нам в этом вопросе точка зрения акад. Виноградова, который относит сложные слова русского языка к области «синтаксико-морфологического словообразования» (стр. 140).

Непонятно также, почему Э. В. Севортян не решает отнести к сложным словам и считает «живыми синтаксическими сочетаниями» такие термины новейшего происхождения, как азерб. *тахылбичэн* «жнейка», *тахылдён* «молотилка», *ерөлчэн* «землемер» и т. п. Ведь между «жнущим хлеб» (*тахыл бичэн* или *тахылы бичэн киши*) и «жнейкой» (*тахылбичэн*) и др. существует существенное различие, смысловое и в некоторых случаях даже грамматическое (неоформленный вин. падеж), т. е. «сдвиг семантического или грамматического характера», по терминологии автора (стр. 319), и это не зависит от факта слитного или раздельного написания, который свидетельствует лишь о текущем и широко продуктивном характере этого важного грамматического процесса в современном языке.

В интересной статье «К вопросу о слове (Проблема „отдельности слова“» (стр. 182—203) А. И. Смирницкий так же, как и акад. В. В. Виноградов в своей работе, исходит из рассмотрения слова как единицы языка, в которой «сплетаются, перекрещиваются и взаимодействуют лексические и грамматические моменты» (стр. 183). Определение слова как единицы языка связано для автора с проблемами «отдельности слов» и «тождества слова». Проблема «отдельности» в свою очередь распадается на два вопроса — о «выделимости» и о «цельности» слова. Критерий фонетический и семантический для такого выделения недостаточны: выдвигается критерий «отношения к грамматическому строю языка»: «Это значит, что слова оказываются грамматически, как морфологически, так и синтаксически, оформленными и определенным образом приспособленными к их совместному функционированию в связной, осмысленной речи» (стр. 191).

Если признать правильность этого критерия, тогда становится непонятным, почему автор не согласен с акад. Л. В. Щербой, который утверждал, что «...понятия „слово вообще“ не существует», что в разных языках слово определяется «по-разному»¹¹ (см. стр. 183). Ведь отношение слова как единицы языка к грамматическому строю языка должно быть различным в зависимости от особенностей последнего в данном языке. Так, слово в языках флективного строя, которое, согласно определению Мейе, «...никогда не существует без особой грамматической характеристики» (падежа, числа,

¹⁰ С. М. А. Н. Кононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 104 и сл., где приведены различные грамматические типы словосложения.

¹¹ Л. В. Щерба, Очередные проблемы языковедения, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1945, вып. 5, стр. 175.

лица и времени и т. п.),¹² существенным образом отличается от слова в тюркских (агглютинирующих) языках, где неоформленная основа имени употребляется самостоятельно как так называемый «абсолютный падеж», являющийся лишь потенциальным носителем грамматических определителей, которые, по справедливому замечанию Э. В. Севортяна в упомянутой выше статье, лишь «сопутствуют слову, но не входят в него» (стр. 311). Наконец, совсем иной характер будет иметь определение слова, скажем, в китайском языке, где огромное большинство значащих слов вообще не имеет морфологического оформления.

В применении к новоевропейским языкам, развившим в себе элементы анализа, следует признать убедительными возражения, выдвигаемые А. И. Смирницким против тех теорий, которые рассматривают предлоги как флексивные форманты слова или личные местоимения как морфемы глагола. Нам тоже представляются ошибочными высказывания Вандриеса, будто во французской фразе *je ne l'ai pas vu* «я его не видел», в которой «школьная грамматика» насчитывает шесть отдельных слов, «в действительности налицо только одно слово, но сложное, образованное из ряда морфем, переплетенных одна с другой»¹³. На самом деле слова, из которых строится эта фраза, отчетливо выделяются при сопоставлении с другими: *je l'ai vu, tu l'as vu, je t'ai vu, j'ai vu, tu as vu* и т. п., — подобно тому как самостоятельность предлога *на* в качестве отдельного слова определяется возможностью выделения его при сопоставлении со словосочетаниями, указанными А. И. Смирницким: *на суд, на ваш суд, на товарищеский суд* и др. (стр. 195).

Но и здесь в языках иного грамматического строя, например в тюркских (агглютинирующих), степень самостоятельности основы, как и флексивного показателя, гораздо более значительна, поскольку между ними могут свободно вставляться другие словоизменятельные морфемы: ср. узб. *кун* «день», с аффиксом исходного падежа *кун-дан* «от дня», мн. число *кун-лар-дан* «от дней», с притяжательным аффиксом *кун-и-дан*, мн. число *кун-лар-и-дан* и т. п. Это снова указывает на своеобразие грамматического определения слова в языках разного строя.

Менее убедительным представляется мне то, что А. И. Смирницкий называет «отрицательной выделительностью слова» (стр. 193): если в сочетании *на-дом*, возражает он своим противникам, предлог *на* рассматривать как часть слова, как морфему, то *дом* соответственно также представляет из себя часть слова. Аргумент этот основан на отсылке к тому, что требуется доказать (*petitio principii*). Разумеется, для того, кто признает предлог *на* в сочетании *на-дом* флексивной морфемой, слово *-дом* в этом сочетании соответственно представляется корневой морфемой, так же, как, например, в дательном ед. числа *дом-у*; возможность и такого рассуждения (по нашему мнению — неправильного) подкрепляется формами предложного падежа типа *на-доме, о-доме*, где форма *доме* хотя и является (с нашей точки зрения) словом, однако отдельно не употребляется, совершенно так же, как и французское *je* в примере Вандриеса, встречающееся только в сочетании с глаголом (*je vois*).

«Цельность» слова, отличающая его от словосочетания, определяется, по мнению А. И. Смирницкого, его «цельнооформленностью», которой обладают и сложные слова (*прямоугольник, железнодорожный*), тогда как «раздельнооформленные» словосочетания по степени своей семантической цельности в свою очередь распадаются на идиоматичные (связанные) типа *спустя рукава, взять свое* — в отличие от не идиоматичных (свободных) типа *дом отдыха, железная дорога* (стр. 197—203).

Полезность этой классификации не подлежит сомнению. Однако в ней не нашли себе места наиболее трудные с точки зрения проблемы «отдельности слова» случаи. К какой категории слов или словосочетаний следует отнести аналитические формы, например, сложные формы глагола *ich habe geschrieben* «я писал», *ich bin gefallen* «я упал», *ich werde betrogen* «меня обманывают» и т. п.? Несомненно, *ich bin gefallen* «я упал» представляет не одно, а три слова, и в то же время это — сложная грамматическая форма (перфект) от глагола *fallen* «падать». Вопрос этот поставлен в настоящем сборнике акад. Виноградовым в связи с аналитическими формами русского глагола типа *стану работать* (стр. 112). В. В. Виноградов говорит здесь о «синтаксическом формообразовании». Со своей стороны, мы предложили бы термин г р а м м а т и ч е с к о е с л о в о с о ч е т а н и е — в параллель с л е к с и ч е с к и м и (ф р а з е о л о г и ч е с к и м и). Но к более свободным грамматическим словосочетаниям этого типа относятся и сочетания предлога с существительным, в особенности там, где предлог почти утратил свое вещественное значение и является эквивалентом падежа, как в английском родительном с предлогом *of*, параллельном флексивному родительному на *'s* (*the house of my father = my father's house* «дом моего отца»), или в русском предложном падеже, где старая форма локатива (*доме*) уже не употребляется без предлога.

¹² А. Мейе, Основные особенности германской группы языков, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952, стр. 83.

¹³ Ж. Вандриес, Язык, М., Соцэкгиз, 1937, стр. 89.

Вопросы синтаксиса имеют в русской грамматической науке прошлого большую и плодотворную традицию. Продолжая ее, Институт языкознания АН СССР еще в 1950 г. выпустил специальный сборник «Вопросы синтаксиса современного русского языка».

Статья В. И. Б о р к о в с к о г о «Основные вопросы исторического синтаксиса русского языка» (стр. 260—285) представляет широкую программу историко-синтаксических исследований. «Необходим обобщающий труд по историческому синтаксису русского языка, созданный на основе учения И. В. Сталина о языке», — указывает В. И. Борковский (стр. 285). В статье намечены некоторые основные вехи для этого будущего труда. В свою программу В. И. Борковский включает и изучение сравнительного синтаксиса славянских языков, однако не в целях «восстановления архетипа той или иной синтаксической конструкции», а для того, «чтобы представить себе синтаксическую систему древнерусского языка как систему своеобразную, отличающуюся от систем других языков, даже родственных...» (стр. 282). Мы думаем, что в этом и заключается основная задача сравнительно-исторической грамматики: восстановление «архетипа» или «системы архетипов» должно быть не самоцелью, а лишь вспомогательным средством для раскрытия закономерностей развития грамматического строя данного языка, его внутренних законов. Именно в этом смысле сравнительный метод, как учит И. В. Сталин, «...толкает к работе, к изучению языков...»¹⁴, и исследование вопросов такого родства «...могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»¹⁵.

Статья Н. С. П о с п е л о в а «Категория времени в грамматическом строе русского глагола» (стр. 286—305) касается более частного вопроса русской грамматики. Автор отвергает традиционное понимание субъективной природы грамматического разграничения форм времени с точки зрения «момента речевого сознания» говорящего (формула Пешковского) и пытается вскрыть идеалистические корни этого взгляда. «Категория времени, являясь отражением объективного времени, — как утверждает Н. С. Поспелов, — непосредственно включает глагольное действие в реальную действительность» (стр. 296).

Ближайшим предметом статьи является рассмотрение «основного временного значения форм настоящего времени несовершенного вида» русского глагола (стр. 297 и сл.), в частности, оттенков значения «нераскрытого» и «раскрытого» настоящего, настоящего в значении будущего, настоящего в обобщенном значении постоянного и вневременного действия.

Нам представляется, что всестороннее объяснение описанных здесь грамматических фактов невозможно без сравнительно-грамматической перспективы, устанавливающей их исторический генезис, поскольку эти факты наличествуют не только в других славянских, но и в других индоевропейских языках. Ср. для значения настоящего-будущего нем. *Ich gehe heute ins Theater* «Я иду сегодня в театр» (в значении «я пойду...»). Это значение связано с древними видовыми основами индоевропейской глагольной системы, в частности — со значением индоевропейского презенса как длительного действия, точнее как «данности действия» (В. В. Виноградов) — без ограничения временем. Лишь позднейшее формирование «объективных» времен, сперва — прошедшего, значительно позже — будущего, до известной степени ограничило временное значение презенса, превратив его (не полностью) в так называемое «настоящее время». Своеобразие этого процесса в русском языке определяется соотношением видов и времен в системе русского глагола.

Вопросы сравнительно-исторического метода, его указанных И. В. Сталиным положительных сторон и его «серьезных недостатков», вызывают в настоящее время живой интерес советских языковедов; поэтому приходится сожалеть, что в сборнике им уделено недостаточно внимания. Космополитические установки так называемого «нового учения» о языке принесли особенно большой вред сравнительно-историческому изучению славянских языков, искусственно затормозив на долгое время возможность научной работы в этой области; между тем И. В. Сталин специально отмечает несомненное «...языковое родство, например, таких наций, как славянские...»¹⁶, и важность для языкознания изучения этого родства.

Статья Л. А. Б у л а х о в с к о г о «Сравнительно-исторический метод и изучение славянских языков в свете высказываний И. В. Сталина» (стр. 237—259) посвящена вопросам скорее методики, чем методологии этого исследования и иллюстрирована примерами, заимствованными из богатого исследовательского опыта самого автора, с учетом достижений и недостатков предшествующей работы в этой области. Л. А. Булаховский предостерегает против «механического» применения звуковых законов, настаивая на важности учета «ассоциативной сферы» данного слова, в частности, он придает большое значение контаминациям; он намечает принципы этимологического исследования, опирающегося на научно-разработанную семасиологию,

¹⁴ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

¹⁵ Там же, стр. 34.

¹⁶ Там же, стр. 33—34.

с привлечением «реалий» материальной культуры; в области морфологии он справедливо указывает на необходимость теоретического уточнения вопросов грамматической аналогии; в области синтаксиса он выдвигает задачу изучения мало разработанных в славистике сравнительно-синтаксических проблем, с широким привлечением современных славянских диалектов. Большое значение автор придает как в области фонетики, так в особенности в морфологии и синтаксисе фактам параллельного развития родственных языков. «Хорошо обработанный материал этого рода — необходимое условие правильной характеристики внутренних законов языка и конкретных взаимоотношений элементов его исторического развития» (стр. 253). Наконец, сравнительный метод может найти применение и в практике преподавания родственных языков, как это в свое время пытался осуществить И. А. Бодуэн де Куртенэ в своей работе «Польский язык сравнительно с русским и древнецерковнославянским» (1912).

Изучению реальных процессов скрещивания языков на основе сталинской теории посвящены статьи Б. А. Серебренникова, В. С. Расторгуевой, Ю. Д. Дешериева. Исходя из открытого И. В. Сталиным закона неравномерного развития различных сторон языка, Б. А. Серебренников в статье «Об устойчивости морфологической системы языка» (стр. 204—224) исследует вопрос о степени проницаемости этих различных сторон при взаимодействии неродственных языков. «При скрещивании или взаимодействии языков может иногда происходить довольно интенсивный лексический взаимообмен, тогда как элементы системы склонения или спряжения двух языков никогда взаимно не переплетаются» (стр. 204).

Этот факт Б. А. Серебренников объясняет различным характером лексической и грамматической абстракции и иллюстрирует его большим числом примеров взаимодействия и смешения языков различного типа, в частности также анализом «языковых смесей», возникающих в условиях двуязычия, и языковых жаргонов типа *пиджисн инглиш* и *бичламар* и других, служивших излюбленными примерами для таких теоретиков языкового смешения, как Шухардт и др. Однако даже в этих специфических случаях, принадлежащих, по справедливому замечанию автора, «к разряду лингвистических уродств и аномалий» (стр. 224), также не происходит заимствования «словоизменительных формативов и их аналогов» (стр. 221). Встречаются также не очень многочисленные примеры заимствования иноязычных суффиксов. Синтаксические конструкции «могут легко калькироваться, создаваться одним языком по образцу другого» (стр. 215). Что касается фонетики, то она, «по всей видимости, должна быть отнесена к сферам проницаемым, хотя этот вопрос требует тщательного изучения» (стр. 213).

К числу важных теоретических вопросов, лишь мельком затронутых Б. А. Серебренниковым, относится и вопрос о так называемых «языковых союзах», т. е. о возможности частичного сближения неродственных языков в результате длительного взаимодействия в определенной географической зоне. А. С. Чикобава категорически отрицает необходимость такого понятия, считая, что оно «не оправдано с точки зрения исторического языкознания» (стр. 36). Как попытка замены генетического родства «конвергенцией» неродственных языков у некоторых представителей зарубежного лингвистического «модернизма», оно несомненно не соответствует фактам и заслуживает осуждения. Однако Б. А. Серебренников справедливо ссылается на некоторые общие черты неродственных по своему происхождению балканских языков, языков Прибалтики, Волго-Камской зоны, наконец Кавказа (стр. 223—224). Вопрос этот имеет большое значение для методологии сравнительно-исторического языкознания и требует специального критического исследования.

Еще более важное значение имеет совсем не затронутый автором вопрос о специфических закономерностях смешения диалектов одного языка. Было бы очевидной методологической ошибкой ставить, как это иногда делается, знак равенства между скрещиванием неродственных языков и смешением диалектов внутри одного языка. Ошибку эту в прошлом совершали, как известно, диалектологи марровской «школы», а в настоящее время иногда повторяют вслед за ними и их противники. Диалекты одного языка, развивающиеся по общим внутренним законам, имеющие частично сходный грамматический строй и частично общий словарный состав, проницаемы друг для друга, поскольку они являются «ответвлениями» единого общенародно о языка. Взаимодействие и смешение являются здесь прямым результатом общения между говорящими на взаимопонятных соседних диалектах одного языка. Без такого смешения невозможны ни процессы «концентрации» диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией¹⁷, ни поглощение диалектом, развившимся в национальный язык, других, подчиненных ему диалектов того же языка. При этом процесс развития национального языка и поглощения подчиненных ему диалектов сам уже подготовлен был веками совершавшимся частичным сближением родственных диалектов внутри единого общенародно о языка, поскольку эти диалекты, не будучи непроницаемыми друг для друга, издавна нивелировались в результате языкового общения.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 414.

До известной степени это положение относится и к близкородственным языкам, представляющим генетически не слишком отдалившиеся друг от друга диалекты («ответвления») одного языка-основы. Мы имеем в виду общеизвестные факты взаимодействия и взаимного обогащения (не только лексического) между русским и церковнославянским языком (формы причастия), между нижненемецким и скандинавскими языками (заимствованные в большом числе словообразовательные суффиксы), между древнеанглийским и скандинавским в период владычества и колонизации данов на англосаксонской территории (личные местоимения, ряд обиходных слов основного словарного фонда, в частности глаголов).

Статья В. С. Расторгуевой «Об устойчивости морфологической системы языка (по материалам северных таджикских говоров)» (стр. 225—236) рассматривает тот же вопрос. В результате длительного двуязычия в таджикские говоры Ферганской долины, исследованные автором, проникли в большом числе узбекские заимствования; калькируются не только синтаксические обороты, но и сложные глагольные формы, построенные из таджикского лексического материала по грамматическому образцу узбекского языка; однако морфология, система словоизменения, остается таджикской, обнаруживая «поразительную устойчивость» (стр. 227).

Правда, В. С. Расторгуева отмечает заимствование некоторых словообразовательных суффиксов (-чи, -лик и некоторые другие) (стр. 234—235), но так же, как в аналогичных примерах Б. А. Серебrenникова (стр. 215), мы полагаем, что суффикс не заимствуется, а отвлекается от группы заимствованных слов, ставших родными (*колхозчи* «колхозник», *кетманчи* «кетменщик» и т. п.). Именно таким способом был «заимствован» в древнегерманских языках латинский суффикс действующего лица *-arius* > нем. *-er* (*Schreiber* «писец», *Mahler* «художник» и т. п.), отвлеченный от таких заимствованных названий профессий, как лат. *colonarius* > нем. *Zöllner*, *monetarius* > нем. *Münzer* и многие другие.

Наличествуя и заимствование аффикса исходного падежа -дан, иногда с одновременным сохранением таджикского предлога *a(a)* «из», с тем же значением исходности (стр. 235). Следует, однако, иметь в виду, во-первых, отмеченную выше (стр. 126) относительную обособленность подобных падежных аффиксов в агглютинирующих языках, приближающую некоторые из них к послелогам; во-вторых, более узкое, ограниченно конкретное значение местных падежей типа исходного, приближающее их к нашим местным предлогам (*ua*, *om*).

Разнообразный и интересный материал по тому же вопросу собран и в статье Ю. Д. Дешериева «О взаимодействии древнеписменных, младописьменных и бесписьменных языков в свете сталинского учения о языке» (стр. 461—494). Предметом его исследования служат процессы скрещивания на материале языков Кавказа. Большое число этих языков (около пятидесяти), из которых значительная часть является языками бесписьменными, близкое территориальное соприкосновение между ними делает материал этот особенно показательным для проблемы смешения. Ю. Д. Дешериев дифференцирует несколько типичных случаев: поглощение некоторых мелких, иногда одноаульных, бесписьменных языков в результате длительного двуязычия, связанного с политическим и культурным преобладанием древнеписменного языка (грузинского, азербайджанского); воздействие младописьменного языка (например, аварского) на бесписьменные языки района, где он служит в настоящее время языком межплеменного общения, языком школы, или взаимодействие между соседними младописьменными (или бесписьменными) языками, принадлежащими к разным языковым группам (например, между осетинским или кумыкским и северокавказскими языками): случаи, когда взаимное влияние фактически оказывается очень незначительным и ограничивается преимущественно лексическими заимствованиями. В целом, несмотря на различие условий, грамматическая система языка (даже при процессах поглощения) обнаруживает свойственную ей стойкость и непроницаемость. Смешения языков не происходит, несмотря на, казалось бы, особо благоприятные условия сравнительно небольшой территории, где «было сосредоточено в течение двух тысяч лет по меньшей мере 50—60 языков, относящихся к различным семьям». Как справедливо заключает автор, «этот факт доказывает ошибочность марровской теории скрещивания языков» (стр. 481).

Изучению малоисследованных бесписьменных и младописьменных языков посвящены и работы Н. М. Терещенко «О развитии грамматических категорий ненечского языка (на примере категории причастия)» (стр. 368—386) и Г. А. Меновиц и К. О. Ва «Об устойчивости грамматического строя и основного словарного фонда эскимосского языка (по материалам эскимосских диалектов)» (стр. 430—460). Первая прослеживает морфологические и синтаксические особенности одной грамматической категории, устанавливая путем сравнительно-грамматического исследования исторические перспективы ее развития; вторая дает развернутое сопоставление диалектов изучаемого языка в области основного словарного фонда и грамматики — сопоставление, которое при чрезвычайной разбросанности эскимосов «на широких просторах Арктики — от Чукотского полуострова до Гренландии включительно» (стр. 431) действи-

тельно свидетельствует о большой устойчивости этих двух основных элементов когда-то единого общенародного языка.

К сожалению, статья Г. А. Меновщикова — единственная в сборнике, специально посвященная вопросам диалектологии, притом в особых условиях племенных диалектов бесписьменного языка. Между тем теоретическая разработка и широкое обсуждение основных принципов диалектологического исследования являются в настоящее время насущной необходимостью, учитывая в особенности предпринятую Институтом языкознания АН СССР большую работу общенационального масштаба — составление русского диалектологического атласа, а также аналогичные работы, предпринимаемые республиканскими академиями наук.

С работой над национальными языками Советского Союза связана и теоретическая статья В. А. Аврорина «К вопросу о национальной самобытности языка» (стр. 387—429). Каждый язык, справедливо указывает автор, имеет «с а м о с т о я т е л ь н ы й п у т ь с о в е р ш е н с т в о в а н и я п о с в о и м с о б с т в е н н ы м з а к о н а м», а следовательно, в частности, и «свою собственную систему грамматических категорий» (стр. 411). Отсюда — невозможность универсальных грамматических, или «понятийных» (по терминологии акад. И. И. Мещанинова), категорий, невозможность «всеобщей универсальной или рациональной грамматики» (стр. 412). Но отсюда же следует необходимость при изучении и преподавании языка полностью учитывать его национальные особенности. Между тем в теории и практике преподавания родного и русского языков в национальных школах в период господства марковского учения, как показывает В. А. Аврорин на примере ряда статей из сборника «Вопросы методики преподавания русского и родного языка в нерусской школе» (Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948), господствовал «унификаторский подход» к языкам, основанный на неправильном принципе: при параллельном изучении родного и русского языка обращать внимание учащихся в первую очередь на черты сходства между этими языками, отодвигая различия на второй план, и пользоваться в учебниках (а иногда и в научных работах) по языкам народов СССР русскими грамматическими схемами и связанной с ними терминологией без учета национальных особенностей данного языка (стр. 414). Сторонники этой своеобразной методики совершенно откровенно заявляли на страницах названного сборника: «Мы против схоластического отыскивания специфика в родном языке» (стр. 416).

Между тем, как справедливо замечает В. А. Аврорин, не следует забывать, что «взаимоотношения между языками и взаимоотношения между народами, близость языков и дружба народов далеко не одно и то же» (стр. 416, прим. 3). Сопоставительный метод имеет огромное значение в деле преподавания любого второго языка; но он требует одинакового учета и сходства, и различий между языками, усвоения различий на основе сходства. Тем более школьное изучение родного языка не может быть сколько-нибудь успешным и плодотворным при намеренном игнорировании его самобытности, основы его национальной специфики.

Мы попытались изложить важнейшие положения статей, вошедших в состав рецензируемого сборника, и тем самым дать представление о богатстве и многообразии мыслей и фактов, которые он содержит. Нашей целью одновременно было показать, что проблемы, поставленные участниками сборника, в ряде случаев нуждаются в дальнейшей разработке, по возможности на материале разных языков, с учетом их национальной специфики, их внутренних законов, а в некоторых случаях выдвигаемые положения требуют всестороннего критического обсуждения и широкой дискуссии — борьбы мнений, без которой наука, как известно, «не может развиваться и преуспевать». Некоторые важные и актуальные вопросы языкознания почти или совсем не отразились в сборнике: вопросы фонетики и в особенности фонологии, вопросы диалектологии, проблема сравнительно-исторического метода, его достижений и недочетов, наконец, весь сложный комплекс вопросов, связанных с историей литературного языка и языком художественной литературы, стилистикой и поэтическим стилем, художественным переводом. Необходима дальнейшая разработка этих вопросов как в коллективных сборниках, подобных настоящему, так и в специальных монографиях и исследовательских статьях. Широкая программа таких исследований и исследовательской работы в области языкознания учитывается составителями сборника и уже намечена в основных чертах в его «Предисловии» (стр. 4—5).

В целом сборник представляет несомненное достижение авторского коллектива Института языкознания АН СССР и еще раз свидетельствует о благотворной направляющей и вдохновляющей силе великих сталинских идей.

В. М. Жирмунский

П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Пособие для педагогических и учительских ин-тов.—М., Учпедгиз, 1952. 312 стр.

Выступление И. В. Сталина по вопросам языкознания создало перелом в истории науки о языке, заложило твердый марксистский фундамент теории лингвистических явлений, оказало и, несомненно, еще окажет в очень многом мощное влияние на развитие различных сторон советского языкознания.

Одна из очень серьезных задач, стоящих сейчас перед языковедами нашей страны,— обеспечить высшую филологическую школу новыми учебниками по важнейшим предметам преподавания, учебниками, которые должны отразить происшедшие в нашей науке сдвиги исключительного значения и поднять на новую, высшую ступень преподавание целого ряда филологических дисциплин. Естественны поэтому тот напряженный интерес, с которым встречается в кругах специалистов каждая книга, предназначенная служить этой цели, и те строгие требования, которые должны быть к ней предъявлены.

Книга проф. П. Я. Черных, много работавшего по истории русского языка и вполне подготовленного к тому, чтобы выступить с обобщением своего авторского и преподавательского опыта, не имеет официальной апробации в качестве вузовского учебника или даже вообще пособия для высшей школы. Это, однако, мало меняет дело по существу. Книга издана Гос. учебно-педагогическим издательством, выпущена большим тиражом и, как указано на титульном листе, прямо предназначена для педагогических и учительских институтов. Следовательно, на рецензента ее падает обязанность оценить книгу прежде всего в аспекте учебно-методическом. Самое серьезное право на внимание имеет при этом и собственно научная сторона книги.

Книга проф. Черных охватывает большой исторический материал по русскому языку и в некоторой мере ставит себе задачей осветить факты русского языка также в аспекте сравнительном. Последний, впрочем, сильно ограничен, поскольку привлекаемый материал почти не выходит за пределы славянских языков и сводится главным образом к сопоставлению русских фактов со старославянскими. В книге освещен материал, относящийся к фонетике и морфологии (почти исключительно — к склонению и спряжению), некоторое внимание уделено наиболее характерным явлениям исторического синтаксиса (стр. 258—279) и есть совсем небольшая глава, трактующая вопросы развития словарного состава языка (стр. 280—306). Богато по охвату вопросов «Введение» (стр. 3—64). В нем рассматриваются предмет и задачи истории русского языка, понятие «русский язык» (литературный русский язык и говоры), вопросы об отношении русского языка к другим славянским и о древнейших судьбах восточного славянства и характеризуются основные источники исторического изучения русского языка. Таким образом, вовсе не вошел в книгу только материал, относящийся к истории русского ударения; мало затронуты также вопросы словообразования (выходящие за пределы того, что относится к наиболее общим категориям — степеням сравнения, виду, залогу и т. п.). На последних страницах книги даются краткие сведения о развитии исторической грамматики русского языка и о наиболее важных пособиях для углубленного изучения курса (стр. 302—306).

О своих методических установках автор не говорит (к книге нет предисловия). А между тем о них следовало бы сказать несколько слов, тем более, что учебник проф. Черных в методическом отношении в большой степени оригинален, и у автора, надо думать, было что сказать о своих методических установках. Методические качества книги мне представляются приблизительно такими. Это — пособие для высшей филологической школы несколько сниженного типа, более подходящее для учительских, нежели для педагогических институтов, хотя и в них оно тоже может быть использовано при отсутствии других, более серьезных пособий или при наличии только «трудных» пособий. Учебник может также достигнуть своей цели и как пособие-самоучитель, т. е. ввести в историческую грамматику русского языка студентов, которые относительно твердо знают старославянский язык и достаточно подготовлены по курсу «Введение в языкознание». Но более полезною, по-настоящему полезною книга окажется главным образом как пособие к хорошим лекциям, в которых будут сообщаться некоторые основные сведения по истории языка с элементами сравнительного языкознания, преимущественно в пределах славянских языков.

Автор явно хотел сделать свою книгу и занимательной, и легко читаемой. Того и другого он в большой степени достиг, не уклонившись при этом от рассмотрения многих трудных вопросов, мимо которых он не прошел ввиду их важного значения. Установка на доступность изложения, как только что отмечено, автором, мне кажется, достигнута, и не следует ставить ему в серьезную вину нередкий и у других популяризаторов грех излишней иногда разговорности слога, мало воспитывающей в читателе серьезный подход к важным объектам мысли.

Как почти все выходявшие до сих пор пособия по истории русского языка, книга П. Я. Черных не содержит сколько-нибудь подробной характеристики древнерусского правописания или, тем более, описания собственно палеографической стороны

памятников. Некоторые необходимые замечания о древнем правописании даются в книге лишь попутно с изучением соответствующих явлений фонетики; так же коротко автор знакомит читателей с важнейшими моментами, относящимися к древнерусскому письму (§ 24—«Краткие сведения из палеографии», стр. 56—58. Ср. и стр. 87—93, на которых рассматривается вопрос о старославянских алфавитах и их судьбе у восточных славян). Иллюстративный материал в книге невелик, но в общем может считаться достаточным. Соответствующие выдержки даются без точных указаний на источники и преследуют, таким образом, лишь элементарную цель.

Важное не только в методологическом, но и в методическом плане указание И. В. Сталина: «...нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»¹ — реализуется в книге относительно слабо. Довольно широко и со знанием дела для целей сравнения в книге привлекается главным образом старославянский материал; материал других славянских языков привлекается редко и притом не всегда удачно (см. об этом ниже). Остальные индоевропейские языки привлечены к освещению русских фактов совсем мало, в чем, видимо, сказывается принятая автором методическая установка: очерк рассчитан на читателей без подготовки по классическим и другим особенно важным для сравнительной грамматики языкам. Меньше всего может удовлетворить читателя, — что, впрочем, в большой степени зависит от общего состояния нашей науки, — часть книги, относящаяся к историческому развитию русской лексики.

В книге хорошо изложен ряд вопросов, не легких для популярного истолкования. Параграфов, заслуживающих в этом отношении одобрения, значительно больше, чем таких, которые могут считаться недостаточно обработанными. Поэтому, отмечая параграфы особенно интересные или удачные, я в ряде случаев не буду касаться других параграфов, имеющих большие научно-методические достоинства.

Удались автору содержательные и четкие вступительные главы (см. главы 1—5); в § 28 главы 5-й автор излагает с хорошим знанием фактов и доступно сведения об иностранных передачах старорусских слов, причем в полной мере обнаруживает критический подход к материалу. Из отдела исторической морфологии очень удачным мне представляется § 85 «Указательные местоимения» с большим, свежим, хорошо освещенным диалектным материалом и с хорошо подобранными параллелями из памятников. Толково и, насколько это возможно, интересно изложены исторические сведения, относящиеся к спряжению (стр. 211—252). Отмечу, впрочем, свое решительное несогласие с замечанием на стр. 225, будто «возможно, что в языке фольклора в таких случаях, как „пролегла лежит широкая дороженька“ (как бы „пролегла“ лежит), еще сохраняется память об употреблении этих форм в функции о п р е д е л е н и я». Случай, о котором идет речь, — самая типичная синтаксическая контаминация двух способов выражения, типичная именно для фольклорной манеры.

В отделе «Из исторического синтаксиса» без больших претензий на глубину истолкования, но интересно и со знанием материала изложены параграфы, трактующие своеобразные типы древнерусской сказуемости (§ 114—122). Хорошо и четко автор знакомит читателя со «словосочетаниями с приставочным глаголом и с беспредложным дополнением» (§ 121), хотя самое заглавие «с приставочным глаголом» не вполне оправдывается содержанием параграфа, в котором параллельно трактуются случаи беспредложного управления, где в настоящее время возобладало предложное. Нередко автору удается просто и четко изложить довольно сложные фонетические вопросы, например — йотации; удачным вышел у него и § 60 («Судьба сочетаний *ш'ч* и *ж'д'ж*»). Содержательный § 54 хорошо ориентирует читателя в вопросах, относящихся к аканью.

При ряде определенных достоинств книги проф. Черных в ней, к сожалению, немало такого, что следует отнести к более или менее серьезным недостаткам. Но прежде чем перейти к ним, подчеркнем, что автор, видимо, хорошо знает древнерусские памятники (главным образом XVII в.), и это дает ему возможность более или менее часто привлекать к своему изложению свежий и интересный материал. Особенно многочисленны, — и это понятно, — у автора выдержки из «Уложения» царя Алексея и «Жития» Аввакума. Располагает он также довольно интересным материалом из севернорусских говоров и применяет его часто с пользой для дела. Укажу хотя бы такие отмеченные им интересные явления: звательную форму единственного числа при обращениях во множественном в памятниках XVI в. (к сожалению, без ссылки на источник): «Пожалуйте, господине посадники и ратманы...» и т. п. (стр. 148); затемненные остатки звательной формы (стр. 143); иллюстрации к первоначальной независимости *э* (*е*) в *этот* (стр. 195—196); иллюстрации к первоначальному составному характеру *покаместа* (стр. 277); пример перерождения звуковой стороны союза *только > токо* в одном документе XVII в. (стр. 276).

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 33—34.

Думаю, однако, что нельзя по таким серьезным вопросам, как локализация важнейших памятников, бросать вскользь ничем решительно не аргументированные замечания, вроде того, которое находим на 52 стр., будто Добрылово евангелие написано «не на юго-западе, как многие думают, а на севере». Считает ли проф. Черных не оправдавшим себя в качестве приметы южнорусских памятников «новый *ъ*»? Если так, то как с этим согласовать то, что говорится им же в § 44 о «новом *ъ*»? Странно встретить в рецензируемой книге и такую грубую неточность (стр. 54), будто «к XV в. ...относится Ипатьевский (южный) список летописи, составленный около 1425 г.». Редакция в этом выражении смешана со «списком»: Ипатьевский список летописи начала XV в., как, вероятно, хорошо известно и проф. Черных, — севернорусский, предположительно — псковский.

При общей методичности автора в трактовке фонетических закономерностей, странно и необдуманно звучит его замечание на стр. 161: «Возможно, впрочем, что в некоторых севернорусских говорах в склонении существительных с основой на *к*, *г*, *х* под влиянием других падежей согласные *к*, *г*, *х* с доисторического времени сохранялись без изменения в *ч*, *з*, *с* — в нарушение закона так называемого второго смягчения (см. § 55)». Данная в § 55 глухая ссылка на аналогичное утверждение Б. М. Ляпунова ничего в этом отношении не объясняет и не оправдывает.

Без нужды усложненно и неясно изложен вопрос о рефлексации начального *и*е (§ 32, стр. 72—73). Если прямо указать на то, что эта рефлексация не имела места перед слогом с *ь*, а только перед слогом с *и* или *е*, и четче, чем это сделано в книге, отметить второе условие — что перехода *е* в *о* не было перед ударением на третьем слог с начала, почти все станет на свое место, в том числе и *есеньь*, *есенья* (которые, впрочем, можно понимать также как диалектные формы, получившие свое начальное *е* из *о* просто в результате позднейшей ассимиляции). Фамилию *Есенин*, если она действительно по своему происхождению имеет что-либо общее с *осенью*, легко объяснить местным сближением с ассоциативной парой — *весенний*. Диал. *лезеро* «озеро» мало полезно в данном контексте как плохо проверенный факт (из **iezerā* — мн. ч.?), и без него здесь лучше было бы обойтись вовсе.

Исходя из методологической необходимости четко проводить понятие фонетического закона, не могу с сочувствием отнестись, например, и к ограничительным замечаниям автора об отражении *ъ* в виде *и*, которые автор делает в § 51, приводя примеры типа *воинский*, *поимка*. Здесь представлен результат вхождения в литературный язык повоеобразований церковнославянизированного типа, и об этом следовало определенно сказать. На стр. 253 автор неосторожно объясняет фонетически возникновение *меж* из *межу*. Вряд ли им может быть указан тот фонетический закон, по которому осуществилось здесь оптадение *у*. Здесь следовало бы говорить о судьбе конечных «неосемасиологизированных» (по терминологии Бодуэна де Куртенэ) гласных. Малоубедительно обращение автора к грамматической аналогии или, как он выражается, «подравнению» при объяснении известных исклѣчений из закономерности отражения звука *ъ* типа *гн'озда*, *зв'озды* (стр. 114), тем более, что эти исклѣчения давно и хорошо объяснены путем уточнения конкретных условий, в которых они должны были осуществиться исторически.

Различного рода неточностей в книге больше, чем позволяет даже принятая автором установка на упрощение предлагаемых сведений. Неверно передано, например (§ 44), известное наблюдение А. И. Соболевского, что в галицко-волынских памятниках со второй половины XII в. этимологическое *е* в закрытом слог с выпавшим или отпавшим *ь* заменяется через *ъ* — написание, соответствующее украинскому отражению *е* в таком положении в виде *і*. П. Я. Черных, говоря об этом явлении, расширяет условия его реализации и пишет: «... в положении перед слогом, заключающим „слабые“ *ъ* или *ь*...» (стр. 101), т. е. тем самым снимает существенный для истории украинского языка и диалектологии вопрос, как этимологическое *е* отражено в говорах украинского языка перед твердым согласным². В изложении вопроса о появлении *н'* в косвенных падежах местоимений после предлогов в результате «переразложения» — *съ нимъ* и т. п. (стр. 192) — совершенно выпадает объяснение мягкости этого *н*, так как не приводится указания на наличие *ј* в беспредложных формах местоимений: *jego*, *jeti* и др.

Не всегда легко бывает провести достаточно определенную границу между тем, что в книге можно отнести к неточностям, и тем, что следует характеризовать как прямые ошибки. Думаю, что к последнему роду недостатков книги надо отнести, на-

² Украинские факты дают достаточно серьезные основания видеть в них соответствие показаниям памятников относительно «нового *ъ*»: *е* > **ѣ* > *ъ* не перед твердым согласным. Об этом см. в моей статье «З історичних коментаріїв до української мови. Голосні повного утворення», «Наукові записки» Київського державного ун-ту, т. V, вип. I, Киев, 1946, стр. 103 и сл. Ср. также «Курс сучасної української літературної мови», т. I, Киев, 1951, стр. 265 и сл.

пример, такие случаи: П. Я. Черных справедливо отбрасывает обычное толкование названия порога *Veruzi* у Константина Порфирородного как «кипящий» на том основании, что в причастии от глагола *въръти* не могло быть *-у-*, но тут же допускает ошибку, говоря (стр. 71), что «...от этого глагола причастная форма звучала *въръжи* (писалась с йотированным юсом большим)», тогда как известно, что глаголы IV класса (*-и-*), к которым относится *въръти*, в основе причастия имели новое *е* (юс малый).

Неверными являются данные, сообщаемые на стр. 248, относительно *ни* в страдательных причастиях, и заключения, сделанные только на основании «Уложения» 1649 г. (ср., хотя бы, материал, приведенный в моем «Историческом комментарии к русскому литературному языку», 3-е изд., Киев, 1950, стр. 207). Никак, кроме всего прочего, не приемлемо по общелингвистическим основаниям и объяснение, будто «именно превращение этих причастий с суффиксом *-и-* в прилагательные и необходимость восполнить эту утрату в системе глагольных форм послужили причиной появления новых причастных образований с двойным «*ни*». Где и когда наблюдались такие «восполнения» с целевым введением в фонетическую систему языка удлинения согласных? Не совсем точно, будто «притяжательные прилагательные употреблялись только в краткой форме» (§ 77), хотя, действительно, отклонения от этого правила в древнерусском языке редки; ср.: «Княгини же Романова ... бѣжа в Володимеръ» (Ипат. лет., 6711 г.); «Княгини же Романова посла Мирослава ко Лесткови» (там же, 6713 г.). (Ср. и А. И. Соболевский, Материалы и исследования, 1910, стр. 256.)

Нельзя, конечно, учить тому, что частица *ся* «очень часто, особенно в начале фразы, ... предшествовала глаголу» (стр. 240): в начале фразы *ся* вообще никогда не употребляется, и естественно, что из всех приведенных примеров нет ни одного, который бы подтвердил это положение. Странно звучит и замечание (на той же странице): «В Ипатьевском списке летописи встречается: „(он) *жслова* на кыяны“ (*жсаловался*, г. е. при отсутствии прямого дополнения)...». Не хочет ли проф. Черных сказать, что залоговая частица — «прямое дополнение»?

Автор вводит своих читателей в серьезное заблуждение следующим замечанием на стр. 238: «Глаголы на *-ыва-ти*, *-ива-ти*, получившие, кроме русского и других восточнославянских языков, широкое распространение также в польском, развились на почве так называемых итеративных глаголов... на *-а-ти*, *-ја-ти*. В украинском языке вовсе нет таких образований, кроме тех, которые, может быть, встречаются в смешанных говорах; правило же для этого типа глаголов составляют приметы — *-увати* (в говорах и *-овати*), *-ювати* (в говорах и *-евати* и т. п.) без мены корневого гласного. Для белорусского языка характерен в этих случаях в первую очередь суффикс *-ва-* с меной и без мены корневого гласного: *адскакваць*, *адскокваць* «отскакивать», *затойхваць* «заталкивать» и т. п. (ср. даже аналогическое *затойзаць* «затаивать»). Существует мнение (А. А. Шахматова), будто образования на *-ыва-ти*, *-ива-ти* по своему происхождению — явление общерусское. Но как бы ни решался этот вопрос в конечном счете (я лично не вижу для подобного предположения убедительных оснований), несомненно, что ссылаться на современные факты, кроме русского языка, автор права не имел.

На стр. 252, излагая материал, относящийся к супинам, автор своими переводами древнерусских выражений с супинами *пить* и *мыться*, как *выпить* и *помыться*, внушает читателям неверное представление о важной морфологической особенности этих образований, частично определившей, вероятно, их исчезновение в дальнейшем. Супины, как правило, не производились от глаголов совершенного вида, а в подавляющем большинстве случаев — от несовершенного, в связи с чем даже в своей функции — обозначать цель — они открывали инфинитивам, как значительно более удобному средству передачи и этого значения, возможность установиться в качестве единственной формы этого рода.

Неудачным представляется мне § 132, в котором автор знакомит студентов с «формами словообразования». На нескольких страницах (291—295) проф. Черных пробует изложить одну из больших областей исторического языкознания. Делает он это спеша, рывками — без нужных объяснений и без той углубленности в предмет, без которой его анализ форм не приобретает нужной убедительности, а иногда даже и простой вероятности. Автор многого требует от читателей, если надеется, например, на их доверие к такой неудачно придуманной им форме, как *дѣтство*, из которой в дальнейшем возникает форма *дѣтство* «вследствие переразложения основы и фонетического упрощения» (стр. 294).

Из того, как характеризует придаточные условные предложения П. Я. Черных (§125), у читателя создается неверное мнение, будто *а* — условный союз; между тем союз этот полностью, даже когда он начинает придаточные условные предложения, сохраняет свою присоединительную или противительную функцию (он не может по сути дела начинать фразы, если не имеется в виду продолжения того, о чем говорилось раньше), а условность при нем выражалась, повидимому, в основном, интонацией и порядком слов; в них, а не в присоединительном союзе, надо думать, и заключалось существо указания на условный характер соответствующего придаточного предложения.

О своих научных несогласиях с проф. Черных, относящихся к вопросам, где нужен долгий, с большим количеством аргументов, спор, говорить сейчас не буду. Позволю себе только заметить, что считаю, вопреки его мнению (стр. 158), доказанной для двойственного числа *о*-основ циркумфлексную интонацию окончания, подтверждаемому словенскими и кашубскими (словинскими) данными, и потому не могу согласиться с тем, что *roga* — «пережиточная» форма³.

Среди недостатков книги приходится упомянуть и о фактах, объясняемых недосмотром. Вот два особенно досадных: 1. На стр. 146 идет речь, о том, что «в женском и среднем роде... возможны сочетания *дві, три, чотири* с именительным мн. ч., но иногда употребляются и старые формы двойственного числа». Среди верных иллюстраций вдруг оказывается совершенно не относящаяся к установленному положению — «*на тім морі* (в песне)». — Замечу мимоходом, что *на тім морі* незачем искать в песне — это сочетание слов, вполне обычное для украинского языка любого стиля. 2. Упоминаемый на стр. 282 *колокол* попал, очевидно, по недосмотру, среди «новых названий для зверей и домашних животных» (между *белкой* и *псом*). Естественна догадка, что имелось в виду какое-то замечание о *кошке* (и что в таком случае *колокол* — просто опечатка). Но последнее слово требовало бы, по крайней мере, нескольких дополнительных замечаний (*кот*: др.-русск. *котъка*, укр. *кітка*, но русск. *кошка* и т. п.) и плохо укладывается в контекст.

Думаю, что только недосмотром надо объяснить и то, что в современные русские имена попало имя *Свенелд* (стр. 298): «Вот почему в современном русском языке не сохранилось ни одного достоверно норманского слова, если не считать некоторых личных имен: *Ольга, Игорь, Свенелд, возможно, Олег*». Кстати, почему «возможно, Олег»? Есть ли для сомнения в этом отношении какие-либо основания? К приведенному перечню вполне уверенно можно присоединить и имя *Глеб*, норманское происхождение которого доказано М. Фасмером. Если при слове *коровой* верно отмечается (стр. 281), что его соответствия отсутствуют в западнославянских языках, то почему при слове *сапог*, вовсе неизвестном вне восточнославянских языков, на это не указано тут же?

Не всегда иллюстративный материал в книге служит доказательством того, что хотел бы обосновать автор: на стр. 30, где приводятся украинские и белорусские формы с *ц, з, с*, возникшими исторически в результате чередования с *к, г, х*, напрасно приведено украинское повелительное наклонение *печи*; эта форма представляет аналогическую замену старого *пеци* (*пыци*) и, конечно, никак не иллюстрирует старины, которая имеется в виду. На стр. 151 в качестве примера вин. падежа мн. числа одушевленных имен в форме род. падежа приводится из «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку синтагма «выпрошаль *вольхвовъ* и *худесникъ*». Пример этот ненадежен, так как глаголы этого корня в древнерусском языке нередко управляли родительным падежом (ср. указанный выше «Исторический комментарий», стр. 248).

На стр. 236 утверждается, что «в украинском языке старые формы повелительного наклонения сохранились гораздо лучше, чем в русском». Но все приведенные примеры относятся к I классу глаголов; автор, повидимому, упустил из виду, что в украинском языке IV класс глаголов (класс *-і-*) как раз представляет новообразование — рефлекс старого *ь* во мн. числе: *хваліть, судіть*, тогда как в русском этот класс сохраняет старину: *хвалите* и т. п.; кроме того, из собственных же примеров П. Я. Черных ясно, что украинское окончание мн. числа *-ть* новее русского *-те*. Кстати замечу по поводу приведенной здесь формы *відповіді*, что так по-украински не говорят (изредка возможна архаическая форма мн. числа *відповідісте*).

Происхождение оборота «именительный с инфинитивом» автор выводит, насколько это можно понять (см. третий абзац стр. 266), из безличных и родственных им конструкций, но далее указывает, что «в других говорах употребление этого оборота, видимо, не зависит от упомянутого условия», а в качестве иллюстрации этого положения приводит пример «некому *лецца истопить*», т. е. именно безличный оборот с инфинитивом, зависящим от *некому*.

Из области отдельных славянских и балтийских языков отметим следующее. Трудно согласиться даже с осторожным замечанием автора (стр. 29), будто «русский язык отличается от других восточнославянских языков, особенно украинского, главным образом в лексико-семантическом и фразеологическом отношениях» и будто «в фонетико-грамматическом отношении русский язык в целом (литературный и говоры) отличается от украинского и белорусского, может быть, менее заметно, но на самом деле не менее существенным образом». Вспомним, хотя бы, какое своеобразие придает украинской речи даже один переход *о* в *і* в закрытых слогах. О лексических различиях русского и украинского языков следует говорить, дифференцируя при этом русский материал по гово-

³ Подробно об ударении таких форм см. в моей статье «Интонация и количество форм Dualis именного склонения в древнейшем славянском языке», «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 4, стр. 301—306.

рам, поскольку южнорусское наречие гораздо ближе в этом отношении к двум другим восточнославянским языкам, чем севернорусское.

То, что говорится в книге на стр. 70 по поводу рефлексов древнейших славянских носовых в современном польском языке, не свидетельствует о достаточном знакомстве автора с причинами (условиями) нынешнего распределения фактов, которые не могут быть правильно поняты без учета древнейшего («праславянского») места ударения и отчасти (по отношению к *гаска*) старых интонаций⁴. Могу только выразить серьезнейшее сомнение по поводу того, будто вместо носового *е* в восточнославянском произношении, как говорится на той же стр. 70, установилось «сначала, повидимому, *е* (сохраняющееся в некоторых северноукраинских говорах)». Убедительна точка зрения уже А. А. Шахматова на диалектные русские и украинские *е, я* вместо ожидаемого *я* из носового *е*. «Эти *е, я*, — писал он, — несомненно, нового происхождения; они явились в результате изменения звука *а* (не только из *ѣ*, но также из исконного *а*) после мягких согласных, а частью только между двумя мягкими согласными»⁵.

В книге, где относительно много этимологического материала, естественно, не может не привлечь к себе внимания степень критицизма, с которым автор подходит к этимологии. Конечно, по состоянию самого дела, среди привлекаемых автором этимологий мало его собственных. Но и они представляются мне обычно в большей или меньшей мере сомнительными. Сомневаюсь, например, что *горшок* из *горшок* действительно правильно объяснено сопоставлением его с *горсть* (стр. 134) вопреки обычному объяснению из *горн* (см. этимологические словари Бернекера и Преображенского). Совсем сомнительна догадка, будто частица *-су* возникла из *слышу* (стр. 255). Удивляет замечание: «Некоторые языковеды пытаются вывести *су* из *сударь* (уже без всякого основания)». Если начать не с примеров из Аввакума, как делает автор, а как это сделал А. И. Соболевский, со старейших — с «царского слова» Бориса Годунова⁶, то явится полное основание именно для этимологии *государь*: «князь Федор-осу Иванович, князь Дмитрий-осу Иванович».

Но и те примеры, которые проф. Черных извлекает из имеющейся научной литературы, далеко не всегда могут быть отнесены к удачным. Вот несколько из них. Можно ли в учебнике, даже в виде не особенно уверенного замечания, допускать этимологию слова *полушка* в виде *пол-ушка*, которое «иногда толкуют, как „пол-уха“ куньего» (стр. 286). Ведь такое этимологизирование, независимо от того, от кого оно попало к автору, психологически недалеко уходит от сообщения каламбуров. Автор этой этимологии-каламбура Даль, но о научном этимологизировании он, конечно, еще не имел никакого представления, а проф. Черных ведь образованный филолог.

Напрасно принята (стр. 287) автором и догадка Преображенского о том, что *пушка* происходит будто бы от *пустить, пускать*: если бы слово было по происхождению славянским, оно не являлось бы в отдельных славянских языках в тех звуковых вариантах, в каких известно; замечу, что при происхождении его от *пустить* в чешском ожидалось бы *роушка*, а не *рушка*. П. Я. Черных безоговорочно сближает русск. *тощий* с *тоска* (стр. 134), но еще Ф. Миклошич, допуская такое сближение, высказывался по поводу него только нерешительно⁸. Это сближение, и, надо думать, обоснованно, не включил, например, в свой этимологический «Балтийско-славянский словарь» Р. Траутманн⁹.

Для категорического утверждения (§ 89), что *пять* по происхождению связано с *пять* «кисть руки», по-моему, нет достаточных оснований, не говоря уже о том, что никак нельзя суффиксальное слово *пять* считать, как, повидимому, полагает автор, основным здесь для несуффиксального (со славянской точки зрения) *пять*. Что индоевропейское **prst-is* «кулак» находится в отдаленном родстве с **penq-* «пять», об этом можно, думаю, говорить лишь сугубо гипотетически.

Напрасно проф. Черных (хотя и осторожно: «едва ли не...») допускает происхождение *тьма, 10000* с Востока (вероятно, вслед за К. Локочем и его источником): *тьма* в этом значении выступает уже в старославянском, а для последнего тюркизмы очень сомнительны. Семантически переход *тьма* > *множество* > *10000* вполне вероятен; ср. слова родственной эмоциональной окраски *страх сколько*, чеш. *spousta* «множество» и т. п.

⁴ Обо всем этом см., например, мой «Акцентологический комментарий к польскому языку», Киев, 1950, стр. 28—30.

⁵ А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 111.

⁶ См. А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, 4-е изд., М., 1907, стр. 149.

⁷ См. А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1913, стр. 157—158.

⁸ См. F. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Вена, 1886, стр. 369.

⁹ См. R. Trautmann, Baltisch-slavisches Wörterbuch, Геттинген, 1923.

Не думая, чтобы следовало согласиться с мнением автора (стр. 253), вопреки общепринятому, будто наречие-предлог *между*, *межу* в прошлом — вин. падеж ед. числа. Проф. Черных упустил из виду, что по-старославянски это слово звучит с *у*, а не с носовым *о*, следовательно, не может быть формой вин. падежа ед. числа. *Между* — форма, восходящая к двойственному числу (род.-местн. падеж). Неточна, замечу попутно, ссылка (рядом) на *около* как в прошлом вин. падеж: *коло*, конечно, вин. падеж, но по зависимости от предлога. Замечу кстати, что не всегда можно согласиться и с принимаемой П. Я. Черных динамикой и вообще связями значений. Из данных всех славянских языков ясно, например, что на славянской почве слово *доба* первоначально значило только «время», «пора»; другие производные значения наблюдаются у этого корня почти исключительно у производных же — префиксальных, реже — суффиксальных образований; что касается старославянского или древнерусского значения «польза», то это не более, как слабо документированная Срезневским догадка. А между тем автор (стр. 267) по поводу *надобь* строит семантический ряд: «на *добе*, от *доба* — польза, необходимость, „добрый час“ и пр.», — ряд, лишенный всякой убедительности. С кругом этимологических вопросов связаны и предположения, в каком языке следует видеть источник тех или других заимствуемых слов. В соответствии с популярным характером книги относящийся к этим вопросам материал дается в ней без доказательств, и потому трудно иногда бывает решить, что, например, позволило автору утверждать, будто «греки-византийцы воспользовались у (sic!) наших предков названиями некоторых овощей: *aguron* (огурец), *seuklon* (свекла) и др.» (стр. 301), а ведь и *огурец*, и *свекла* в русском языке — слова без этимологии и отмеченные только в поздних памятниках.

Книга довольно хорошо сделана в корректурном отношении, главным образом это касается старославянского набора (о других см. ниже). Автор и редактор отнеслись к этой стороне дела, видимо, очень внимательно¹⁰. Но именно поэтому особенно неприятное впечатление производят многочисленные и, повидимому, не только корректурные ошибки в примерах из других славянских языков. На стр. 81 выступает странный украинский пример *квіти* *квітають*. Очень сомневаюсь, существует ли форма *квітають* даже где-нибудь в диалектах (в литературном языке есть только глагол *квітнути* и производные от него формы). Вообще украинский материал в книге не свидетельствует о непосредственном знакомстве с ним проф. Черных: на стр. 29 без всякого замечания приводится укр. *слиза*, между тем это только диалектизм, относительно редкая форма (в литературном украинском языке и в большинстве говоров — *сльоза*); к *бросать*, *бросить* даются на этой же странице украинские соответствия *кидати*, *кинути*, *метнути*, так, как будто в украинском языке нет несовершенного вида — *метати*; замечу кстати, что следует различать *кидати* и *метати*; второе значит только «бросать» — «метать» (камни и т. п.); на стр. 30 вместо *край* напечатано *краі*; на стр. 250 фигурирует (*и*) *грати* с невозможным в нынешней украинской орфографии начальным *и* (следует *і*). На стр. 110, к тому же в подтверждение «закона», приводится украинская форма *синий*, тогда как в литературном украинском языке, как и в большинстве говоров, — *синій*. На стр. 112 вместо *мені*, которого было бы вполне достаточно для иллюстрации того, что *ъ* > *і*, приведено *к мені* (предлог *к* известен лишь в украинских говорах и в немногих фразеологизмах, главным образом — бранных). Что значит *чернец* в скобках при украинском слове *чорний* (стр. 116)? Откуда взято странное «украинское» ударение *свіжé* (стр. 120)? На стр. 82 приводится не существующая польская форма, транскрибируемая рядом русскими буквами как «жжодло»; на стр. 99 — тоже не существующая чешская — *deň* (следует — *den*).

Не в соответствии с тем, как эти слова пишутся (звучат) по-литовски, на стр. 82 приводятся слова: *ęgle* «ель» (параллель к не существующей польской форме *jedla*): следовало *jodla*¹¹ (искаженного написания не воспроизводить); *gerkiē* «горло» (в книге неверно обозначена интонация). Дважды (на стр. 34 и 81) приводятся без прямого замечания различие между польскими формами прошедшего времени изъявительного наклонения с основой на звонкий и глухой согласный: напечатано *wiódł*, но *plotł* (стр. 34) и *wiódł*, но *plotł*, *miótł* (стр. 81). Это — ошибка: в тех и в других формах одинаково осуществлено было исторически удлинение *o*, и потому и в *plótl*, *miótl* имеем теперь *ó*, а не *o*.

Скорее на счет корректора, чем автора, нужно, вероятно, отнести другие очень нехорошо выглядящие в книге примеры из славянских языков. Процент неправильно воспроизведенных слов этого рода (кроме, как уже замечено, старославянских, корректура которых образцова) очень велик. Берем для примера 35-ю страницу. Почти половина приведенных славянских слов воспроизведена неправильно: нужно польск. не *rowny*, а *równy*, не *łodka*, а *łódka*, не *rozbojnik*, а *rozbojnik*, не *łokie'c*, а *łokiec'* (соскочивший надстрочный знак?), не *pirog*, а *piróg* (или, лучше, *pieróg*); серб. *kolač*, если слово дано с интонацией (все другие примеры на этой странице — без интонации),

¹⁰ Опечаток вроде *сѣчьнь* вм. *сѣчень* (на стр. 298) в книге в целом почти нет.

¹¹ Эта же ошибка повторена на стр. 81.

должно было иметь на *о* знак восходяще-краткой, а не восходяще-долгой интонации. Для чешского письма в большом числе случаев игнорируются знаки долготы (ср., например, стр. 76, 82). На стр. 70, вместо польского написания *часзжа*, фигурирует форма с не существующим в польском письме знаком носового *о*. Не говорю уже о некрасиво выглядящих знаках для закрытого литовского *е* (вм. *е* с точкой над ним — *ė*, иногда *е* с «заблудившейся» точкой, стр. 78). На стр. 114 выступает вм. серб. *мезимац* невозможное *мезимец* (впрочем, рядом стоит форма *мијелинац* — явный грех самого автора, придумавшего не существующую екавскую форму с *-ije-*, вопреки совершенно определенному акцентологическому закону сокращения былых долгот перед рефлексамми былых срединных долгот).

Автор, как мы отметили, владеет искусством просто, живо и интересно излагать даже и трудный и по самой его природе «сухой» материал, однако нельзя утверждать, что в книге со стороны изложения, уже — со стороны стилистической, все хорошо. Проф. Черных, вероятно, относительно легко дается форма изложения, он себя чувствует, к тому же, по установкам книги, популяризатором, и потому он, как кажется, иногда невнимателен к строгости формы, мало заботится об отделке фразы, несколько «резво» бросает мысли вместо того, чтобы их развить или, по крайней мере, сообщать убедительно для читателя. Не могу по размерам рецензии указать на все обращающее в этом отношении на себя внимание и ограничиваюсь минимальным количеством примеров. Трудно не улыбнуться, например, читая (стр. 116), что «древнерусские книжники не догадались воспользоваться и сочетанием *іѡ*, получившим распространение во второй половине XVIII столетия...» (разрядка моя. — Л. Б.).

Вряд ли многим понравится пристрастие автора к выражению «чем дальше идет время, тем...» (например, на стр. 147 и 165). Во фразе, где совершенно справедливо и толково говорится о том, что изучение русской лексики в ее развитии немислимо без теснейшей увязки лексических данных с данными истории Русского государства и т. д. (стр. 10), — положение особенно ответственное, потому что отражает известное указание И. В. Сталина о том, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹², — вдруг, видимо случайно попавшее в нее, ни из чего логически не вытекающее вводное слово «пожалуй» («...пожалуй, немислимо...») едва ли не уничтожает всей серьезности принимаемого и самим автором положения.

Хочу, говоря обо всем этом, обратить внимание проф. Черных, в частности, на наречия, союзы (союзные предложения) и т. п. в его переходах от одной фразы к другой: эти переходы довольно часто у него логически не обоснованы или мало обоснованы и явно попали в текст из-за отсутствия требовательности автора к логическому соединению частей более или менее развернутой мысли. Позволю себе спросить автора, что значит, например, «в этом смысле» в третьем абзаце на стр. 283 или к чему «также» в последней строчке на стр. 157?

Нередко автор отвлекает внимание читателя попутными замечаниями, которые ему (автору), повидимому, представляются интересными для читателя. Однако фактически эти отвлечения не вполне вознаграждают читающего сведениями, из-за которых стоило нарушить цельность восприятия текста. Да и сам автор, сообщая в скобках попутно те или иные сведения, не всегда достаточно внимателен к тому, что дается им в этих скобках. Даю два примера. На стр. 253, объясняя происхождение наречия *пешком*, П. Я. Черных ссылается для иллюстрации на серб. *pješak* «пешеход» (что, кстати, не вполне можно одобрить, так как род. падеж от этого слова — *áka*, т. е. *a* здесь не из *ь*, а из старого долгого *a* и, следовательно, формальная часть не совпадает с русским словом) и на русское слово *пешка*. При последнем в скобках стоит: «ср. в говорах *ужина* вм. *ужин*». Зачем здесь это последнее замечание? Речь идет ведь не о колебаниях рода, а о том, что слова **пъшькъ* теперь нет, а есть образование родственного типа. Не думает же, вероятно, П. Я. Черных, что слово *пешка* явилось вместо **пешек* «пешеход»? Называя на стр. 281 ряд общеславянских слов, относящихся к производству, обороне и т. д., и среди них слово *кый* «палка», автор заставляет читателя бесполезно задумываться над несколько странным замечанием: «ср. бильярдный *кый*, хотя здесь не подлежит сомнению и связь с французским *quies*». Что дает это замечание, когда суть дела, по мысли автора, в характеристике древнейшей лексики (*кый* бильярдный — слово, скорее всего, польского происхождения — *kij* —, может быть — народная этимология французского *quies*, явно поздно вошедшее в русский литературный язык).

Как бы ни были серьезны отдельные допущенные автором ошибки и неточности и как бы ни портили они впечатления от хорошей в целом и полезной книги, среди них нет таких, которые следовало бы отнести к принципиальным и трудно поддающимся

¹² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

исправлению. В новых изданиях даже и без серьезной переработки книга может принять вполне удовлетворительный вид. С методической стороны, мне кажется, книга много выиграла бы, если к ней была, во-первых, приложена небольшая хрестоматия из древнерусских текстов, во-вторых, справочная таблица, как читать слова тех языков, которые неизвестны студентам учительских и педагогических институтов.

Книга проф. Черных выпущена 75-тысячным тиражом, и это хорошо. Учительские институты давно нуждаются в пособии по истории русского языка, которое соединило бы в себе элементы научного языкознания и доступность изложения, обеспечивающую понимание предмета и живой интерес к нему. «Краткий очерк», по моему мнению, обе эти задачи успешно решает.

Л. А. Булаховский

Въпроси на езикознанието в сталинско осветление. Българска Академия на Науките. Институт за български език. — София. 1951. 200 стр.

Гениальные сталинские труды по вопросам языкознания создали коренной перелом в развитии науки о языке не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В частности, лингвисты народно-демократической Болгарии, как уже сообщалось на страницах «Вопросов языкознания»¹, значительно оживили и перестроили свою работу в духе основополагающих сталинских идей, приступили к решению ряда новых важных задач, к разработке новых тем, к исследованию новых вопросов. Рецензируемый сборник представляет собою лишь одно из проявлений той большой работы, которая проводится сейчас болгарскими языковедами в этом направлении. Сборник состоит из восьми статей по общему языкознанию, большинство из которых, как указано в «Предисловии», было прочитано в виде докладов и обсуждено в Институте болгарского языка Болгарской Академии наук в период с сентября 1950 по март 1951 г.

Сборник открывается статьей проф. Стойко Стойкова «Язык и общество», далее следуют статьи проф. Любомира Андрейчина «К вопросу об отношении между языком и мышлением», члена-корр. Кирилла Мирчева «Развитие языка», члена-корр. Ивана Леокова «Внутренние законы языка», акад. Владимира Георгиева «Сравнительно-исторический метод и четырехэлементный анализ Марра», акад. Стефана Младенова «Морфологическая и генеалогическая классификация языков в связи с изучением индоевропейских и урало-алтайских языков», акад. Стояна Романского «Скрещивание языков» и члена-корр. Цветана Тодорова «Проблема этнических и лингвистических единств».

Как видно из приведенного перечня статей, в сборнике довольно широко представлены важнейшие проблемы сталинского учения о языке. К сожалению, в нем нет специальных статей, посвященных вопросам основного словарного фонда и словарного состава языка, вопросу специфики грамматики и ее отношению к лексике, хотя эти темы ждут своей разработки на конкретном материале различных языков, в том числе на материале болгарского языка, и было бы очень хорошо, если бы они нашли свое отражение в рецензируемом сборнике. Лишь попутно затрагиваются (в статье Тодорова и, в меньшей мере, в статьях Стойкова и Мирчева) вопросы становления и развития национальных языков, причем — без достаточного привлечения конкретного материала из истории болгарского языка, что было бы особенно интересно. Наиболее широко в сборнике оказались представленными вопросы сравнительно-исторического метода и языкового родства. Кроме обстоятельной, охватывающей четыре печатных листа статьи Вл. Георгиева, эти вопросы рассматриваются еще в двух других статьях — Ст. Младенова и Цв. Тодорова.

В интересной статье Вл. Георгиева подробно, с большим количеством примеров, излагаются основы сравнительно-исторического метода и рассматриваются некоторые его недостатки. Автор разбирает попытки использования сравнительно-исторического метода, представленные в ранних работах Н. Я. Марра (например, его стремление доказать родство грузинского языка с семитическими и грузинского с армянским, а также обосновать кавказские этимологии, предлагавшиеся им для ряда слов разных индоевропейских языков). Автор убедительно показывает неумение Марра правильно пользоваться сравнительно-историческим методом, которое привело последнего в конце концов к полному отрицанию этого метода и к пресловутому «четыреэлементному анализу». «Его ярость против индоевропейского языкознания, — пишет Георгиев, — растет со временем все больше и больше, поскольку научные методы в языкознании, выработанные главным образом индоевропейцами, мешают его фантастическим утверждениям. „Разгром индоевропеистики“ становится навязчивой

¹ См. «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 122—128.

идеями Марра, и под конец своей жизни он объявляет себя марксистом, а индоевропейское языкознание — „буржуазной наукой“ (стр. 134).

В заключение Вл. Георгиев высказывает свой взгляд на понятия «праязык» и «прародина». По его мнению, говоря, что теория «праязыка» не имеет никакого отношения к изучению языкового родства, И. В. Сталин имеет в виду теорию о существовании в прошлом единого праязыка, общего для всего человечества, а также и расистскую теорию «индогерманского праязыка», полностью противоречащую всем данным науки. Совершенно другое дело — «праязык» как понятие сравнительно-исторического языкознания: «определенная в отношении и места и времени ступень в развитии данной группы родственных языков» (стр. 129), «язык одного племени или группы племен. из которого позже развиваются языки данной группы народов» (стр. 131). Вл. Георгиев считает, что термины «язык-основа», «язык-источник» и т. п. «не являются более удачными», чем термин «праязык» (стр. 129). «Понятие прародина, — пишет он далее, — так же ограничено во времени, как и понятие „праязык“» (стр. 130). Прародина — территория, на которой в определенную эпоху говорили на данном праязыке. Однако понятие «пранарод» — неправильное, немарксистское понятие, поскольку при первобытно-общинном строе еще нет народов, а есть племена и группы племен и поскольку, например, «романские народы» (т. е. народы, говорящие на романских языках) не являются физическими потомками римлян. Наконец, автор высказывает свое мнение по вопросу о времени существования некоторых праязыков. Праязыки славянской, германской, кельтской группы существовали, по его мнению, 25—35 веков назад, индоевропейский праязык — приблизительно 70—80 веков назад.

Наиболее серьезным недостатком статьи Вл. Георгиева представляется нам то, что автор недостаточно подчеркнул указание И. В. Сталина, что изучение языкового родства «...могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»². Дело в том, что это историческое указание товарища Сталина по-новому освещает вопрос о целях и задачах исследования родства языков: исследование это должно проводиться не только с целью реконструкции тех или иных праязыков, но — и это самое важное — с целью выяснения общих закономерностей развития этих языков и, шире, законов развития языка вообще. Речь, следовательно, идет о том, что сравнительное изучение родственных языков должно подняться над эмпиризмом конкретных реконструкций, перейти к более широким общим выводам и заключениям, к выявлению законов (что, конечно, невозможно без знания фактов). Не подчеркнув приведенного сталинского положения, автор, естественно, не смог показать отличия нового понимания задач сравнительной грамматики — понимания, основанного на сталинских трудах по языкознанию, от того понимания, которое существовало прежде.

В связи с этим Вл. Георгиев недостаточно полно осветил вопрос о серьезных недостатках сравнительно-исторического метода. Он вовсе не касается проблемы достоверности относительной хронологии, устанавливаемой сравнительно-историческим методом (не говоря уже об абсолютной хронологии изучаемых процессов), а это органически связано и с пониманием степени достоверности самой реконструкции как отдельных архетипов, так и, в особенности, языка-основы как целого, как синхронно существовавшей системы. Повидимому, степень достоверности реконструкции системы языка-основы является значительно меньшей, чем степень достоверности реконструкции отдельных фактов. Именно это обстоятельство имеют в виду ученые, предпочитающие пользоваться термином «язык-основа».

В статье С. т. М л а д е н о в а дается резкая и, на наш взгляд, в целом справедливая оценка так называемой морфологической классификации языков, которая, как говорит автор, «лишь сковывала научное исследование» (стр. 141) и «в настоящее время не имеет никакой научной ценности» (стр. 139). Единственно правильной и научной классификацией языков автор считает генеалогическую классификацию, но настаивает при этом, развивая свои давнишние взгляды³, на исконном родстве индоевропейских языков с урало-алтайскими и даже вообще на положении об изначальном родстве всех человеческих языков между собою, что, как он пишет, «полностью согласуется с антропологическим моногенизмом» (стр. 154). Впрочем, лингвистические доказательства, приводимые акад. Младеновым в подтверждение этого тезиса, остаются попрежнему недостаточно убедительными.

В обширной статье Ц в. Т о д о р о в а содержится обстоятельная критика различных теорий, выдвинутых в сравнительно недавнее время для объяснения происхождения языкового родства (в частности, «теории контакта» Д. В. Бубриха и «теории первоначальной лингвистической непрерывности» С. П. Толстова) и вообще касаю-

² И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 34.

³ Ср. С. т. М л а д е н о в, Увод во всеобщее языкознание. 2-е изд., София, 1943, особенно раздел «Единство на човешкия род откъм език».

щихся вопроса о языковых отношениях в эпоху родовых и племенных языков. Автор, в частности, считает, что в древнейшую пору включение каких-либо иноязычных племен в состав племенных союзов было невозможно. Он возражает также против некоторых положений, высказанных Б. В. Горнунгом, относительно территории формирования индоевропейского языкового ядра. Он утверждает, что Средняя Европа из рассмотрения исключается, что эту территорию «следует искать на восток от Днестра в степной и лесостепной полосе Евразии» (стр. 195). В отличие от Вл. Георгиева автор пользуется термином «праязык», как он говорит, «условно», хотя и не раскрывает, в чем, собственно говоря, заключается, по его мнению, условность этого термина.

К рассмотренным трем статьям в известном смысле примыкает и статья акад. Ст. Р. о м а н с к о г о о скрещивании языков, к сожалению, слишком краткая (всего 5 страниц) и конспективная. Общеизвестно, что в болгарском языке и, в частности, в его грамматическом строе установлено наличие ряда специфических особенностей, общих у него с географически соседящими языками — румынским, албанским и новогреческим. Эти особенности, так называемые «балканизмы» болгарского языка и других языков балканского полуострова, многие ученые объясняют скрещиванием данных языков с языком древнего (фракийского) населения полуострова, выдвигая теорию «фракийского субстрата». Автор отрицательно относится к этой теории и, критикуя ее, пишет, в частности, следующее: «О влиянии субстрата при объяснении той или иной особенности того или иного языка говорят обыкновенно тогда, когда о языке, на который указывают, как на „субстрат“, ничего определенного не известно. Что знаем мы, например, о фракийском языке, о его грамматике? Кто может сказать и как можно доказать, что фракийский язык обладал постпозитивным членом, что он был апалитическим языком без склонения и без инфинитива? Единственный письменный памятник фракийского языка, состоящий всего из нескольких слов, — надпись на перстне, найденном в с. Езерово вблизи Пловдива, — даже не прочитан удовлетворительно, а о слове этого языка приходится судить по нескольким глоссам у античных авторов или по собственным и местным именам. Неправильно было бы также думать, что, поскольку в данном случае есть какие-то особенности, одинаковые в языках, на которых говорят там, где говорили когда-то на фракийском языке, то он, как их „субстрат“, непременно должен был иметь эти особенности. Те ученые, которые стремятся объяснить развитие постпозитивного члена, разрушение склонения и утрату инфинитива в болгарском языке как наследие фракийского „субстрата“, забывают, что, если бы это было так, эти особенности должны были бы развиться еще в древнеболгарском (IX—X вв.), а они развились лишь в XIV—XV вв., то-есть спустя шесть-семь веков после исчезновения фракийского языка: последнее свидетельство о существовании фракийцев... относится к VI в.» (стр. 164).

Подвергнув теорию фракийского субстрата суровой и, надо сказать, совершенно справедливой критике, автор, к сожалению, не пытается выдвинуть взамен какое-то другое толкование проблемы «балканизмов», хотя и признает, что «балканизмы» представляют собою «важное явление, связанное с вопросом о смешивании, скрещивании языков» (стр. 160). Думается, что читатель был бы вправе ждать от статьи акад. Романского более подробного и конкретного разбора, в свете сталинского учения о скрещивании языков, всей проблемы «балканизмов», ждать хотя бы попытки положительного решения вопроса о происхождении этих общих особенностей в четырех географически соседящих языках, относящихся к четырем разным ветвям индоевропейской семьи. В частности, нам представляется, что уже теперь возможен и необходим дифференцированный подход к разным «балканизмам». Например, вопрос о происхождении постпозитивного члена можно было и следовало ставить иначе, чем, скажем, вопрос о конструкциях, служащих для замены инфинитива.

Несколько иначе, но тоже недостаточно конкретно касается вопроса о «балканизмах» К. М и р ч е в. «Особенная судьба именной системы в болгарском языке, — пишет он, — не может быть оторвана от специфической атмосферы, общей для всех балканских языков. Здесь определенно сыграли роль как влияния, идущие от субстрата, так и отражения многовековых, сложных и очень глубоких взаимных связей между всеми балканскими народами» (стр. 43).

Из остальных статей сборника наиболее целесообразно остановиться на статьях Л. Андрейчина и И. Лекова. Интересная статья Л. А н д р е й ч и н а посвящена сложному вопросу о взаимоотношениях между языком и мышлением. Отметим, что идеалисты отрывали мышление от языка, и подвергнув критике ошибки Н. Я. Марра в этом вопросе, Л. Андрейчин подчеркивает диалектическое единство языка и мышления, причем указывает, что как язык, так и мышление имеют свою отдельную специфику (чего как раз не понимал Н. Я. Марр) и проявляют относительную самостоятельность в своем развитии (ср. изменения значения слов, отражающие определенные процессы в содержании понятий, но не связанные с изменением звуковой формы этих слов, и, наоборот, звуковые изменения, не связанные с изменением значения). Затем автор рассматривает вопрос, можно ли считать, что отношение мышления и языка есть отношение содержания и формы, и приходит к выводу, что подобная формула является неточной и

не может быть принята без существенных оговорок. Дело в том, что язык, по мнению автора, есть нечто большее, чем только форма мышления. Он — материально существующее явление. Вместе с тем сам язык представляет собой определенное единство смысловой и формальной стороны, и «слова могут служить оболочкой для мысли не механически, а в качестве значущих элементов, чье строение находится в прямой или исторической зависимости от определенного смыслового содержания» (стр. 27).

Переходя к вопросу о так называемой знаковой теории в языкознании, автор пишет: «Поскольку эта теория рассматривает как знак целое слово вместе с его значением, как это делает Ф. де Соссюр, она должна быть отброшена как проявление агностицизма: в противоречии с ленинской теорией отражения смысловая сторона слов рассматривается в этом случае не как отражение действительности, а только как знак действительности. Однако, когда мы берем слово в его специфическом составе и строении, мы не можем не различать в нем материальной стороны (звукового материала, звуковой формы) и семантической стороны (смыслового содержания, понятия). В этом случае уместно и правильно рассматривать материальную сторону слова как знак, а смысловую сторону — как обозначаемое содержание или значение, которое является отражением действительности» (стр. 30). И здесь же автор подчеркивает, что между знаком и значением всегда существует определенная историческая связь.

Далее проф. Андрейчин разбирает вопрос о соотношении смыслового и формального критерия при грамматическом исследовании и выдвигает «синтетический критерий, который начинает с формального анализа языкового материала, но принимает во внимание и смысловую сторону» (стр. 31); эту методику исследования он иллюстрирует примерами анализа некоторых явлений из грамматики болгарского языка.

Статья Л. Андрейчина вызывает лишь отдельные критические замечания. Автор пишет, что не всегда для выражения того или иного мыслительного содержания создается новая грамматическая форма, что во многих случаях «можно прибегнуть к описательному выражению» (стр. 34). Таким образом, «описательное выражение» как-то противопоставляется «грамматической форме». Но дело в том, что под «описательным выражением» можно понимать разные вещи. Есть описательные выражения, так сказать, нестандартизованные, «окказиональные», создаваемые в процессе речи *ad hoc*, и они, естественно, не могут быть включены в понятие грамматических форм языка. Но есть описательные выражения (например, выражение некоторых временных, модальных, залоговых значений) стандартизованные, воспроизводимые по определенному шаблону применительно к самому разному лексическому материалу. В этих случаях мы уже имеем известную абстракцию от частного и конкретного и, следовательно, можем говорить о рождении своеобразной грамматической формы. В этом вопросе желательно было бы некоторое уточнение позиций автора, тем более, что проф. Андрейчин является тонким мастером грамматического анализа.

Второе замечание касается вопроса о происхождении так называемых пересказывательных форм болгарского глагола (служащих для выражения действий, лично не наблюдаемых говорящим, а передаваемых с чужих слов). Продолжая традицию, начатую еще Б. Цоневым⁴, автор считает, что эта особенность болгарского языка связана с турецким влиянием, причем наибольшее значение он придает отсутствию в пересказывательных формах вспомогательного глагола в 3-м лице обоих чисел, в связи с чем возникает полный формальный параллелизм с равнозначными турецкими формами на *-miş*. Между тем вспомогательный глагол может отсутствовать в 3-м лице и в обыкновенном болгарском (по происхождению — общеславянском) перфекте, как отмечает сам автор в другой своей работе⁵. Решающим же на наш взгляд является здесь то, что сам болгарский перфект, в силу присущего ему значения, обладал тенденцией к некоторой неопределенности (тенденцией выражать прошедшее действие, свидетелем которого говорящий мог не быть, о котором он судит по результатам, следам и т. д.). Подобная тенденция присуща в той или иной степени и перфекту многих других языков (она органически связана с результативностью перфекта). Все это должно быть учтено при решении вопроса о происхождении болгарских пересказывательных форм, хотя мы и не отрицаем, что в условиях широко распространенного в прошлом во многих районах Восточной Болгарии двуязычия турецкая модель могла сыграть известную роль в процессе оформления данной грамматической категории болгарского языка.

Одной из менее удачных статей сборника представляется нам статья И. Л е к о в а. Статья посвящена очень важной проблеме языкознания — проблеме внутренних законов развития языка — и содержит немало конкретного материала, главным образом из истории славянских языков. Но автору не хватает четкости определений, и в ряде случаев читатель остается в недоумении. Недоумение вызывает уже то, почему автор все время говорит о «внутренних законах языка» и не говорит о внутрен-

⁴ См. Б. Ц о н е в, История на български език, т. III, София, 1937, стр. 106.

⁵ См. Л. А н д р е й ч и н, Грамматика болгарского языка, перевод В. В. Бородин, М., 1949, стр. 178 (§ 262, б).

них законах развития языка. Что это — просто для краткости? Или же здесь различие по существу? Ведь в сталинской постановке вопроса о внутренних законах развития языка указание на момент развития очень важно. «Внутренние законы развития конкретного языка — это законы его динамики, его количественных и качественных изменений, его перехода от одного качества к другому»⁶. Ряд советских ученых настаивает сейчас, как известно, на разграничении понятий «внутренние законы развития языка» и «законы или правила функционирования языка в системе». Те и другие тесно связаны между собой, но вовсе не тождественны. Что же имеет в виду своей формулировкой И. Леков? Не получается ли вообще при его формулировке, что вся специфика сталинской постановки вопроса несколько стирается, остается в тени?

Нам представляется также, что автор слишком расширил и сделал расплывчатым свое понимание внутренних законов. На стр. 55 он стремится разграничить понятие закона и тенденции, указывая, что тенденция есть «первая степень развития»: она еще не обладает регулярностью закона и может и не превратиться в закон (примером тенденции Леков считает переход *ис > р* в сербо-хорватском языке). Но в других местах автор сам стирает это различие, поскольку в числе законов оказываются у него даже такие по существу своему спорадические явления, как гаплоглогия (*знаменосец* вм. *анаменосец*), создание «гиперлитературных форм» (болг. нелитер. *гриба* вм. *риба* как противодействие диалектной тенденции к отпадению начального *х*) и многое другое.

С одной стороны, автор очень дробит внутренние законы, а с другой — универсализирует их таким образом, что полностью утрачивается их национальная специфика. Так, среди «грамматических внутренних законов» он на первом месте называет аналогию, но аналогия действует в самых разных языках и в самых разных категориях: все дело здесь именно в специфических различиях между отдельными языками, в конкретном направлении и характере аналогических процессов. Вряд ли в данном случае может удовлетворить ссылка на универсальный «закон аналогии».

Возражения вызывают и отдельные примеры и формулировки автора. Так, вряд ли стоило солидаризироваться с мнением, будто отсутствие связки в русском языке в предложениях вроде *он профессор* объясняется влиянием литовского и латышского языков (стр. 53), или утверждать, что установление фиксированного ударения в западнославянских языках произошло «в согласии с западноевропейской тенденцией к стабилизации ударения» (стр. 57). Отдельные неточности формулировок есть и в других статьях. Так, в статье Ст. Стойкова, в основных своих положениях не вызывающей каких-либо возражений, в одном месте допущена формулировка, которая несколько преуменьшает значение различий между местными диалектами одного языка в вопросах грамматического строя и основного словарного фонда (см. стр. 14—15), а в другом месте без кавычек говорится о «языке болгарского сапожника», в то время как имеется в виду лишь специальная терминология сапожного дела. В сборнике встречаются досадные опечатки, в частности в примерах.

В целом, несмотря на отдельные отмеченные здесь недочеты, сборник представляет большой интерес и несомненную ценность. Он свидетельствует о том, что языковеды народно-демократической Болгарии серьезно работают над вопросами общего языкознания, черпая творческие импульсы и руководящие указания из животворного родника сталинских идей.

Ю. С. Маслов

⁶ В. В. Виноградов, Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 35.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБСУЖДЕНИЮ РАБОТЫ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

25 сентября 1952 г. на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР состоялось обсуждение работы журнала «Вопросы языкознания» в связи с рецензией Н. Касьянова, опубликованной в журнале «Большевик» (№ 16 за 1952 г.).

С докладом о работе редколлегии журнала «Вопросы языкознания» выступил главный редактор акад. В. В. Виноградов. Докладчик отметил, что труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», указавший истинно научные пути исследования всех основных лингвистических проблем, открыл новую эпоху в развитии науки о языке. Широта и разносторонность задач и вопросов, выдвинутых гениальными произведениями И. В. Сталина, потребовали от советских языковедов переосмысления на основе сталинского учения о языке всего лингвистического материала, который был накоплен до этого времени, и критической оценки всех установившихся в лингвистике взглядов и положений. Вместе с тем советская общественность требовала от языковедов усиления темпов работы во всех областях теории и практики языкознания. Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство предоставили Институту языкознания, призванному возглавить эту работу, все условия для ее успешного выполнения. 30 ноября 1951 г. было принято Постановление Президиума АН СССР об организации печатного научного органа института — журнала «Вопросы языкознания», перед которым были поставлены важные и ответственные задачи: разработка актуальных проблем советского языкознания, внедрение марксизма в языкознание, ликвидация последствий господства антинаучных взглядов Н. Я. Марра и его сторонников, проведение творческих дискуссий по важнейшим вопросам языкознания, а также оказание научно-методической помощи преподавателям языковедческих дисциплин. Журнал должен освещать вопросы общего языкознания, развития языков народов СССР и зарубежных стран, истории отечественного языкознания, разоблачать реакционную сущность буржуазной идеалистической лингвистики.

Редколлегия журнала необходимо было быстро и четко провести большую организационную работу по подготовке первых номеров журнала, тематика и идейно-теоретический уровень которых отвечали бы этим высоким требованиям. Подробно остановившись на структуре редколлегии журнала, В. В. Виноградов отметил, что часть членов редколлегии с самого начала не принимала живого участия в оперативной работе журнала. В первую очередь это относится к проф. А. И. Ефимову, задачей которого было наладить прочную связь редакции с Московским университетом, и к члену-корр. АН СССР С. Г. Бархударову, который всего один раз присутствовал на заседании редколлегии. Отрицательно сказались на качестве отдельных номеров журнала и продолжительные командировки членов редколлегии проф. Г. Д. Санжеева и доктора филол. наук Н. А. Васкакова.

Не сразу получил разрешение вопрос о структуре самого номера журнала. В течение года нашли свое осуществление все разделы намеченной структуры. Но в то же время редколлегия ощущала и ощущает необходимость в отделе консультаций, — пожелание рецензента журнала «Большевик» пало на подготовленную почву, — а также в специальном отделе, который в форме обзоров знакомил бы читателей с поступающими в редакцию статьями. В не напечатанных по той или иной причине статьях подчас бывают подняты весьма важные проблемы и предлагаются различные решения таких вопросов, обсуждение которых могло бы содействовать развитию советского языкознания. Отделы эти появятся в ближайших номерах журнала.

С первых дней работы редколлегия стремилась к тому, чтобы объединить вокруг журнала широкий авторский коллектив, однако следует признать, что это стремление пока еще не увенчалось успехом. Такие мероприятия редакции, как рассылка печатного обращения ко всем работникам в области языкознания с просьбой об активном сотрудничестве в журнале, переговоры и переписка с языковедами Москвы, Ленинграда и национальных центров, не могли сами по себе, без большой, внимательной и настойчивой работы с авторами, обеспечить журналу сплоченный авторский коллектив. Здесь сказались и недостаточно четкая работа организационного ядра редакции. В дальнейшем редколлегия предполагает чаще обсуждать на расширенных заседаниях статьи в присутствии их авторов. Особое внимание редколлегия должна уделить повышению качества рецензирования и редактирования статей.

Рассказав об усилиях редакции сделать каждый номер журнала целеустремленным и вместе с тем разнообразным по тематике и остановившись на содержании сданных в производство пятого и шестого номеров, акад. В. В. Виноградов далее подробно проанализировал недостатки в деятельности редакции по заказам на статьи и в области установления связей с различными научно-исследовательскими учреждениями.

Редколлегия не удалось обеспечить участие в работе журнала таких учреждений, как Министерство просвещения и Академия педагогических наук РСФСР (что серьезно сказалось, в частности, на работе отдела «Языкознание и школа»), а также участие представителей Института философии и Института истории АН СССР. Предложения, с которыми редакция обращалась к некоторым работникам этих учреждений и к другим намечаемым авторам, далеко не всегда приводили к желаемым результатам. Так, до сих пор редакция не получила статьи по проблеме «Язык и мышление», хотя заказы были сделаны нескольким специалистам, в том числе акад. Г. Ф. Александрову, проф. Б. М. Кедрову и др. Как правило, не достигали цели и многочисленные заказы на статьи по таким важным вопросам, как «Проблемы исторической лексикологии», «Взаимоотношение грамматики и лексикологии», «Об изучении языка писателя», «О взаимоотношении морфологии и синтаксиса», «Стиль как лингвистическое понятие», «Об основном словарном фонде», «Об изучении языка художественных произведений», и многим другим.

С этим связан и тот существенный недостаток в работе журнала и прежде всего отдела общего языкознания, что не были организованы и не нашли себе места на страницах журнала широкие творческие дискуссии. Правда, намечалась дискуссия по вопросам внутренних законов развития языка, но статьи на эту тему, которые были получены редакцией, или оказались неудовлетворительными и с соответствующими замечаниями были возвращены авторам, или же носили характер небольших заметок. Только к № 6 редакция сумела подготовить обсуждение вопроса о частях речи и членах предложения (статьи Г. Д. Санжеева и П. И. Перевощикова). Естественно, что запросы широкого читателя не может удовлетворить дискуссия по вопросу о принципах составления этимологических словарей, хотя создание этимологического словаря русского языка является весьма актуальной задачей. В настоящее время редакция занята подготовкой дискуссии на тему «История языка и история народа»; дать такую дискуссионную статью обещал Б. А. Серебренников (см. его статью на стр. 34 в этом номере журнала. — *Ред.*). На страницах журнала в 1953 г. будет продолжаться обмен мнениями по вопросам, связанным с преподаванием курса «Введение в языкознание».

Не удалось редакции осуществить и обсуждение стабильных учебников по русскому языку, а также учебников для нерусских школ. Отдел «Языкознание и школа» взял на себя обязательство в 1953 г. провести широкое обсуждение, с одной стороны, теоретических проблем, связанных с курсами общего языкознания и истории языка, с другой — недостатков университетских программ по соответствующим курсам.

Обращает на себя внимание тот факт, сказал далее акад. В. В. Виноградов, что наибольшее затруднения редакция испытывает при заказах на статьи по вопросам русского языкознания. Несомненно, что редколлегия, в составе которой шесть специалистов по русскому языку, недостаточно активно привлекала к этой тематике внимание наших ученых из периферийных вузов, а также слабо использовала кадры молодых научных работников. Однако в значительной мере неблагоприятное в этом вопросе отражает недостаток работы самого Института языкознания АН СССР. Секторы русского языкознания института заняты в настоящее время подготовкой больших и важных коллективных трудов: диалектологического атласа русского языка, грамматики и трехтомного нормативного словаря современного русского языка и т. п. Но научно-исследовательская работа по обобщению накапливаемых фактов истории русского языка, по подготовке отдельных монографий в этой области в институте развевается еще очень слабо. Нет крупных работ по этим проблемам и в Московском университете и в педагогических институтах столицы.

Отсутствие такого рода статей в какой-то мере могли бы возместить помещаемые в журнале обзоры, в которых освещались бы материалы и выводы кандидатских и докторских диссертаций по отдельным аспектам изучения русского языка, — вина редакции

что она до сих пор не организовала такие обзоры. Но журнал не может остаться в стороне от самой разработки важнейших вопросов истории русского литературного языка и исторической грамматики русского языка, которые тесно связаны с разрешением проблем, выдвинутых перед советскими языковедами И. В. Сталиным. Этот существенный недостаток в работе журнала ставит перед нами, подчеркивает акад. В. В. Виноградов, важные вопросы, связанные с планированием исследований в области русского языкознания на основе сталинского учения о языке.

Совершенно очевидно, что важнейшей задаче разоблачения реакционных теорий буржуазного языкознания редакция до сих пор уделяла мало внимания. Обычный недостаток статей, посвященных критике различных направлений зарубежной лингвистики, заключается в том, что читатель подчас не может составить себе ясного представления, что же конкретно критикуется, поскольку критика той или иной концепции не подкрепляется в таких статьях подробным анализом порочных оснований данной теории, причин ее распространения, методики исследования и т. п. Редакция журнала считает, что, например, статья О. С. Ахмановой, разоблачающая методы лингвистического исследования у современных американских структуралистов, в какой-то мере преодолевает типичные для этих статей недостатки.

Несмотря на то, что отдел критики и библиографии журнала приложил много усилий для привлечения авторов, редакции еще не удалось организовать быстрое поступление рецензий на работы советских и зарубежных ученых. Редакция не смогла получить и статей с глубокой и развернутой критикой работ некоторых «учеников» и последователей Марра. Рецензия на основные «теоретические» работы С. Д. Кацнельсона, поступившая в редакцию, оказалась неудовлетворительной.

Таким образом, все основные указания рецензии в журнале «Большевик» на идейно-теоретические и научно-организационные недостатки в работе нашей редакции, говорит акад. В. В. Виноградов, следует признать правильными. Мы не сумели все номера журнала насытить статьями по актуальным вопросам советского языкознания. Несомненно, что круг проблем, связанных с глубокой критикой традиционного сравнительно-исторического языкознания и разоблачением теорий буржуазных языковедов, не нашел еще необходимого отражения в журнале «Вопросы языкознания». Справедливо и указание на недостаточно острую критику «нового учения» о языке, а также тех работ, в которых сказалось и сказывается влияние марризма. Нельзя не признать, что отдельные статьи, напечатанные в журнале, содержат ошибки и противоречия, отмеченные рецензентом, а ряд статей носит слишком общий характер. Недостаточная насыщенность конкретным материалом лишала такие статьи действительности и приводила к отрыву журнала от задач, стоящих перед школой, преподавательской практикой. Редакция не оказала помощи в этом деле таким журналам, как «Русский язык в школе» и «Иностранные языки в школе». Все это говорит о том, что указания рецензента на отсутствие четкого планирования отдельных номеров журнала и недостаточно высокую требовательность редакции при отборе статей являются верными и своевременными.

Далее акад. В. В. Виноградов рассказал о плане дальнейшей работы журнала «Вопросы языкознания» и о тех мероприятиях, которые помогут журналу устранить некоторые из имеющихся у него недостатков. В 1953 г. каждый номер журнала предполагается связать с определенной темой, чтобы в течение года охватить следующую проблематику: вопросы грамматического строя (в частности, намечается продолжение дискуссии, начатой статьей Г. Д. Санжеева); вопросы лексикологии; проблемы нормализации литературных языков; язык и мышление; проблема внутренних законов развития языка и вопросы периодизации истории конкретных языков (сюда примыкает и обсуждение вопросов связи истории языка с историей народа); вопросы стилистики. При этом в первую очередь указанные проблемы должны разрабатываться на материале русского языка. Журнал крайне нуждается в статьях на такие, например, темы, как «Курско-орловский диалект как основа русского национального языка», «Словарный состав русского языка послеоктябрьской эпохи», «Языковые стили и сложение русского национального языка» и т. д. Отдел «Языкознание и школа» ждет статей, анализирующих учебник по русскому языку для русской и нерусской школы; предполагается также обсудить вопросы преподавания вузовских курсов по русскому языку и организации соответствующих практических занятий. Кроме библиографических обзоров отечественной научной продукции за 1952 и 1953 гг., журнал должен широко организовать рецензирование иностранных изданий с тем, чтобы оказывать постоянную помощь языковедам стран лагеря мира и демократии и прогрессивным ученым всего мира, не оставляя без ответа ни одной вылазки буржуазных реакционеров от науки.

Особенно важно быстро откликаться на новые работы советских языковедов, привлекая для обсуждения выходящих книг широкий коллектив рецензентов. Однако в этом деле существуют пока еще не преодоленные трудности. Каждый номер журнала «Вопросы языкознания» должен сдаваться в Издательство АН СССР, как сборник, не позже чем за два с половиной месяца до его выхода в свет. При невозможности вносить

существенные изменения в содержание сданного в производство номера, редакция, естественно, оказывается в ряде случаев в очень тяжелом положении, так как свежий актуальный материал задерживается и неизбежно устаревает. Заметно отражается на сроках выхода номеров журнала и нечеткая работа типографии Издательства Академии наук СССР, допускающей много опечаток.

Для того чтобы привлечь внимание авторов к разработке важнейших вопросов науки о языке, редакция разослает всем языковедческим учреждениям примерную тематику журнала, включающую свыше 100 различных тем. Эта тематика сможет послужить базой для дальнейшего широкого обсуждения работы журнала.

У всех советских языковедов, сказал в заключение докладчик, есть одна общая задача — повышение идейно-теоретического уровня языкознания. Наш журнал должен смело откликаться на самые насущные вопросы науки о языке и тем самым содействовать ее могучему подъему. Эта задача не может быть решена без действенной помощи коллег Института языкознания и всех языковедов страны. Мы должны оправдать то доверие и ту великую помощь, которые нам оказал товарищ Сталин. «Труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ — великий образец творческого марксизма, он — программа творческого развития нашей науки, неиссякаемый источник глубоких мыслей и указаний для всех языковедов мира. Он — знамя нашего журнала и его путеводная звезда»¹.

После доклада развернулся оживленный обмен мнениями по вопросам улучшения работы журнала. Все выступавшие отмечали, что внимание, которое оказывают науке о языке Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство и лично товарищ Сталин, накладывает большую ответственность за успех или неуспех журнала не только на его редколлегия, но и на весь коллектив советских языковедов.

А. И. Смирницкий, Н. Н. Прокопович, С. Е. Крючков и другие говорили о необходимости оперативно откликаться на обращения журнала, на просьбы редакции написать ту или иную статью на актуальные темы. В. И. Борковский особенно подчеркнул ответственность Института языкознания за идейно-теоретический уровень журнала. Совершенно недостаточное участие в работе журнала сотрудников сектора кавказских и иранских языков, а также многих сотрудников сектора тюркских языков и других секторов института отметил В. П. Сухотин. Об обязанности всех советских языковедов помочь работе журнала говорила член редколлегии Н. Ю. Шведова. Трудности, которые во многом определяют недостатки отдела стилистики и культуры речи, она проиллюстрировала такими цифрами: в ответ на 52 заказа, сделанные отделом, редакция получила только 5 статей. Н. Ю. Шведова справедливо отметила невнимание к работе журнала со стороны многих крупных советских языковедов.

Основное внимание выступавших было сосредоточено на недостатках работы самой редколлегии журнала. В своем выступлении Б. А. Серебrennikov указал на то, что редколлегия журнала не хватает смелости в постановке и попытках решения многих острых и актуальных вопросов науки о языке. Так, по его мнению, редколлегия должна была поместить специальную статью, разоблачающую «теорию первобытной лингвистической непрерывности». В серьезном и важном вопросе о скачках в развитии языка редакция пока ограничилась недостаточно определенными, по мнению Б. А. Серебrennikova, замечаниями акад. В. В. Виноградова, он статье о внутренних законах развития языка, вместо того чтобы выступить с коллективной статьей и, разобравшись в культурных спорах «скачкостов» и «аптискачкостов», четко сформулировать свою точку зрения. Б. А. Серебrennikov считает, что редколлегия упустила имевшуюся возможность организовать широкое обсуждение проблемы внутренних законов развития языка, не воспользовавшись в качестве основы дискуссии материалами февральской сессии Института языкознания АН СССР. Расширению круга авторов и читателей журнала могло бы способствовать помещение в журнале статей на такие темы, как «Принципы составления описательной грамматики», «Перспективы развития языков народов Севера», «Понятие омонимии», «Проблема единства иберийско-кавказских языков», с их дальнейшим обсуждением на страницах журнала.

На отсутствие статей, разрабатывающих проблему внутренних законов развития языка, как на серьезный недостаток журнала, указал и В. П. Сухотин. Остановившись далее на вопросе о взаимодействии языка и диалектов, он утверждал, что основным пороком статьи М. И. Стеблин-Каменского в № 1 журнала и многих других статей по этому вопросу является невнимание к общепародным элементам, которые обнаруживаются во всех без исключения диалектах конкретного языка. Несомненно, что эта точка зрения В. П. Сухотина, изложенная в специальной статье, хотя бы для раздела журнала «Трибуна читателя», представила бы значительный интерес и могла бы послужить предметом оживленного обмена мнениями.

¹ Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина... передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 1, стр. 40.

В ходе обсуждения А. И. Смирницким было высказано мнение, что в настоящее время уже не имеет смысла специально критиковать в общей форме те или иные марровские положения, а посвящать сейчас отдельную статью, например, критике работ С. Д. Кацнельсона — значило бы воскрешать то, что уже ушло в прошлое. Более важной, считает А. И. Смирницкий, является задача искоренения распространённой и сейчас, очень живучей, типичной для Н. Я. Марра и его «учеников» привычки не считаться с фактами языка, не анализировать как следует изучаемые явления, не доказывать свои положения. Эту задачу смогли бы выполнить конкретные работы, в которых по ходу исследования показывалось бы, как данный вопрос решался у Марра и его последователей и в чем неправильность этих решений.

Эта точка зрения, естественно, не встретила поддержки у членов Ученого совета. Возражая против «идеализации» результатов борьбы с марризмом, В. И. Борковский заметил, что журнал должен выступать со статьями, специально направленными против «нового учения» о языке, так как это входит в задачи, стоящие перед советским языкознанием.

С другой стороны, А. И. Смирницкий полагает, что рецензент «Большевика» не совсем правильно ориентировал языковедов, отметив наличие тенденции оторвать язык от других общественных явлений, поскольку опасности такого отрыва не видно. По мнению А. И. Смирницкого, внимание советских языковедов следует привлечь именно к специфическим особенностям языка, имея в виду, что «без этих особенностей языка языкознание потеряло бы право на самостоятельное существование»².

Существенное замечание рецензента, направленное против тенденции абсолютизировать особенности языка, а также мнение А. И. Смирницкого по этому вопросу почему-то не привлекли к себе внимания выступавших товарищей, и это, несомненно, снизило эффективность настоящего обсуждения.

Н. Н. Прокопович посвятил свое выступление вопросам работы отдела «Языкознание и школа». По его мнению, отдел этот должен был вести борьбу за укрепление научных основ преподавания языка в школе, против тенденции «разгрузить» школьную программу по русскому языку, в частности, программу для VIII—X классов, за счет теоретического материала, — это привлекло бы к журналу внимание широких кругов учителей-словесников. Поднять вопрос о включении основ научного языкознания в курс средней школы считает необходимым и выступивший в начале реции А. И. Смирницкий. Напротив, С. Е. Крючков выразил сомнение в целесообразности углубления грамматических сведений, даваемых в школе, сославшись на мнение большинства методистов о том, что школе нужно пособие, в котором давались бы отчетливые доступные детям сведения, поскольку вопрос об овладении детьми грамматическими абстракциями не так прост.

В основной части своего выступления С. Е. Крючков поставил вопрос о профиле журнала. Он утверждал, что задачи журнала неопределенны и что невозможно удовлетворить интересы всех разнообразных слоев читателей журнала. По его мнению, «Вопросы языкознания» должны помещать дискуссионные статьи, в которых затрагивались бы глубокие теоретические основы преподавания языка в школе, а основное место предоставлять статьям научно-популярного характера. Живо интересуют учителей, отметил С. Е. Крючков, вопросы о языке художественных произведений, об орфографии, о границах между существительными и наречиями, о словообразовательной роли и о правописании частицы *ме*, особенно же — вопросы классификации второстепенных членов предложения и придаточных предложений. Н. Н. Прокопович, не касаясь вопроса об общем профиле журнала, высказался за организацию в каждом номере раздела научно-популярного характера.

А. Б. Шаниро сделал ряд замечаний по организации работы редколлегии. Он считает, что должна быть установлена очередность в решении вопросов того тематического плана, который разработан редколлегией. Особо следует отметить пожелание создать при каждом отделе журнала актив рецензентов. А. Б. Шаниро подчеркнул и важность размежевания журнала с другими печатными изданиями института, необходимость четко определять лицо каждого из этих изданий.

В. И. Борковский говорил о том, что необходимо координировать работу языковедческих журналов в области рецензирования выходящих книг и освещения научной жизни. Он отметил, что рецензия в журнале «Большевик» имеет прямое отношение и к другим языковедческим журналам, например, к журналу «Русский язык в школе». Указав на неравномерность распределения работы между отдельными членами редколлегии, В. И. Борковский, как и А. Б. Шаниро, предложил повысить ответственность каждого заведующего отделом за свой участок работы. А. И. Смирницкий предложил проводить намеченные журналом дискуссии таким образом, чтобы каждая последующая статья была откликом на предыдущую, и возражал против помещения в одном номере нескольких статей, обсуждающих одну тему, за счет уменьшения одновременно обсуждаемых тем.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 36.

Мы мало получаем статей по проблемам изучения языка писателя и языка художественной литературы, сказала в своем выступлении Н. Ю. Шведова. Учитывая большую потребность в общих статьях по этим проблемам, редакция поместила мою статью «К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя». Статья получила резкую критическую оценку. Принимая все упреки рецензента, Н. Ю. Шведова отмечает, что в недостатках ее статьи нашла свое отражение общая неразработанность проблемы языка писателя. Не определяет общих методов изучения этой проблемы и данная статья. Вопрос же о вкладе писателя как индивидуальности в общенародный язык в статье вообще не разбирался.

В выступлениях по докладу затрагивались и другие, главным образом частные, недостатки работы журнала. В то же время приходится сожалеть, что не был поднят всестороннему обсуждению поставленный в докладе акад. В. В. Виноградова вопрос о работе отдела языков и письменности народов СССР и — в первую очередь — о работе отдела теории и методологии языкознания, который пока еще не оказывает направляющего влияния на работу других отделов журнала. Вопрос в отношении этого отдела является острым еще и потому, что группа общего языкознания в Институте языкознания АН СССР также не оказывает такого влияния на работу журнала в целом.

Следует отметить, что успеху обсуждения мешало и такое обстоятельство. Выступивший в прениях первым И. Д. Дмитриев-Кельда воспользовался предоставленным ему временем для общих нападок, главным образом на одностороннее и неправильное, по его мнению, понимание подавляющим большинством советских языковедов проблемы внутренних законов развития языка и связи языка и мышления. Эти нападки И. Д. Дмитриева-Кельды явно уводили в сторону от обсуждаемых вопросов; возразить ему сочли необходимым Б. А. Серебрянников, и особенно В. П. Сухотин, выступление которого в связи с такого рода полемикой не вполне удовлетворило аудиторию.

Подводя итоги обсуждения, акад. В. В. Виноградов отметил, что редакция получила от выступавших ряд существенных, критических замечаний и очень ценных конкретных предложений. Учитывая их, в свете рецензии журнала «Большевик», говорит акад. В. В. Виноградов, редакция должна, в частности, сделать для себя вывод о том, что в каждом конкретном случае опубликования в журнале статей, содержащих разноречивые высказывания, ей необходимо, на основании заключения специалистов, вырабатывать и сообщать свою точку зрения. «Вопросы языкознания» не должны превращаться в научно-популярный журнал. Однако редакции следует усилить работу над статьями, с тем чтобы сложные вопросы, которым они посвящаются, сделать доступными широким кругам читателей-неспециалистов. Что касается авторов журнала, то им необходимо хорошо помнить слова В. И. Ленина о том, что долг передовых ученых, работающих для народа, писать просто, без ненужных ухищрений. Очень важным является и вопрос о взаимодействии редколлегии журнала «Вопросы языкознания» с другими журналами советских языковедов, а также с журналами советских историков и философов.

Указывая на недостатки, имеющиеся в работе редакции, обязывают ее наладить живую связь и регулярные встречи с активом читателей, рецензентов и авторов. В заключение акад. В. В. Виноградов поблагодарил товарищей, принявших участие в деловом обсуждении деятельности журнала, и выразил особую благодарность журналу «Большевик» за рецензию, которая помогает наметить пути дальнейшей работы не только редколлегии журнала «Вопросы языкознания», но и всем советским языковедам. Ученый совет института принял специальную резолюцию по обсуждавшемуся вопросу.

В. П. Григорьев

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЦЕНЗИИ, ПОМЕЩЕННОЙ В № 16 ЖУРНАЛА «БОЛЬШЕВИК», НА ЗАСЕДАНИИ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Обсуждению статей, помещенных в журнале «Вопросы языкознания», в связи с рецензией в № 16 журнала «Большевик», было посвящено заседание кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. Ломоносова, происходившее 7 октября 1952 г.

Обсуждение привлекло многочисленную аудиторию профессоров, преподавателей, аспирантов и студентов. Все выступавшие нашли рецензию в журнале «Большевик» своевременной и высказывали мысль, что журнал «Вопросы языкознания» еще в недостаточной степени разрабатывает назревшие проблемы языковедческой науки и тем

самым не выполняет поставленных перед ним задач. Ряд товарищей, выступивших в прениях, указывали, что журнал, проделав большую и пужную работу по теоретическому освещению лингвистических проблем на основе трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, не занялся вполную конкретизацией теоретических положений в применении к отдельным языкам. Еще мало что сделано журналом для выяснения специфики проявления тех или иных закономерностей развития языка на примере конкретного языкового материала. Вместе с тем слабо освещаются вопросы критического освоения сравнительно-исторического метода в языкознании. Резкие замечания выступивших вызвало явно недостаточное внимание журнала к разработке проблем русского языка, которые по праву должны занимать центральное место среди публикуемых материалов.

Как отметил в своем выступлении Н. С. Поспелов, журналу следует обратить большее внимание на публикацию материалов, посвященных изучению грамматического строя языков и вопросу соотношения основного словарного фонда и словарного состава языка. Изучение соотношения основного словарного фонда и словарного состава языка имеет большое научное значение и крайне важно для практики преподавания языка в школе и в высших учебных заведениях. Огромное значение этот вопрос имеет для теории и практики лексикографии. Необходимо также уделить внимание разработке историко-лексикологических проблем. Между тем историческое развитие лексики, в частности лексики русского языка, в журнале освещается довольно слабо. Такое освещение этих проблем, отметил Н. С. Поспелов, является недостатком не только редакции журнала: советские лингвисты пока еще слишком мало занимаются указанными проблемами и поэтому не оказывают журналу той помощи, которой он вправе ожидать от ученых-языковедов.

На насущную необходимость тщательного изучения проблемы происхождения родственных, особенно славянских, языков указал в своем выступлении Т. П. Ломтев. В связи с генеалогическим родством языков возникает вопрос о качественной характеристике языков-основ. Между тем «Вопросы языкознания» освещению этого вопроса не уделяют достаточного внимания. Постановка и разрешение его в ряде статей, затрагивающих характерные особенности и определение самого понятия языка-основы, страдают нечеткостью и неопределенностью. В результате такого освещения остается неясным отличие языка-основы от праязыка. Столь же поверхностно разрабатывается проблема связи истории данного языка с историей народа, являющегося носителем этого языка, в то время как практическая работа по преподаванию истории русского языка настоятельно требует разрешения этого вопроса.

Крупные недостатки содержат статьи Б. В. Горнунга и А. И. Смирницкого о сравнительно-историческом методе. Авторы касаются лишь частных положений и не дают систематического изложения данного вопроса в целом, что препятствует правильным теоретическим обобщениям на основе положений диалектического и исторического материализма.

Т. П. Ломтев отметил также, что разработка философских проблем языкознания должна быть тесно связана с изучением вопроса о том, как реализуются законы диалектики в языке, и указал, в частности, на необходимость решения проблемы качественных и количественных изменений в языке. Он напомнил, что многими языковедами отрицается возможность скачков в языке, хотя, по мнению Т. П. Ломтева, в языке, как и во всех явлениях природы и общества, количественные изменения переходят в качественные путем скачка, под которым и следует понимать коренной переход от старого качества к новому. Вопросы проявления диалектических законов в языке, сказал Т. П. Ломтев, не могут быть разрешены без их всестороннего обсуждения при участии широкого круга языковедов, философов и историков.

Важность теоретической разработки проблемы происхождения языка осветил в своем выступлении П. С. Кузнецов, отметивший, что эта проблема тесно связана с еще стоящей перед советскими языковедами задачей выкорчевывания и разоблачения вульгаризаторских марристских извращений, поскольку область «доистории» языка была излюбленным полем «теоретической деятельности» Марра и его последователей. Как раз в этой области марристы допустили огромное количество принципиальных ошибок и извращений. Поэтому было крайне необходимо поднять этот вопрос для выработки правильного марксистского понимания проблем происхождения языка. В связи с этим П. С. Кузнецов считает незаслуженным содержащийся в рецензии Е. М. Галкиной-Федорук на журнал «Вопросы языкознания» упрек в слишком большом внимании редакции журнала к проблемам «доистории» языка¹.

П. С. Кузнецов отметил большое значение разработки вопроса о языках-основах. Однако эта проблема, сказал он, осложняется разнообразием характеристик языков-основ для каждой языковой семьи. Поэтому данный вопрос, понятно, не смог найти своего полного разрешения в одной статье Б. В. Горнунга, В. Д. Левина и

¹ См. «Русский язык в школе», М., 1952, № 5, стр. 72.

В. Н. Сидорова, трактующей проблему языка-основы. Для детальной ее разработки требуются усилия значительного коллектива ученых.

К более тщательному изучению внутренних законов развития языка и отдельных проблем, с ними связанных, призывали в своих выступлениях Е. М. Галкина-Федорук, П. С. Кузнецов, Т. П. Ломтев, А. И. Ефимов, Н. С. Поспелов, Е. Т. Черкасова, П. Г. Пустовойт.

В центре обсуждения, естественно, стояли проблемы дальнейшей творческой разработки русского языкознания. Все выступавшие отмечали чрезвычайно небольшой удельный вес статей по русскому языку в вышедших номерах журнала «Вопросы языкознания». На этом недостатке в работе редакции журнала особенно подробно остановился диссертант А. Я. Микиртуни. Учитывая то обстоятельство, что русский язык является языком, близким и понятным для большей части населения нашей страны, что в центре и в республиках ведется огромная практическая работа в области русского языка, говорил тов. Микиртуни, мы должны предъявить серьезные претензии журналу, призванному дать теоретическую базу для этой работы, и потребовать от его редакции ликвидировать в кратчайший срок это явное отставание важнейшей области науки о языке, с тем чтобы вопросы русского языкознания заняли в журнале подобающее им место.

П. С. Кузнецов остановился на недостатках статьи И. А. Оссовецкого «Об изучении языка русского фольклора». В статье нет должного критического подхода к выводам предшествующих исследователей данного вопроса. В результате не отделено то новое и ценное, что внесено этими исследователями, от того ошибочного и неверного, что содержится в их работах (например, в исследованиях Потеевни и др.). В статье недостаточно вскрываются вредные идеи Веселовского в исследованиях по фольклору; неправильно поставлен и упрощенно разрешен вопрос о соотношении общенародного языка и диалектов вообще и в фольклорных произведениях в частности. Упрощенно трактуется, например, вопрос об употреблении видовых форм глагола в произведениях устного народного творчества. В статье лишь вскользь упоминается о соотношении «старого» и «нового» фольклора, не указывается на ряд их важнейших качественных различий.

Проблемы соотношения общенародного языка с индивидуальными чертами языка писателя коснулся в своем выступлении П. Г. Пустовойт, анализируя недостатки в статье Н. Ю. Шведовой «К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя». П. Г. Пустовойт отметил важность и актуальность затронутой Н. Ю. Шведовой темы. Но эта чрезвычайно интересная проблема разрешена автором недостаточно доказательно. В статье наблюдается диспропорция между иллюстрациями и аргументацией. Иллюстративный материал случаен. Так, анализируя язык К. Федина, автор привлекает такие примеры, которые не отражают специфики языка данного писателя. Было бы более целесообразно для этой цели подвергнуть тщательному анализу внутреннюю монологическую и диалогическую речь и тропы в языке произведений Федина. К другим недостаткам статьи Н. Ю. Шведовой следует отнести отсутствие в ней четкого решения вопроса о языке и стиле писателя. Оба эти понятия в статье практически смешиваются. Такое же смешение происходит с характеристикой языка писателя и языка отдельного произведения. П. Г. Пустовойт выразил несогласие с утверждением Н. Ю. Шведовой, что писатели В. Некрасов и В. Панова, в отличие от Б. Горбатова, не дают непосредственной авторской оценки событий.

А. И. Ефимов в своем выступлении остановился на проблеме соотношения речевой характеристики персонажа и языка автора и на вопросе о роли жаргонов в общенародном языке. Указав на настоятельную необходимость в настоящее время решить эти вопросы и констатируя, что до сих пор не определено понятие общелитературного языка, не раскрыто существо индивидуального в языке писателя, роль несобственно-прямой речи в народном языке, А. И. Ефимов сказал, что рецензент «Большевик» расширил задачу, поставленную Н. Ю. Шведовой в ее статье, за счет вышеуказанных проблем: Н. Ю. Шведова не ставила своей целью охарактеризовать вклад писателя в общенародный язык.

Выступившая в прениях Н. Ю. Шведова признала критику ее статьи и в рецензии, помещенной в журнале «Большевик», и в выступлениях товарищей правильной, однако отметила, что рецензент слишком широко трактовал задачи статьи.

Говоря о недостаточном изучении ряда проблем русской лингвистики, В. К. Чичагов в особенное внимание обратил на слабую разработку советскими учеными (что отразилось и на материалах журнала) теории стилистики и семантики русского языка и предмета лексикологии.

М. М. Никитина отметила, что слабая разработка вопросов истории русского языка непосредственно связана с тем, что в работах лингвистов история языка отрывается от истории народа. Их органическая увязка позволит прояснить многие проблемы истории русского языка.

Е. Т. Черкасова заявила, что историки языка дали еще мало мате-

риалов, необходимых для полного суждения о внутренних законах развития русского языка.

Большое внимание в выступлениях было уделено ряду организационных моментов в работе редакции журнала и конкретным предложениям, направленным на улучшение содержания и структуры журнала. Все выступавшие единодушно высказали мнение, что журнал «Вопросы языкознания» должен оставаться теоретическим органом советских языковедов, но что этому нисколько не противоречит помещение в нем материалов, теоретически обобщающих опыт изучения и преподавания языковедческих дисциплин в высшей школе.

Товарищи, принявшие участие в обсуждении, высказали многочисленные пожелания редколлегии журнала. Редколлегия необходимо избегать распыленности и случайности тематики статей, помещаемых в журнале, и усилить внимание к такому основному средству установления научных истин и единства мнений по важнейшим вопросам языкознания, как дискуссии. В журнале нужно печатать результаты дискуссий, проведенных в Институте языкознания (доклад Б. А. Серебrenникова на дискуссии о внутренних законах развития языка не был опубликован в журнале). Выдвигая теоретические вопросы, журнал должен ставить их не абстрактно, а обобщая конкретный языковой материал.

Одна из задач журнала — координация научно-исследовательских работ по языку в различных центрах страны и информация о них читателей журнала. К участию в работе журнала нужно привлечь сотрудников периферийных научно-педагогических учреждений, а также молодых специалистов-языковедов — преподавателей и аспирантов, работающих над важными, актуальными темами. Журнал должен откликаться на статьи по вопросам языка в других органах печати и исправлять содержащиеся в них иногда ошибочные лингвистические положения. В связи с этим очень важно усилить критический и публицистический разделы журнала. Очень полезны были бы в журнале такие отделы, как «Книжная полка», «Трибуна читателя», «Консультации читателям».

Журналу необходимо улучшить редакционную обработку статей. М. М. Никитина отметила, что плохого отредактирована статья Р. А. Будагова в № 4 журнала.

Была также высказана мысль о создании научно-популярного языковедческого журнала, рассчитанного на широкие массы студентов, аспирантов и преподавателей вузов.

Обсуждение рецензии, помещенной в журнале «Большевик», прошло чрезвычайно активно. Однако следует отметить и недостатки дискуссии. Самый существенный из них состоит в том, что выступавшие ограничивались вопросами русской лингвистики. В ходе дискуссии были проанализированы достаточно глубоко лишь две статьи (И. А. Осовецкого и Н. Ю. Шведовой), а остальных материалов, помещенных в журнале, участники обсуждения касались вскользь.

Подводя итоги обсуждению, Е. М. Галкина-Федорук отметила, что критика журнала была доброжелательной, принципиальной и конкретной. Рецензия в «Большевике» правильно ориентирует лингвистов на постановку и разработку актуальных проблем языковедения и помогает им в работе. Кафедра единодушно отметила в своем решении, что рецензия в журнале «Большевик» содержит правильные указания на недостатки в работе журнала «Вопросы языкознания» и является помощью партии и советской общественности в деле развития науки о языке.

И. К. Калинина

СЕКТОР КУЛЬТУРЫ РЕЧИ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР И ЕГО ЗАДАЧИ

29 августа 1952 г. было принято постановление Президиума Академии наук СССР об организации в составе Института языкознания АН СССР сектора культуры речи. Круг вопросов, связанных с термином «культура речи», научно не определен. Однако в представлении советской общественности, которая по сути дела и ввела в употребление этот термин, он обладает вполне ясным содержанием. При наличии в устной и письменной речи колебаний и неправильностей всякого рода — в произношении, правописании, словоупотреблении — советская общественность проявляет прежде всего интерес к тому, как правильно говорить и писать. Она желает узнать от языковедов, каковы же нормы современного русского и других литературных языков народов Советского Союза, что такое вообще нормы языка и каковы причины отклонений от нормы, в чем суть неправильностей и ошибок речи. С этим тесно связаны проблемы стилистики устной и письменной речи, вопросы точности и выразительности языка, его чистоты и самобытности. Задача языковедов состоит в том, чтобы на основе тщательного и всестороннего изучения живых явлений современного языка создать доступные для народа теоретически обоснованные руководства для повышения культуры речи.

Нельзя сказать, чтобы языковеды не занимались темами, связанными с нормализацией языка. Отвечая на запросы общественности, языковеды, а чаще и неязыковеды, ревнители чистоты языка, обращались к соответствующим темам. Но вопросы нормализации и стилистического упорядочения литературного языка далеко не всегда находили удовлетворительные решения: в дореволюционное время эта проблематика выходила за пределы традиционных объектов языковедного изучения, а в период господства аракчеевского режима в языкознании она, несмотря на огромный интерес советской общественности к повышению культуры речи, была отодвинута на задний план как ненаучная. Поэтому — за небольшим исключением — работы, посвященные вопросам нормализации языка и стилистики, носили эмпирический характер, были лишены исторической базы, что вело к распространению пуристских взглядов и субъективных вкусовых суждений, бесплодных для решения вопроса о языковых нормах.

В свете решений XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза о разветвлении и углублении научно-теоретической работы сектор культуры речи главным образом направляет на разработку основных теоретических проблем, связанных с вопросами нормализации языка и стилистики. На ближайшие годы основной задачей явится исследование принципов нормализации литературных языков народов Советского Союза и прежде всего русского языка. Предстоит обосновать и определить понятие языковой нормы, как исторически обусловленного явления, опирающегося на исторические закономерности развития языка по его внутренним законам. Без правильного решения этой кардинальной проблемы нельзя выйти за пределы чисто вкусовых оценок и эмпирических наблюдений над языком.

Так, по целому ряду вопросов нормализации русского литературного произношения нельзя выйти из тупика без теоретического и исторического решения вопроса о самой сущности колебаний в произношении. Распространено мнение, даже среди языковедов, что нормы так называемого московского произношения, описанные в 1928 г. в известной статье Д. Н. Ушакова «Русская орфоэпия и ее задачи», являются образцовыми и в наше время. Сторонники сохранения этих норм во всей их чистоте склонны видеть в них некую универсальную вневременную категорию, а отклонения от нее рассматривать как порчу языка или как вредное влияние орфографии. Ссылаются обыкновенно на Малый театр, как на хранителя чистоты этих норм. Между тем эта московская норма, являясь продуктом развития звукового строя русского языка в течение ряда эпох, представляет собою историческую категорию, которая, так же, как и все другие стороны языка, развивается и постепенно изменяется в новых исторических условиях.

В силу многих исторических причин в недрах русского литературного языка на всем протяжении его развития существовал ряд произносительных вариантов, иногда оправдываемых стилистическими соображениями, опиравшихся то на развитие тех или иных явлений общепедагогического языка, то на традиции книжного произношения, которые находили опору в речевой практике некоторых диалектов. Такова судьба многих вариантов: твердый или мягкий заднеязычный согласный в исходе основы прилагательных (*строгий* или *строгой*), твердый или мягкий *с* в возвратных глаголах (*мыслил* или *мыслиа*), качество предударного гласного после шипящего (*шаги* или *шыги*), смягчение, неполное смягчение или отсутствие смягчения согласных перед мягкими согласными (*естественно* или *ес'тес'т'венно*) и мн. др. С XVIII в. возникла проблема произношения слов иноязычного происхождения, в частности, проблема произношения в этих словах твердого или мягкого согласного перед *е* (*ранэзат* или *р'ен'егат*). К середине XIX в. сложилась как литературная норма та система произношения, которая впоследствии получила наименование «московской». Однако произносительные варианты, не вошедшие в московскую норму XIX в., не только продолжали существовать, но под влиянием орфографии, что вполне понятно при широком распространении грамотности, стали получать преобладающее значение в литературном языке и утверждаться как новые нормы. Глубокое изучение исторических закономерностей развития русского литературного произношения даст совершенно объективное основание для оценки устарелости или прогрессивности тех или иных элементов колебания в недрах единого литературного языка.

То же можно сказать о нормализации русского ударения. У нас пока еще нет обобщающих теоретических работ, посвященных изучению исторических закономерностей развития русского ударения. Разработка славянской акцентологии, имеющей свои специфические задачи, лишь отчасти способствует раскрытию закономерностей русского ударения в эпохи развития языка народности и национального языка. В ряде случаев акцентологических колебаний нельзя выйти из тупика субъективных оценок, не выявив исторических закономерностей развития всей системы русского ударения. Так, на рост колебаний в ударении, на усиление или сокращение подвижности ударения немалое влияние оказала борьба акцентных традиций церковнославянского и русского общепедагогического языка, акцентных явлений северного и южного наречий в составе единого литературного языка в течение XVIII—XIX вв. На

этой основе складывались некоторые специфические закономерности развития русского ударения, в частности, связанность ударения с основой слова, закрепление ударения на существительном в предложно-именных сочетаниях при наличествовавшей ранее перетяжке на предлог и многое другое. Предстоит изучить то влияние, которое оказал на укрепление неподвижности ударения рост словарного состава за счет производных слов; предстоит также исследовать национальные тенденции акцентного освоения заимствованных слов в течение XVIII—XIX вв.: такое исследование, несомненно, вскроет порочность бытующей еще и в наше время космополитической «теории» о необходимости сохранять ударение на иностранном ладе в заимствованных словах.

Еще не разработаны проблемы нормализации словоупотребления, проблемы установления лексических границ между литературным языком и диалектом, проблемы исторической смены тех лексических пластов, которые непосредственно и очевидным образом не связаны с изменениями в жизни народа. В этой связи должны быть раскрыты основные вопросы стилистики литературного языка. И здесь без изучения исторического развития стилей национально-литературного языка и основанных на них стилей художественной литературы не может быть поставлен вопрос о стилистических нормах современного литературного языка. В связи с этим по-новому встают вопросы изучения синонимии и фразеологии. С проблемами лексической нормализации современного литературного языка связан и круг вопросов терминологии. При этом, наряду с собственно теоретическими вопросами определения понятия термина, определения условий терминологизации слова, стоят такие важные вопросы, как обоснование принципов совершенствования и очищения терминологии, проблема лексической структуры термина и др. Для разработки теоретических оснований усовершенствования терминологии необходим контакт не только с Комитетом научно-технической терминологии Академии наук СССР, но и с академическими терминологическими комитетами и комиссиями союзных республик, собравшими богатый материал для теоретических обобщений.

Теоретические работы сектора культуры речи Института языкознания АН СССР реализуются в ближайшие годы в двух направлениях. Будет подготовлен первый выпуск теоретического сборника «Вопросы стилистики». Кроме того, сектор будет готовить ряд практических пособий. Будет вестись работа над большим орфографическим словарем русского языка. При подготовке этого словаря будут использованы многочисленные материалы, собранные в Академии наук за предшествующие годы. В советское время работа по составлению орфографического словаря была предпринята в начале 30-х годов; первый этап этой работы завершился изданием, на правах рукописи, словаря С. П. Обнорского. После этого, на основании картотеки академического «Словаря современного русского литературного языка», был составлен обширный словник для орфографического словаря. Сектору культуры речи предстоит использовать не только все ранее собранные материалы, но широко привлечь и новые. К составлению инструкции для нового большого орфографического словаря привлечены специалисты по вопросам теории и практики орфографии. Наряду с общим орфографическим словарем разрабатываются орфографические словари географических названий и личных имен.

Новым начинанием является составление орфоэпического словаря русского языка. В предшествующей лингвистической литературе нет опыта составления подобного словаря. Сейчас разрабатывается инструкция по составлению орфоэпического словаря, который должен будет отразить нормы современного русского литературного произношения и ударения. Предстоит решить вопрос о композиции словаря, о его составе. Составлению словника должна предшествовать работа по установлению правил литературного произношения, которые будут предпосланы словарю.

В ближайшее время начнется подготовка материалов для русского фразеологического словаря. Здесь исследователь встречается с еще большим количеством неразрешенных вопросов, чем при составлении орфоэпического словаря. Кроме работ акад. В. В. Виноградова, в области русской фразеологии нет теоретических исследований, отвечающих современным требованиям науки. Поэтому созданию фразеологического словаря должно предшествовать не только собрание обширного материала, но и выработка методологических основ его классификации. В первую очередь должны быть поставлены такие теоретические вопросы, разрешение которых будет содействовать выработке правильных принципов композиции фразеологического словаря и его состава. Так, чрезвычайно важна выработка принципов классификации собственно идиоматического материала и различных типов несободных сочетаний слов, образующих смысловые единства. В перспективном плане сектора культуры речи стоит ряд работ в области стилистики и нормализации литературного языка, в том числе создание русского синонимического словаря.

Осуществление всех этих тем требует создания широкой научной базы. Должно быть организовано систематическое собирание материалов. Необходима планомерная регистрация лексических (в области словоупотребления), грамматических, произно-

сительных и акцентологических норм и отклонений от них, планомерная регистрация новых слов и выражений, характеризующих закономерности развития лексики современного русского языка, регистрация лексики и фразеологии публицистической, ораторской и художественной речи для изучения стилистических закономерностей развития современного русского литературного языка. Эти материалы составят основу специализированных картотек.

Кроме теоретической разработки принципов нормализации и стилистического упорядочения литературных языков и создания научных трудов, важнейшей задачей сектора является широкая пропаганда по всем вопросам культуры речи, интересующим советскую общественность, и помощь всем организациям, непосредственно заинтересованным в повышении культуры речи. В этой связи сектор должен будет расширять и углублять свою тематику. Так, например, театр и радиовещание заинтересованы не только в установлении твердых норм литературного произношения или правильного ударения в случаях колебаний, но и в разработке вопросов интонации, стилей сценического произношения, вопросов певческой орфоэпии. Сектор с помощью кафедр сценической речи должен поставить на очередь научную разработку этих вопросов и обсуждение их на специальных совещаниях. Для пропаганды научных знаний в области культуры речи в школе чрезвычайно важно установление контакта в работе с Академией педагогических наук РСФСР.

Сектор культуры речи — сектор нового типа. Он призван разрабатывать проблематику, которая должна непосредственно удовлетворять запросы советской общественности. Это — важная и почетная задача. Разработка теоретических вопросов и практических заданий в области культуры речи — одно из звеньев повышения социалистической культуры советского народа. Работы в области культуры русской речи будут содействовать выработке принципов нормализации и стилистического упорядочения литературных языков всех народов Советского Союза. Для осуществления своих задач сектор нуждается в широкой помощи общественных организаций, а также специалистов-языковедов, которые могут принять участие в разработке отдельных сторон тематики сектора культуры речи.

С. И. Ожесгов

ОБСУЖДЕНИЕ ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ БОЛГАРСКОЙ ГРАММАТИКИ

С 12 по 14 мая 1952 г. в Институте славяноведения АН СССР проходило совещание, посвященное обсуждению проспекта книги «Основные вопросы болгарской грамматики», над которой в настоящее время работает группа болгароведов института (С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Ю. С. Маслов). В разработке темы принимают участие также научные сотрудники других учреждений: В. В. Бородич (МГУ), М. И. Матусевич (ЛГУ). Один из разделов (ударение) будет написан Л. А. Булаховским. Завершение работы планируется на 1955 г.

С докладом «Состояние и задачи научного изучения современного болгарского литературного языка» выступил руководитель авторского коллектива проф. С. Б. Бернштейн. Он определил задачи и общее направление работы, указав, что интенсивное научное изучение грамматики современного болгарского литературного языка началось совсем недавно. Докладчик подчеркнул, что во многих болгарских грамматиках отсутствует понимание системы языка, что выражается в недифференцированном подходе к современным и древнейшим процессам, в частности, в неумении разграничить позиционные фонетические изменения звуков и морфологические чередования. Впервые попытался разграничить эти явления Л. Андрейчин — автор одной из лучших болгарских грамматик. Проф. Бернштейн указал, что без успешного разрешения теоретических вопросов невозможно создание капитальной научной грамматики болгарского языка. Это определило задачи, объем и направленность книги «Основные вопросы болгарской грамматики», разработка которой строится на обследовании большого круга литературных текстов, начиная с середины XIX в.

Работа будет состоять из введения и шести частей. Во введении будет изложено учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка. Особое место будет уделено критическому обзору трудов по болгарской грамматике, что даст возможность авторам формулировать свои общеграмматические приемы и методы исследования. Первая часть книги будет посвящена основным вопросам фонетики и фонологии болгарского языка, графике и орфографии. Она будет построена на основе тщательного экспериментального исследования болгарского литературного произношения. Во второй части будет дана общая характеристика грамматического строя болгарского языка. Эта часть будет состоять из двух разделов: а) грамматические средства болгарского языка и определение его формального строя и б) понятие отдельного слова применительно

к болгарскому языку. Основная задача — определение соотношения «аналитических» и «синтетических» средств в болгарском языке. Вторая часть будет написана по завершении работы над последующими частями.

Третья, самая обширная, часть, озаглавленная «Основные вопросы морфологии и синтаксиса», будет состоять из семи следующих глав: а) части речи в болгарском языке и их грамматические категории; б) выражение синтаксических отношений имени в болгарском языке; в) категория определенности и неопределенности в болгарском языке; г) употребление энклитических местоимений и «двойных форм» личного местоимения; д) вид и время; е) проблема так называемых определенных и неопределенных времен и пересказывательного наклонения. Кроме того, будет внесена еще глава о принципах морфологического членения, необходимость которой выяснилась после составления проспекта, в ходе работы над глагольными формами. Четвертая часть будет посвящена некоторым вопросам словообразования; в пятой будет дан очерк болгарского ударения; в шестой будут освещены некоторые вопросы синтаксиса простого предложения.

Заканчивая характеристику плана работы, проф. Бернштейн указал, что в решении кардинальных вопросов грамматики у авторского коллектива нет расхождений. По отдельным конкретным вопросам болгарской грамматики у авторов имеются различные мнения, в частности, по вопросу о категории определенности и неопределенности. Некоторые вопросы, поднимаемые в проспекте, по которым нет расхождений у авторов, вызывают критическое отношение со стороны лингвистов, не входящих в авторский коллектив. К таким вопросам принадлежит, например, вопрос о падежах в болгарском языке.

Доклад «Об изучении функций предлогов в болгарском языке» сделала канд. филол. наук Е. В. Чешко. В этом докладе были поставлены два вопроса: 1) вопрос о том, что считать падежными отношениями в болгарском языке и какую роль в выражении этих отношений играют предлоги, и 2) вопрос о задачах и методах изучения синтаксических отношений имени, выражаемых предложными сочетаниями. Докладчик считает, что термин «падеж» следует употреблять только для обозначения тех синтаксических отношений, которые имеют в языке особые падежные формы. Часть существительных в болгарском языке (местоимения, личные имена существительные мужского рода) образует особые падежные формы именительного, винительного и дательного, о которых только и можно говорить, как о формальных категориях, характеризующих падежную систему болгарского языка. Наличие этих форм, хотя бы в части слов, позволяет пользоваться ими как эталоном при определении круга значений данного падежа. Исследовать указанные формальные категории — это значит не только определить значение данной формы, но вскрыть все способы, при помощи которых передается данное падежное значение в словах, не имеющих соответственной падежной формы.

В сложной системе выражения синтаксических отношений имени существительного (включая местоимения) болгарского языка выделяются две группы отношений: 1) собственно падежные отношения, выражаемые системой падежей, соответствующих по своему значению так называемым грамматическим падежам индоевропейских языков; 2) синтаксические отношения, которые нельзя назвать падежными, так как они не имеют в болгарском языке падежного выражения и передаются сочетаниями предлогов с так называемой общей падежной формой. Эти отношения соответствуют отношениям, передаваемым в индоевропейских языках конкретными падежами. Это главным образом локальные и обстоятельственные значения. Звеном, объединяющим эти две системы, являются предложные конструкции, в которых предлог утратил свое реальное значение и превратился в простой показатель данного падежного отношения. В такой роли в болгарском языке выступает предлог *на* в конструкциях, имеющих значение дательного падежа (приглагольного и приименного). Эти конструкции с предлогом *на* должны быть включены в систему дательного падежа. В отличие от болгарских грамматик центральным вопросом исследования станет вопрос о предложном употреблении имени, а вопрос о собственном значении предлогов займет в нем подчиненное положение.

Прения по прочитанным докладам начались с ознакомления участников совещания с отзывами, присланными из Болгарии сотрудниками Института болгарского языка, в том числе известным болгарским лингвистом А. Теодоровым-Баланом, и из Чехословакии кафедрой славянских языков Пражского университета. И в зачитанных отзывах, и в последовавших затем выступлениях советских лингвистов было признано, что исходные теоретические положения, лежащие в основе обсуждаемого проспекта книги, являются правильными.

У большинства выступавших вызывало сомнение выделение категории состояния. Так, П. С. Кузнецов считает ее лишней не только для болгарского, но и для всех вообще языков. Э. А. Якубинская указала на морфологическую неопределенность этой категории, требующей дополнительного детального исследования. Н. С. Пospelов, однако, согласился с авторами проспекта и признал возможным выделение в болгарском

языке категории состояния, но отметил также, что она получила в этом языке более слабое выражение, чем, например, в русском, и объяснил это, сославшись на Милетича, тем, что болгарские глаголы совмещают в себе значения действия и состояния.

Дискуссия в основном развернулась по двум вопросам: по вопросу о категории определенности и неопределенности в болгарском языке и по вопросу о выражении «падежных отношений» в болгарском языке. Крайнюю позицию по первому вопросу заняла В. В. Бородич—автор соответствующего раздела предполагаемой книги,—которая считает категорию определенности и неопределенности очень продуктивной в болгарском языке, охватывающей всю грамматическую систему (и имя, и глагол, и прилагательное, и паречие). Сохранение форм аориста, наряду с формами перфекта, в болгарском языке в отличие от русского, например, объясняется В. В. Бородич именно развитием категории определенности и неопределенности. Пересказывательные формы рассматриваются также как известный этап в развитии этой категории.

Ю. С. Маслов, указав на закономерность постановки вопроса в отношении неопределенного члена, отметил полную необоснованность точки зрения В. В. Бородич, подчиняющей всю грамматическую систему болгарского языка борьбе двух начал: определенности и неопределенности. В результате обсуждения этого вопроса авторскому коллективу было предложено снять из проспекта формулировки и терминологию, предпрещающую какое-либо определенное решение предполагаемого исследования значения глагольных форм в болгарском языке.

При обсуждении вопроса о предлогах выявилось различие во взглядах на количество падежных форм в болгарском языке и на возможность переноса падежных форм местоимений на существительные. В ответном слове Е. В. Чешко заявила, что остается на занятых ею позициях. Она подчеркнула, что для признания падежа в качестве морфологической категории существительного достаточно наличия падежей в местоимении, поскольку обе эти части речи в плане синтаксическом ничем не отличаются и выступают в тех же самых функциях.

Третий доклад «Проблемы классификации болгарского глагола» был прочитан канд. филол. наук Ю. С. Масловым. Он указал на необходимость исторического подхода к классификации болгарского глагола, поскольку морфологическое членение грамматических форм в разные эпохи будет производиться по-разному. Используя работы русских лингвистов (Богородицкого, Бодуэна де Куртэна и др.), докладчик сформулировал общие принципы морфологического членения. Опираясь на них, он дал новую интерпретацию трех спряжений в болгарском языке. Он справедливо усмотрел принципиальное различие, существующее между так называемым третьим, «новым», как он условно его назвал, спряжением, с одной стороны, и первым и вторым, «старым» спряжением — с другой. Это противопоставление проявляется как в строе-нии основ, так и во флекциях. В «новом» спряжении все без исключения формы одного глагола образуются от одной и той же основы, всегда оканчивающейся на *a*; в «старых» спряжениях формы каждого глагола образуются от двух разных основ, настоящего времени и аориста. Внутри «нового» спряжения нет никаких дальнейших подразделений; внутри каждого из двух старых спряжений имеет место более дробное морфологическое членение, связанное с различиями в соотношении двух главных основ, с особенностями дополнительных вариантов основ и с различиями акцентных типов.

Прения по докладу подтверждали правильность теоретических посылок Ю. С. Маслова. Все единодушно признали, что он верно понимает суть исторического подхода к глагольным формам, и согласились с выдвинутым им принципом морфологического членения.

И. К. Бунина

НЕИЗДАННАЯ КНИГА АКАД. Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА

Институт языкознания АН СССР подготавливает издание избранных трудов акад. Ф. Ф. Фортунатова. При просмотре в связи с этим его неопубликованного рукописного наследия, хранящегося в Архиве Академии наук в Ленинграде (фонд 90), нами была обнаружена рукопись, не отмеченная в печатном описании архива акад. Ф. Фортунатова, составленном в 1926 г. С. Ереминым¹. В весьма тщательной архивной описи, составленной в 1940 г. покойной С. А. Шахматовой-Коплан, дочерью акад. А. А. Шахматова, рукопись эта значится под № 21—23 (опись 1), с указанием общего заглавия книги: «Об ударении и долготе в балтийских языках».

Рукопись — чистовая, писалась в разное время, вполне подготовлена к печати и состоит из трех частей. Первая часть (79 листов с оборотом, тетрадного формата) имеет заглавие: «I. Ударение в прусском языке». Она была напечатана в виде отдель-

¹ См. С. Еремин, Архив акад. Ф. Ф. Фортунатова, «Известия по русскому языку и словесности [АН СССР]», Л., 1928, т. I, кн. 1, стр. 245—249.

ной статьи на русском и вслед за тем на немецком языках². Вторая и третья части остались не напечатанными. Вторая часть (49 листов с оборотом, тетрадного формата) озаглавлена: «II. Долгота в латышском языке». К этой части имеются два черновика с дополнительным материалом (60 листов с оборотом, того же формата). Третья часть (30 листов с оборотом, писчего формата) не имеет заглавия и состоит из раздела III и IV и заключения. Разделы III—IV посвящены литовской акцентологии. Заключение (листы 27 и сл.) не совсем закончено; оно обрывается словами: *Мне представля...* Повидимому, несколько последних страниц рукописи утеряно.

Выводы разделов III—IV были кратко изложены самим Ф. Ф. Фортунатовым в «Отчете о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1911 год» (СНБ; 1911; стр. 7—11). Сообщение это начинается словами: «Академик Ф. Ф. Фортунатов приготавливал к печати статью: „К истории литовского ударения“...». Дальше следует изложение основных положений данной работы.

В некрологе акад. Ф. Ф. Фортунатова, читанном в заседании общего собрания [АН] 4 октября 1914 г. акад. А. А. Шахматовым, уделено особое внимание трудам Ф. Ф. Фортунатова по вопросам балтийской акцентологии. В нем сказано: «Особенно значительны открытия Фортунатова в сложной и темной области ударения и просодии индоевропейских языков. Балтийские языки, с одной стороны, славянские, с другой,—представляют, сравнительно со всеми остальными языками индоевропейской семьи, наиболее ценные указания на количественные и акцентные отношения в индоевропейском языке. Сопоставления названных языков привели Фортунатова к замечательному открытию, сделанному почти одновременно с ним французским лингвистом де Соссюром, о том, что в индоевропейском языке существовало два вида долготы в гласных и дифтонгических сочетаниях; указание на оба вида долготы извлекается и из некоторых явлений греческого ударения, а также из ведийской фонетики. Теперь учение Фортунатова и де Соссюра кладется в основание всех последующих работ современных лингвистов; но приходится глубоко пожалеть, что Фортунатов не изложил своего учения во всей полноте; это устранило бы ряд ошибок и колебаний, которые обнаруживаются в указанных работах».

В 1911 году Фортунатов работал над обширной статьей, посвященной литовскому ударению; вероятно, в ней он предполагал широко развить те выводы, к которым пришел, пересматривая свои основные положения. Но и эта статья не увидела свет; впрочем, несколько страниц из нее помещены в «Отчете Отделения русского языка и словесности за 1911 год»³.

Очевидно, А. А. Шахматов не знал, что в рукописном наследии его учителя осталась вполне законченная работа по балтийской акцентологии, в которой Ф. Ф. Фортунатов изложил свое учение по данному вопросу «во всей полноте». Скорейшее издание указанной книги, содержание которой связано с центральной темой исследовательских работ этого крупнейшего русского языковеда, представит значительный научный интерес как для работающих в области сравнительно-исторического языкознания, так и для специалистов по истории балтийских языков (литовского и латышского).

В. М. Жирмунский

² См. Ф. Фортунатов, Об ударении и долготе в балтийских языках. I. Ударение в прусском языке, «Русский филологический вестник», Варшава, 1895, т. XXXIII, № 1—2, стр. 252—297; то же, нем. перевод Ф. Сольмсена, в журн. «Bezzenger's Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen», Геттинген, 1897, В. XXII, 3—4, стр. 153—188.

³ См. Филипп Федорович Фортунатов. Некролог, «Известия АН», 1914, № 14, стр. 972.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. В. Виноградов. Вопросы языкознания в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решения XIX съезда КПСС	3
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
Б. А. Серебрянников. К проблеме связи явлений языка с историей общества	34
В. Г. Орлова. Изменения в характере развития русского языка в связи с историей народа	52
СПЕЦИАЛЬНЫЕ СТАТЬИ	
А. М. Терпигорев. Об упорядочении технической терминологии.	71
СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ	
Т. П. Ломтев. О роли накопленных средств для дальнейшего развития языка	77
Г. С. Кнабе. Об отмирании элементов старого качества при развитии грамматического строя языка	83
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА	
Н. К. Дмитриев. Постановка курса «Введение в языкознание» в национальных вузах СССР	92
Ю. Р. Гейннер. О преподавании курса «Введение в языкознание»	94
Н. А. Слюсарева и Е. И. Шендельс. К обсуждению курса «Введение в языкознание»	100
ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ	
Г. И. Михайлов. Языкознание в Монгольской Народной Республике. . . .	104
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Э. И. Коротаева (рецензия). Грамматика русского языка	109
В. М. Жирмунский (рецензия). Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию	120
Л. А. Булаховский (рецензия). П. Я. Черныш. Историческая грамматика русского языка	131
Ю. С. Маслов (рецензия). Вопросы языкознания в сталинском освещении	139
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
В. П. Григорьев. Заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное обсуждению работы журнала «Вопросы языкознания»	144
И. К. Калинин. Обсуждение рецензии, помещенной в № 16 журнала «Большевик», на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ	149
С. И. Ожегов. Сектор культуры речи Института языкознания АН СССР и его задачи	152
И. К. Бунина. Обсуждение основных вопросов болгарской грамматики. . .	155
В. М. Жирмунский. Незданная книга акад. Ф. Ф. Фортунатова	157
Р е д к о л л е г и я :	
С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), Р. А. Будагов, В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора), В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.	

Адрес редакции: Москва, Волховка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Т-00734.	Подписано к печати 12.II.1953.	Тираж 15000 экз.	Зак. 931
Формат бум. 70×108/16	Бум. лист. 5	Печ. л. 13,7	Уч.-изд. л. 16

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Контора «Академкнига»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ

Бюллетени Рукописного отдела (Институт русской литературы — Пушкинский Дом)

Вып. I. 1947 г. 93 стр. Ц. 9 р.

Вып. II. 1950 г. 91 стр. Ц. 6 р. 30 к.

Вып. III. 1952 г. 100 стр. Ц. 6 р. 50 к.

Бюллетени преследуют цель справочно-информационного характера — ознакомление с фондами и коллекциями Рукописного отдела Института русской литературы.

В данных выпусках помещены описания и обзоры автографов М. Ю. Лермонтова и рукописей В. Г. Белинского, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, И. А. Гончарова и др.

Драгунов А. А. *Исследования по грамматике современного китайского языка.*

1. Части речи. 1952 г. 231 стр. Ц. 13 р. 30 к.

«Литературное наследство». А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь. 1952 г. 1064 стр. 434 иллюстрации, 5 вклеек. Ц. 60 р.

«Литературное наследство». М. Ю. Лермонтов. Том II. 1948 г. 802 стр. 253 иллюстрации. Ц. 72 р.

«Литературное наследство». В. Г. Белинский (в трех томах). Том I. 1948 г. 640 стр., 184 иллюстрации. Ц. 51 р. 30 к.

Том II. 1950 г. 622 стр. 178 иллюстраций. Ц. 45 р.

Том III. 1951 г. 606 стр. 124 иллюстрации. Ц. 45 р.

«Литературное наследство». Н. А. Некрасов.

Том II. 1949 г. 674 стр. 232 иллюстрации. Ц. 45 р.

Том III. 1949 г. 635 стр. 128 иллюстраций. Ц. 45 р.

В сборниках «Литературное наследство» опубликованы неизданные материалы и статьи, освещающие литературную деятельность Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского и Некрасова.

Каждый том имеет самостоятельное содержание и продается отдельно.

Малов С. Е. *Памятники древнетюркской письменности.* Тексты и исследования. 1951 г. 451 стр. Ц. 30 р. 60 к.

Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. 1. Н. В. Гоголь. 1951 г. 134 стр. с иллюстрациями. Ц. 7 р. 20 к.

Полное собрание русских летописей. Том XXV. Московский летописный свод конца XV века. 1949 г. 463 стр., 2 вклейки. Ц. 41 р. 40 к.

Тодаева Б. Х. *Грамматика современного монгольского языка.* Часть первая. Фонетика и морфология. 1951 г. 195 стр. Ц. 13 р. 50 к.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. 1950 г. 127 стр. Ц. 8 р. 10 к.

Книги продаются в магазинах «Академкнига», а также высылаются по почте наложенным платежом.

Заказы адресовать: Москва, Б. Черкасский пер., 2. Контора «Академкнига».